

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 6 (39)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 6 (39)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шакелина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., проф. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюна, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Жизненный мир в истории России: событийное и обиходное

<i>От редактора</i>	
«Жизненный мир» как новый горизонт исторической науки (<i>А.Л. Юрганов</i>)	7
<i>А.В. Каравашкин</i>	
Символ и миф в жизненном мире Средневековья и Нового времени: от Дионисия Ареопагита до Альфреда Шюца	10
<i>М.П. Одесский</i>	
Зависть и Гордость как политические термины в русской литературе эпохи Петра I	27
<i>И.В. Курукин</i>	
«Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно»: Административная повседневность провинции в эпоху «бириновщины»	35
<i>А.С. Гулин</i>	
Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге в 60–70 гг. XIX в.	47
<i>Ю.В. Ким</i>	
«Я буду употреблять всевозможное старание устранить всё, но в противном случае я невиноват»: управляющие в имениях Мусиных-Пушкиных	63
<i>А.Б. Асташов</i>	
Русская армия и население в Первой мировой войне: фронтальная повседневность и событийность	84
<i>А.Л. Юрганов</i>	
«Вольнодумство» в первые годы Советской власти	106
<i>В.С. Парсамов</i>	
Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг.	121
<i>Д.А. Оксамитная</i>	
Успешные карьеры придворных Екатерины II: Н.Б. Юсупов и И.М. Муравьев-Апостол	147

CONTENTS

“Lifeworld” in the history of Russia: eventual and everyday

<i>Editor’s note</i>	
“Lifeworld” as a new horizon of historical science (<i>A. Iurganov</i>)	7
<i>A. Karavashkin</i>	
Symbol and Myth in the Lifeworld of the Middle Ages and New Time: from Dionysius the Areopagite to Alfred Schütz	10
<i>M. Odesskii</i>	
Envy and Pride as political terms in Russian literature in Peter the Great’s epoch	27
<i>I. Kurukin</i>	
“It is impossible to compose those sheets soon”. Administrative daily life of the Russian province in the era of <i>bironovshchina</i>	35
<i>A. Gulin</i>	
Personal funds and its sources: to the question about the material situation of the exiled convicts of political Nerchinsk katorga in the 60–70 years of the 19 th century	47
<i>Yu. Kim</i>	
“I will use every possible effort to eliminate everything, but otherwise I’m not to blame”: managers in the Musin-Pushkins’ estates	63
<i>A. Astashov</i>	
The Russian army and the population in the First World War: front-line everyday life and events	84
<i>A. Iurganov</i>	
Free-thinking (<i>vol’nodumstvo</i>) in the first years of Soviet power	106
<i>V. Parsamov</i>	
The struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921	121
<i>D. Oksamitnaya</i>	
Successful careers of Catherine the Great courtiers: N.B. Yusupov and I.M. Murav’ev-Apostol	147

Жизненный мир в истории России: событийное и обиходное

От редактора

«Жизненный мир» как новый горизонт исторической науки

Едва ли нужно доказывать, что советская историческая наука в XX в. находилась под сильнейшим влиянием марксистской методологии. Сложнее ответить на вопрос – что унаследовано от той методологии, которая де факто перестала быть обязательной для профессионального историка? Освобождение от доктринального гнета не бывает без последствий. Пересмотр тематически-оценочный обычно не ведет к открытию новых горизонтов науки: ничего не изменится, если утверждать, что красный террор был хуже белого – ну или наоборот, ибо оценочно-тематические вопросы не побуждают исследователя думать иначе, – принципиально иначе. В основе фундаментальной советской науки пребывала и до сих пор пребывает (несмотря на все уверения, что она перестала быть «советской») установка видеть исторический процесс как объективный сам по себе (иногда еще говорят – «спонтанный»), который таит в себе неузнанный и до конца неузнаваемый смысл, тогда как все прочие, условно говоря, наблюдатели-субъекты, лишь «отражают» его безликую сущность. Объективизм как установка обыденного (или «естественного») сознания предполагает, что привычные объяснения исследователя распространяемы и на субъекта истории, – он такой же! Недоказуемо такой же! В самом деле, чем отличаются друг от друга люди, если физиологически они – такие же... Физиологически – наверно! Но не культурно, не контекстуально!.. Нужны основания, чтобы утверждать, что человек как субъект истории не меняется во времени: никто из тех, кто говорит о неизменности человеческой психики, не приводит никаких серьезных аргументов, кроме манифестаций.

Между тем велик объем аргументации против объективизма как установки естественного сознания. Если мы хотим узнать, как люди не только жили в другом времени, но и что они думали о себе и о мире, то недостаточно ограничиться желанием подобного исследования, необходимо менять и сам взгляд исследователя, оптику наблюдения. Следует отдавать себе отчет в том, что ситуация жизненного мира – актуальная для исследователя – никогда не совпадает в своем контексте с ситуацией изучаемой повседневности. Ибо что такое «жизненный мир» в истории? Это всегда осмысленная повседневность – не хаос жизни, в котором нет никакого порядка, а привычный порядок жизни, получивший свое обоснование.

Категория «жизненный мир» никогда не внедрялась в историческую науку, поскольку а priori считается избыточной. Многие так и думают, – пусть останется «повседневность», – зачем усложнять *то, что и так понятно*? Вот это возражение объективистов и составляет настоящую проблему – проблему изменения оптики наблюдения, ибо не может быть сразу «все понятно»: без опыта исследования, без раскрытия чужих причинно-следственных отношений; чужая повседневность не будет являть нам свой «жизненный мир», если мы не откажемся (временно!) от своей естественной установки, от своей привычки мыслить что-либо привычно, – это будет лишь смотрение в зеркало, при котором всякий исследователь видит только себя, а не Другого.

Говоря о жизненном мире, мы не утверждаем, что вся жизнь людей состояла и состоит лишь из привычек, – нет, конечно: в tomto и дело, что обиходное и событийное не представляют собой в процессе жизни равноудаленные области, они совмещаются как явления взаимозависимые. Там, где возникает «событийное», уже гнездится «обиходное», и там, где гнездится «обиходное», всегда зреет «событийное». Эта диалектика не всегда нам открывается в полной мере, но она узнаваема через появление в любой культуре новых объяснений, новых конвенций, которых раньше не было или их не замечали. Ведь жизненный мир не дан нам непосредственно, как не дан нам весь язык целиком, на котором мы говорим: мы узнаем о существовании жизненного мира опосредованно – через опыт реконструкции причинно-следственных связей изучаемой культуры.

Новый горизонт – это *необъективистская наука*, стремящаяся видеть в источниках прошлого единственную реальность, которая открывает свои смыслы, если наша оптика наблюдения наведена на них правильно, с временным отказом от собственной ангажированности и привязанности к актуальностям своего жизненного мира.

Жизненный мир в истории России – это проблема научной реконструкции такой осмысленной повседневности, которая существует только как «поверхность» культурной среды, – и этим своим качеством она составляет наибольшую трудность. Ибо исследователю весьма нелегко понять – что для современников являлось «само собой разумеющимся». Они ведь, как и мы, не стремятся каждый раз объяснять свои поступки, потому что исходят из презумпции очевидности ежедневного опыта в уже данной им повседневности.

Выходя за пределы своей ангажированности, историк жизненного мира направляет свои усилия на то, чтобы «поверхность» чужой культуры стала ему понятной. Это определяет поиск не той истории, которая «сама по себе» (объективистски) существует, без личного сознания, а той, которая в жизненном мире людей представлена их конвенциональными моделями – моделями объяснений, почему они так, а не иначе живут, мыслят, совершают поступки, благие и преступные.

Мы не можем судить о том, что нам не дано. В объективистской науке исследователь способен манипулировать историей, потому что он оставляет за собой право толковать то, что ему дано непосредственно. Категория «жизненного мира» не дает исследователю оснований для привнесения в изучаемую культуру своих ценностных предпочтений. Во всяком случае, любая модернизация сознания может быть опровергнута критикой, обращенной на опыт научной реконструкции. И эта критика верифицируется изучением исторических источников – единственной реальности прошлого.

Андрей Л. Юрганов
Andrey L. Iurganov

Символ и миф в жизненном мире
Средневековья и Нового времени:
от Дионисия Ареопагита до Альфреда Шюца

Андрей В. Каравашкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karavash2008@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения к символу и мифу в контексте жизненного мира Средневековья и жизненного мира Нового времени. Автор делает акцент на том очевидном различии, которое разделяет два культурно-исторических типа.

В качестве наиболее показательной концепции Нового времени автор статьи рассматривает учение о символе Альфреда Шюца. Ученый-социолог и философ, основываясь на теории образования пар, разработал хорошо обоснованную концепцию восхождения от природных знаков (индикации) к области меток (условные знаки в пределах досягаемости субъекта культуры). Шюц учил также, что знаковые отношения выходят на другой уровень в условиях интерсубъективности, когда знаки становятся связующими элементами коммуникации. Конвенциональность знака и делает возможными естественные языки и языки культуры.

Вместе с тем теория символа, при всей ее важности для культуры Средневековья, лишь ступенька, ведущая к концепции мифа. Не используя самого термина, один из крупнейших средневековых теоретиков символа (Дионисий Ареопагит) различал разные уровни символизации, отдавая должное церковно-мистериальной символике, которая не только обозначает невидимое, но и мистически осуществляет то, что символизирует. Средневековье, сосредоточенное на чудесах и святости, уделяло особое внимание области обряда и сакральных предметов. В них оно видело не знаки только, а непосредственные репрезентации сверхъестественного. Таким образом, теория Шюца нуждается в дополнении. Важным элементом средневековой эстетической теории и практики становится учение о теургическом. Это миф в высоком смысле слова, теорию которого обосновал один из ведущих российских философов XX в. А.Ф. Лосев. Если Новое время стремилось ограничить теургию областью богослужбной деятельности, то Средневековье, наоборот, осуществляло

экспансию мифа на все регионы культуры, превращая повседневность в мистику веры.

Ключевые слова: символ, миф, культура, Средневековье, Новое время, интерсубъективность, конвенциональность, Альфред Шюц, Дионисий Ареопагит

Для цитирования: Каравашкин А.В. Символ и миф в жизненном мире Средневековья и Нового времени: от Дионисия Ареопагита до Альфреда Шюца // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 10–26. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-10-26

Symbol and Myth in the Lifeworld of the Middle Ages and New Time: from Dionysius the Areopagite to Alfred Schütz

Andrei V. Karavashkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
karavashkin2008@yandex.ru*

Abstract. The paper looks at attitudes towards symbols and myths in the context of the mediaeval life world and that of Early and Classical Modernity. The author focuses on the clear differences between the theories of symbol and image in mediaeval culture and in the culture of Early and Classical Modernity. Researchers in the humanities will doubtless find it extremely useful to study the theory of symbols put forward by the prominent philosopher of social science Alfred Schütz. Using as his starting point the theory of pairs, Schütz developed a well-founded theory, moving from natural signs (indications) to the domain of marks (conventional signs within the reach of the cultural subject). Schütz also claimed that the relationship between signs can reach another level when refracted through intersubjectivity, when signs become the binding elements of communication. It is precisely the conventional nature of the sign that makes natural languages and the languages of culture possible. Despite all its indubitable importance in mediaeval culture, the theory of symbols is nonetheless but a step on the way to the concept of myth. Without ever using the term itself, one of the greatest mediaeval theoreticians of the symbol, Dionysius the Areopagite distinguished between different levels of symbolisation, paying tribute to the symbols of the church and mystery plays. Whilst representing the invisible, these mystically achieve that which they symbolize. During the Middle Ages with their focus on miracles and holiness, particular attention was

paid to ritual and sacral objects. At that time, these were seen not merely as signs, but as direct representations of the supernatural. Thus, Schütz's theory could be said to require expansion. An important place in mediaeval aesthetic theory and practice came to be occupied by the theory of the theurgical. This is myth in the highest sense of the word, the theory behind which was expounded by Aleksei Losev, one of Russia's leading twentieth-century philosophers. If during Early and Classical Modernity, the theurgical was normally limited to the area of liturgical practice, during the Middle Ages, myth was expanded to all areas of culture, turning the everyday into a mystery play of faith.

Keywords: symbol, myth, culture, Middle Ages, Early and Classical Modernity, intersubjectivity, conventionality, Alfred Schütz, Dionysius the Areopagite

For citation: Karavashkin AV. Symbol and Myth in the Lifeworld of the Middle Ages and New Time: from Dionysius the Areopagite to Alfred Schütz. *RSUH / RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;6(39):10-26 DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-10-26

Одна из проблем гуманитарной науки заключается в недостаточной систематизации накопленных теоретических понятий, которые мы используем при реконструкции культурно-исторических феноменов, смысловых фактов, при установлении причинно-следственных связей между сообщениями источника. Нередко наши категории и термины извлечены из разных философских и теоретических контекстов, плохо согласуются друг с другом. Цель этой статьи сравнить средневековую и новоевропейскую симвонологию, установив таким образом не только их различие, но и сходство, что, с нашей точки зрения, важно для дальнейшего необъективистского изучения культурной истории, в том числе (и, может быть, прежде всего) средневековой. Как уже стало понятно из названия статьи, речь пойдет об учениях Дионисия Ареопагита¹ и Альфреда Шюца.

¹ Корпус сочинений, известный как «Ареопагитики», вошел в круг чтения христианства с VI в. Несмотря на споры об авторстве, тексты эти остаются одними из самых авторитетных в христианской традиции и, безусловно, являются фундаментом всей христианской симвонологии. Ареопагита отождествляли с афинским аристократом, учеником апостола Павла, а также с Дионисием Парижским, погребенным в крипте базилики Св. Дионисия в Сен-Дени. «Ареопагитики» были хорошо знакомы книжникам средневековой Руси. Митрополитом Дмитрием Ростовским Дионисий включен в сонм 70 апостолов.

И древняя теория Ареопагита, оказавшего огромное влияние на мировую христианскую философию, и феноменологическая концепция Шюца, предопределившего во многом гуманитарно-философскую рефлексию XX–XXI вв., базируются на важнейшей аксиоме, согласно которой символ появляется на границе двух регионов. Региона нашего ближайшего (непосредственного) опыта и региона не видимой, а подразумеваемой реальности. Символ, таким образом, становится мостиком между разными сферами бытия.

Верховная реальность повседневной жизни

То, что определяет двойственную природу символа, коренится в сознании человека, до известной степени играет роль фундаментального принципа, который в полной мере стал понятен благодаря проблемному мышлению. Э. Гуссерль обозначил это как *pairing* или *coupling*, феномен, который был осмыслен в качестве важнейшей особенности сознания.

В связи с этим, полагаем, важны наблюдения Альфреда Шюца, известного социолога и культуролога, который позиционировал себя в качестве последователя Э. Гуссерля. Шюца интересовало, в частности, явление символизации. Символизацию он рассматривал в модусе развития гуссерлевской концепции *образования пар*. По Шюцу, за внешними предметами, образами, знаками кроме буквального значения бывает скрыт подразумеваемый смысл. Видимая сторона природной и социальной реальности может указывать на то, что не содержится здесь и сейчас в опыте. Но непосредственное восприятие способно обнаруживать предметы, вещи, отношения, которые стоят за тем или иным материальным носителем: «Если попытаться отыскать общий знаменатель для разных теорий знаковых и символических отношений... то можно сказать, что объект, факт или событие, называемые знаком или символом, относятся к чему-то отличному от них самих. Дым – физическая вещь, данная нашему чувственному восприятию. Мы можем его увидеть, ощутить его запах, подвергнуть его химическому анализу. Но если мы берем дым не просто как физический объект, а как индикацию огня, мы принимаем его как проявление чего-то другого, нежели он сам. Назвав дым знаком, а огонь, на который он указывает, означаемым... мы можем сказать, что они образуют пару» [1 с. 463–464]².

² Важно отметить, что термином «аппрезентация» Шюц обозначает любое соотнесение видимого и невидимого, данного здесь и сейчас и транс-

Итак, образование пар – какой-то важнейший момент работы нашего сознания, нечто определяющее все наше существо и фундамент социальности, поскольку точно так же мы конституируем других людей, иные личности, применяем к ним те критерии, которые получены благодаря мышлению по аналогии с устройством нашего внутреннего мира, восприятия, оценивания. Но ведь то же относится и к культурным объектам (речь, книга, театр, произведение искусства, исторический источник), которые интересны нам не с чисто внешней стороны, но с точки зрения своего смысла. Они постижимы благодаря имеющемуся у нас опыту. Сходным образом дело обстоит в гуманитарных науках. Там проблема истолкования культурных феноменов нередко связана с тем, что мы наблюдаем разные уровни неявного смысла, который по тем или иным причинам был доступен субъекту прошлого, но сейчас скрыт от нас, и этот смысл нужно реконструировать, т. е. понять, что таится за обозначениями неактуальной реальности. Иными словами, за метками, знаками, символами находится действенный для конкретно-исторического сознания код. Цель историка культуры восстановить соотношение между внешним (означающее) и внутренним (означаемое).

Везде, иными словами, мы вынуждены покидать регион своей наличной реальности в поисках трансцендентного, скрытого от нас. Это касается самых разных областей. По Шюцу, все начинается в области повседневной жизни, в той верховной реальности, которая определяет наши последующие действия, попытки узнавания, усилия по интерпретации предметов, высказываний, жестов и образов. И везде мы так или иначе сталкиваемся с процессом образования пар, соотношения внешнего и внутреннего, фасада и тыльной стороны, манифестации и скрытого за ней значения.

В этом механизме Шюц видел важнейшую предпосылку культуры и коммуникации. Важно то, что один объект воспринимается

цендентного. Это может касаться любых самых простых вещей в реальности повседневной жизни. Каждый день я прохожу мимо дома и вижу его фасад. Мое непосредственное восприятие не представляет мне дом целиком. Мое сознание с доверием относится к миру и на основе только одной воспринятой стороны дома конституирует весь дом как полноценный объект. На самом деле невидимая сторона дома трансцендента по отношению к видимой. В аппрезентации часть сигнализирует о целом. Очень многое нам дано не реально, а потенциально. Можно даже сказать, что весь мир повседневной жизни основан не на объективной картине, но лишь на аппрезентации.

не сам по себе, а только как *повод* для интуитивного, порой непровольного, схватывания иного объекта. На обыденном языке это будет означать, что воспринимаемый нами предмет вызывает ассоциации с другим предметом (тело – с психической жизнью, дерево – с природой, словесное описание – с реально существующими географическими пространствами). Это может быть воспоминание, представление, фантазм, нечто вполне материальное или абсолютно идеальное, существующее и несуществующее, находящееся в прошлом или отнесенное к будущему и даже пребывающее вне всякого времени.

Степень вовлеченности субъектов в раскрытие связи между знаком и его дальним горизонтом бывает разной. На низшем уровне, доступном и для животных, между внешним и внутренним существует почти рефлекторная закреплённость сигнала и значения. Мы говорим: «Дыма без огня не бывает». Следовательно, здесь уже на этапе естественной интуиции обнаружилась корреляция, властно продиктованная внешней средой, к которой все живое приспосабливается. Сама необходимость выживания устанавливает здесь определенные связи. Столь примитивная индикация не требует творчества и поиска средств выражения.

Совсем иное качество предлагают *метки*. Метки принадлежат не внешней среде, а создаются теми, кто ее осваивает. По мысли Шюца, интерпретативный контекст установлен по желанию субъекта ситуации: сломанная ветка может означать путь к колодцу. Причем многое зависит от произвола устанавливающего правила игры: «Метка “не имеет ничего общего” с тем, о чем она должна мне напоминать; то и другое попадают в интерпретативный контекст просто в силу того, что такой контекст мною установлен. Согласно принципу относительной нерелевантности средства, я могу заменить сломанную ветку камнем; согласно принципу метафорического перенесения, я могу посвятить этот камень наяде и т. д.» [1 с. 478–479]. Недостаток метки в том, что она ситуативна, принадлежит миру в его ближайшей от нас досягаемости в пространственном и временном смысле. Зарубка на дереве сообщает о тропе охотнику, а подчеркивания на страницах книги сигнализируют о приобретенном знании. Но проходит время, и эти метки теряют свою актуальность. К тому же чаще всего они рассчитаны только на того, кто их оставил. Они лишены общезначимости.

Если индикации и метки необязательно предполагают существование других людей, хотя и могут функционировать также в мире интересубъективном, то иначе обстоит дело со *знаками*. Знаки появляются там, где один человек способен конституировать

личность Другого как во всем подобную, наделенную теми же чувствами, знаниями, разумением, могущую получать и считывать информацию, обладающую памятью и обучаемую. Поэтому знак по определению конвенционален. Он адресован мне, Другому, всем остальным, неопределенному количеству тех, кто может его прочесть. Конечно, личность Другого имеет свои цели, по-своему уникальна и биографически детерминирована. Другой имеет свою драматургию и свою цель, нежели я, но многие факты и объекты мы понимаем эмпирически тождественным способом. Шюц иллюстрирует это следующим образом: «Приведем пример: мы оба видим одну и ту же парящую птицу, несмотря на различие нашего пространственного положения, пола, возраста и несмотря на то, что ты хочешь эту птицу подстрелить, а я просто люблюсь ее полетом» [1 с. 486].

Реальность повседневной жизни (не только природная, но и социокультурная) представляет собой довольно сложную среду. Это факты и события, которые даны непосредственно, а также факты и события, находящиеся в моей потенциальной досягаемости. К ним добавляется еще коммуникативная среда, наполненная «аппрезентативными соотношениями», то есть знаками, большая часть которых является общей для меня и множества Других. Я прихожу в мир, уже сформированный таким образом, что без освоения этой семиосферы выжить среди людей практически невозможно. Шюц делает вывод: «Все эти аппрезентативные соотношения принадлежат к конечной смысловой области, называемой реальностью повседневной жизни. Тем не менее не следует ничего менять в нашем тезисе, что все аппрезентативные соотношения суть средства приспособления к переживаниям трансценденций» [1 с. 498].

Однако есть такие переживания, которые трансцендируют за пределы мира повседневной жизни. Они соотносятся с другими подмирами (например, наука, искусство, религия, политика, мир фантазмов и сновидений и т. д.). Это область собственно символов.

Моя повседневность, как и повседневность Другого, не ограничивается только проживанием в этом регионе бытия. Социальный мир наполнен разного рода *объяснениями*, т. е. социум и отдельные люди имеют представления о причинах, истоках и смысле всего существующего. Есть трансценденции, которые не достижимы для меня в простейшем опыте. Необходимо глубокое их исследование. И если богословие толкует о верховном существе, а физика объясняет строение атома, то эти знания никак не следуют из запаса моих повседневных знаний. Необходим переход на качественно иной уровень объяснения, который просто так не дан мне по факту

рождения. Эти интерпретации относятся так или иначе к разным системам описания и истолкования мира, в том числе и верховной реальности повседневной жизни. Шюц поясняет это следующим образом: «Суть дела в том, что в самом социокультурном окружении мы находим социально одобренные системы, отвечающие на наш вопрос о непостижимых трансценденциях. Формируются средства, позволяющие схватывать не дающие нам покоя феномены, выходящие за границы мира повседневной жизни, подобно тому, как мы схватываем в нем знакомые нам феномены. Это достигается за счет аппрезентативных соотношений высшего порядка, которые будут здесь названы *символами*, в противоположность используемым до сих пор терминам “метки”, “индикации”, “знаки”» [1 с. 501].

Как видим, Шюц остановился на уровне специфических подуниверсумов, которые отличаются теоретической и практической обособленностью, соседствуют с повседневностью, но существуют по своим правилам как некие институты, ограниченные мировоззренчески, имеющие свои крайне специальные цели и задачи.

Верховная реальность трансцендентной жизни

Сама идея подуниверсумов могла, видимо, возникнуть в Новое время, в эпоху заметной специализации, обособления областей духовной жизни. Если мы обратимся к теории символов, возникшей в совершенно иных культурно-исторических условиях, в эпоху раннего христианства и Средневековья, то увидим, что там не могло быть таких ограничений. Мир мыслился единым, подчиненным общим закономерностям, а социокультурная реальность была лишь отражением высшей иерархии. Тем не менее все высшее не покоилось, но для религиозного сознания активно участвовало в делах дольного мира, в истории человечества. При всей запредельности и непостижимости трансцендентного, которые признавали интеллектуалы Средневековья, границы между мирами оставались проницаемыми. Иначе и невозможно было бы объяснить религию, церковь, социальный универсум и все их установления.

Здесь заканчивается обычное познание. Так по крайней мере обстоит дело для конкретно-исторической объективистской сферы, базирующейся не на повседневности, а на мистическом понятии религиозного опыта. Человек перестает быть мерой вещей. Повседневность ни при каких условиях не может быть верховной реальностью. То, что склонно оберегать Новое время, для Средневековья оказывается производным, вторичным. И если есть символ, то это

значит лишь, что он может быть преодолен, а скрывающийся за ним регион бытия может вступить в непосредственный контакт с воспринимающими. Для Средневековья на этой отметке все *самое интересное и важное* только начиналось.

Религиозное сознание рассматривает символ только как несовершенный инструмент взаимодействия с трансцендентным. И сами опыт, непосредственное восприятие и повседневность значат тут совсем не то, что они могут значить в контексте рационального и механистического мышления. Опыт отношений с невидимым предполагает, что оно в том или ином качестве присутствует не только в области непознаваемого, но и располагается в пределах досягаемости субъекта, может быть доступно, определенным образом воздействует на реальность и даже становится частью повседневности как чудо или как святыня. И любая попытка видеть в сверхъестественном только символ, только указательный знак, только видимость связи горнего и дольного, а не саму эту связь во всей ее чувственности и конкретности, может привести только к обвинениям в неверии и кощунстве. Средневековый культурно-исторический тип возводит этот контакт с невидимым в один из самых важных принципов, культивирует его. Отсюда такое значение имеют не мощи, но именно чудотворные мощи, не иконы, а именно чудотворные иконы. Наконец, и обряд значит в этом отношении нечто большее, чем простой благочестивый жест, что-либо только символизирующий. Священным предметам и обрядам Средневековье присваивает чудодейственную энергию. Вот почему на исходе XVII столетия любые обрядовые и эстетические расхождения старообрядцев и новообрядцев приобретали совсем иной смысл, нежели они имели в развитой культуре Нового времени. Релятивизму рационального мышления Средневековье словно противопоставляет мир предметов, образцов, культовых объектов, которые в значительной степени становятся репрезентациями невидимого и сверхъестественного.

Но можно возразить. Разве то же Средневековье не создает глубоко разработанный и обогащенный многообразным философским и эстетическим опытом символизм? Разве символ не является одной из центральных категорий средневековой культуры? Конечно, символика для Средневековья важна. Но обычного символа средневековому сознанию мало. Оно нуждается в таких интуициях, которые раскрывали бы опыт потустороннего. Отсюда стремление объяснять мир и принципы его устройства не естественными причинами, а предпосылками трансцендентными, гетерономными (откровение, кенозис, излияние божественных энергий). И чтобы

это понять, обратимся к одной из самых авторитетных концепций символа, которая была разработана в текстах, традиционно приписываемых Дионисию Ареопагиту.

В трактате «О Божественных именах» Ареопагит раскрывает свою философию имени и отмечает, что путь познания Бога может состоять как в отрицании положительного знания (ведь Бог, безусловно, превосходит всякое о нем суждение и умозаключение), так и в утверждении такого знания, поскольку множество положительных (катафатических) имен-символов позволяет показать неисчислимо количество деяний Бога, направленных вовне, на мир и людей. Ареопагит говорит об этом так: «Поскольку же, будучи бытием Благости, самым фактом своего бытия Она (Богоначальная сверхсуществование. – А. К.) является причиной всего сущего, богоначальный промысел Богоначалия следует воспевать, исходя из всего причиненного Им, потому что в Нем – все и Его ради...» [2 с. 35]. Познание Божественного, таким образом, заключается и в сокрытии (или отрицании) имени, и в утверждении его. Эта противоречивость обусловлена тем, что человеку, конечно, ничего не дано знать о Боге, кроме результатов Его творческой работы, которые стали изливанием энергий на мир. Но именно в силу своей причастности к творению человек получает возможность что-то вообще говорить о высшем начале и его представлять. Конечно, все эти способности человека крайне ограничены, если не сказать больше: ничтожно малы».

Ареопагит неслучайно рассматривает две категории символов. Одна основана на знании. Это *гносеологические* символы. Другая (что для нас принципиально) – на причастности. Это *сакрально-литургические* символы. Недостаток умпостигаемого восполняется здесь теургией, то есть мистериальным общением с миром Божественным. Это не познание в эпистемологическом смысле, а причастность, получение мистической энергии, такое состояние преображения, которое возможно лишь через участие в таинстве [3 с. 124].

Сакрально-литургической символике посвящен трактат Ареопагита «О церковной иерархии». Толкуя таинства в мистериальном ключе, автор трактата объясняет, что в таинствах Церкви человек получает, прежде всего, не знание, а посвящение, то есть соединяется с Божеством особым мистическим способом, восходит на сверхчеловеческий уровень. В сакрально-литургических символах, меняющих саму онтологию человека, заявляет о себе, конечно, активно действующее высшее начало. Здесь не человек силою ума пытается проникнуть в тайны бытия, а сверхъестественное начало

захватывает и духовно меняет человека. Анализируя толкования таинств Дионисием, исследователь «Ареопагитик» В.В. Бычков приходит к такому выводу: «Уже из этих примеров (толкования обрядов и таинств Ареопагитом. – А. К.) хорошо видно, что храмовое богослужение с его главными таинствами Дионисий Ареопагит воспринимает как динамически развивающееся пространство священных символов, направленных как на обозначение многих феноменов небесного пространства, так и на реальное мистериально-теургическое приобщение (причастие) принимающих в нем участие к божественной сфере» [3 с. 132].

* * *

Итак, для историко-культурных исследований важно не ограничиваться одной концепцией символа, которая при всей своей универсальности может быть недостаточна, когда мы переходим от новоевропейского материала к средневековой культуре. Для Шюца символ – только указательный знак, обозначающий инаковость других регионов бытия по сравнению с верховной реальностью повседневной жизни. У символа, иными словами, существует только одна познавательная функция. Между тем Средневековье на это смотрело иначе. Во-первых, повседневность была для него лишь следствием куда более важной причины. Во-вторых, субъект культуры в Средние века исходил из своей ограниченности, неспособности познавать верховную причину. Поэтому Средневековье видело в символах некоторое весьма несовершенное приспособление, позволявшее отыскивать и как-то обозначать сверхреальность. Катафатическая символика была величайшей уступкой человеческой немощи. Все положительные характеристики Бога и невидимого мира в целом рассматривались как бледное отражение первообраза. В-третьих, если человек в области своей повседневности был ограничен, то Иное, напротив, всегда действовало и настойчиво о себе заявляло. Так, например, нерукотворный лик Христа не был для средневекового сознания (как и сейчас для религиозного христианского сознания) изобретением человеческим. Он был результатом беспрецедентной активности высших сил. Следовательно, повседневность становилась тем локусом, в котором контактировали низшее и высшее, следствие и причина. При этом у человека всегда оставалась возможность не только приобщаться к верховной реальности, но эту трансцендентную реальность парадоксальным образом вмещать в себя.

Средневековое учение о символе продолжается уже как учение о *мифе*. Если эмпирические вещи вдруг начинают проявлять иде-

альные свойства, то тут нужно говорить о другой структуре, такой же парной, двусоставной, но стоящей на ступень выше. То, что было призвано лишь обозначать отсутствующую *здесь* реальность, начинает воздействовать на окружающий мир и менять его. Например, вода может быть символом исцеления, но когда она уже сама начинает исцелять, то происходит чудо. Вода из обычного вещества превращается в лекарство. Для субъекта, оценивающего эту ситуацию или определяющего ее как исцеление, вода перестает быть прежней. Она начинает восприниматься в аспекте некоей *мифической отрешенности* (термин А.Ф. Лосева). Сознание, конституируя миф, отрешается от повседневного значения вещи, начинает понимать вещь совсем не так, как о ней принято было думать раньше. При этом структура мифа, как и символа у Шюца, сохраняет свою бинарную, двуединую природу: есть внешнее выражение (вещь, объект) и есть внутренняя идея (идеальное назначение вещи). Когда они совпадают то, согласно концепции автора «Диалектики мифа», выступавшего своеобразным апологетом средневекового мироощущения, и происходит настоящее чудо. Миф, так интерпретируемый, уже не просто рассказ о чем-то невероятном или превратное понимание порядка вещей, а самая настоящая реальность. Для сознания, верящего в отрешенный смысл предмета, он становится реальнее самой реальности, способен коренным образом эту реальность преобразовать.

И разве не так обстоит дело в любой мифологической системе? Для сказки есть не просто ковер, но ковер-самолет. Для церковного почитания есть не просто кость, но источающая благоухание чудодейственная реликвия. Для политизированного сознания – не просто очередной государственный деятель, но источник благ, носитель высшей мудрости, харизматик, шаман, перестраивающий социальную жизнь на лучших основаниях, априори хранитель какого-то тайного знания, которое, как зерно, содержит все будущие достижения науки, техники и экономики. Такое «волшебство» основано на том, что сознание субъекта культуры не просто допускает в мир повседневности сверхъестественное, но делает это сверхъестественное главным героем жизни, позволяет ему занимать центральное место в системе ценностей.

Конечно, говоря о сверхъестественном, мы имеем в виду не только религию. Понятие «миф» шире (и намного) понятия «религия». Миф основан на гипостазировании могущества вещи, он придает ей особый смысл, как бы отдельное существование, вырывает вещь из области отвлеченных абстракций. Как утверждал А.Ф. Лосев, все «живые вещи живого восприятия» суть мифы [4 с. 94].

Средневековые делали акцент на том, на чем собственно делает акцент любая религия, на участии трансцендентных духовных существ в жизни людей. На этом и были построены средневековые учения о боге, природе, космосе, исторической и социальной реальности. Провиденциализм и телеология были следствием этого умонастроения. Поэтому роль символа всегда вспомогательная по сравнению с непосредственным водительством высшей силы.

Именно это ограничивающее, педагогическое свойство символа – лишь указывать на иную реальность – преодолевается в литургической практике: здесь уже на первом месте не только и не столько обозначение, сколько осуществление. Здесь верующий делается причастником, частью тела Христова. Здесь символ недостаточен, потому что он гносеологичен, а не фактичен. Познание не вытесняется, а восполняется теургическим (по Ареопажиту) единством «знания, действия и совершенства» [3 с. 131]. То есть мы уже имеем дело с более высокой степенью опыта, чем простое ведение. Если символ лаконично намекает на Иное, то сейчас само это Иное находится в непосредственной досягаемости, нисходит до участника таинства. На Литургии верных сам текст Херувимской песни объявляет о присутствии Бога в храме: «*Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми*» [5 с. 255]. В это время и осуществляется *великий вход*, перенесение Даров с жертвенника на Престол. По-своему и очень образно свое отношение к этому моменту службы выразил отец Павел Флоренский: «Мое давнишнее наблюдение. Как запоют “Иже херувимы”, так поднимается таинственный вихрь, дующий снизу вверх, и он уносит из эмпирий меня, служащего. С этого момента я перестаю быть, как и все и со всеми, и делаюсь иным, и пребываю в ином месте. Это – полная изоляция. Ощущение такое, что всю службу подымаешься-подымаешься в гору, воздух делается реже, ветер сильнее. А как дойдет до херувимской, так оказываешься на вершине, и тут ветер благодати срывает с вершины и уносит вон, и паришь в ином мире. Но как попадаешь обратно – на землю, мне неясно» [6 с. 451]³.

В признании священника и богослова важно не только личное свидетельство, но и указание на уникальность момента: контакт с высшими силами происходит в определенный момент, ни до, ни

³ Отношение к мифу у П.А. Флоренского было двойственным. С одной стороны, он признает миф наряду с культом [6 с. 451–452], подчеркивая необходимость верить в них так, как верует Церковь, и в то же время рассматривает миф как начало, произрастающее на святыне и паразитирующее на ней [6 с. 76–77].

после. И этот контакт становится наиболее возвышенным и наиболее напряженным проявлением религиозного чувства. Конечно, теургическое общение молящегося с Иным – область таинства, явление, скорее всего, исключительное, чем рядовое. Символ в этом смысле не приурочен к определенному сакральному времени. Символ условен. К тому же в символе силен еще тайноводственный, пропедевтический момент. Конечно, потребовалось время, чтобы символ занял строго определенное место в системе культа. Его роль не была сразу исчерпывающе прояснена. С чем и связаны эксцессы иконоборчества. В этом смысле чрезвычайно важно различие иконы и таинства, которое проводил еще Феодор Студит. Смысл его учения об иконе состоит в том, что Бог может присутствовать в материальном носителе (иконописный образ на доске) ровно в такой же мере, в какой он присутствует в любом другом куске дерева. Икона – это отношение, а не таинство, символ, а не Иное, участок материи, пригодный для контакта с архетипом, но не сам архетип. При этом в иконе не может быть никакой сакрализации материи, как и в символе, чего нельзя сказать, например, о Святых Дарах, мощах и освященной воде [7 с. 213–214].

Средневековый культурно-исторический тип, тем не менее, постоянно уклоняется в сторону мифа, склонен делать границу между символом и мифом менее осязаемой, нечеткой. Диффузия символического и мифологического особенно видна на примере религиозного и культурного конфликта во времена раскола, т. е., если пользоваться терминологией А.Ф. Лосева, предметом *мифической отрешенности* становится гораздо более широкий круг объектов реальности, чем этого требует обычная литургическая практика в Новое время. Средневековье исподволь стремится весь мир вокруг превратить в *мистерию*.

Ярким примером такой мифологизации времени и пространства становится переживание Страшного суда в XVII столетии. Антихрист и знаки его присутствия – это не отдаленная перспектива, не теоретическая возможность, а непосредственная реальность. Люди не ждут конца времен, а сами вовлечены в эсхатологию, которая становится событием их жизни. Иными словами, сознание средневекового человека зачастую отвергает символизацию как нечто условное и приблизительное в пользу той полноты истины, которая называется *чудом*. Миф – это то, что существует здесь и сейчас, это непосредственная данность, вещь, эмпирически наблюдаемая, объект, заключенный в ощущениях, наглядная и конкретная реальность⁴. Такая ужасная для новоевропейского человека катастрофа,

⁴ По А.Ф. Лосеву, миф и есть *чудо* [4 с. 171–201].

как *конец света*, средневековым сознанием воспринимается с духовным подъемом, почти оптимистически. Места для трагедии тут нет. Напротив, наступают времена, когда Царствие небесное само приходит к человеку. Остается этим только воспользоваться. Живое и образно написал об этом протопоп Аввакум. Так, в «Книге бесед» автор замечает, что желающим принять муки незачем вспоминать древнюю Персию. Новый Вавилон утвердился в России. Подвиг трех мучеников, отправленных Навуходоносором в огненную печь, может быть повторен и в Боровске, куда ссылают сторонников правой веры: «Не по што в Персы итти, печи огненные искать, но Бог дал дома Вавилон: в Боровске печь халдейская, идеже мучатся святии отроцы, херувимом уподобльшися, трисвятую песнь воссылающе. Право хорошо учинилося» [8 с. 91]. При этом пейзаж Вавилона явно претендует на то, чтобы быть и описанием Боровска (точнее, Боровск мыслится как некая параллель Вавилона) [9 с. 404]. Примеры подобных сближений и отождествлений можно, конечно, умножить. Для Аввакума это один из любимых приемов, который встречается в самых значительных его текстах. Границ между Библией и повседневностью для «огнепального» протопопа как будто не существует.

То, что мы воспринимаем подчас как исключительное художественное новаторство, было в те времена живым мироощущением и даже до известной степени содержанием индивидуальной психологии защитников старой веры. «Русское эсхатологическое действо XVII в. было мистериальным», – отмечает исследовательница. Иными словами, это действо превращало жизнь в осуществившийся миф, было сакрально-мистическим, не имело «сценических границ» [10 с. 198].

Заключение

Различение двух концепций символического и мифологического, как они складываются и раскрываются в Средние века и в Новое время, важно не только для постижения прошлого, но и для более ясного, реалистического понимания настоящего. Ведь культурно-исторические типы, однажды возникнув, никуда не уходят, не исчезают окончательно, даже если время их полного расцвета и максимального роста оказывается в далеком прошлом. Культура – это не стартовая прямая прогресса, но слоеный пирог, в котором слои не только громоздятся друг над другом, но нередко осуществляют экспансию, склонны идти в наступление, неожиданно прорываться

туда, где, казалось бы, царит полное господство новых ценностей и нового жизненного мира. Развитие и рост предполагают порой и регресс. Это важно помнить, когда мы имеем дело с современностью. Прошлое заключено не только в исторических источниках, но и в голосах, хор которых, образно говоря, звучит в наше время, хотя он чаще всего уже напоминает информационный шум. Нередко в этом многоголосии можно различить голоса с неясным звучанием и непонятной этиологией. К ним нужно внимательно прислушаться, чтобы обнаружить подлинные истоки и природу тех слоев, о движении которых нам сообщают сигналы, диссонирующие с общим ходом привычных звучаний. Очень часто движение назад становится важным индикатором кризиса, который, как известно, оказывается необходимой болезнью роста. Таким образом, развитие – это не только движение вперед. Развитие – это разнонаправленный и нередко парадоксальный процесс.

Литература

1. *Шюц А.* Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 456–530.
2. *Дионисий Ареопагит.* О Божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1994. 370 с.
3. *Бычков В.В.* Образно-символическая основа мышления автора «Ареопагитик» // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 120–133.
4. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 559 с.
5. *Дмитриевский И.* Историческое, догматическое и таинственное изъяснение Божественной Литургии. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 427 с. Репринт.
6. *Флоренский П.А.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
7. *Шёнборн К.* Икона Христа. Богословские основы. Милан; М.: Христианская Россия, 1999. 232 с.
8. *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1979. 367 с.
9. *Демин А.С.* Наблюдения над пейзажем в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 22. С. 402–406.
10. *Плюханова М.Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 184–200.

References

1. Schutz A. Symbol, Reality and Society. V: Schutz A. *Selected Works. The world of luminous meaning*. M.: ROSSPEN Publ.; 2004. p. 456-530. (In Russ.)
2. Dionysius Areopagite. On the Divine names. About mystical theology. Sankt-Peterburg: Glagol' Publ.; 1994. 370 p. (In Russ.)
3. Bychkov VV. The Imagery and Symbols Behind the Thinking of the Author of the Corpus Areopagiticum. *Voprosy filosofii*. 2012; 9:120-33. (In Russ.)
4. Losev AF. Dialectics of Myth. Moscow: Mysl' Publ.; 2001. 559 p. (In Russ.)
5. Dmitrievskii I. Historical, dogmatic, and mystical explanation of the divine Liturgy. Moscow: Moskovskii Patriarkhat Publ.; 1993. 427 p. Reprint. (In Russ.)
6. Florenski PA. Collected works. The philosophy of the cult. Moscow: Mysl' Publ.; 2004. 685 p. (In Russ.)
7. Schönborn K. The Icon Of Christ. The theological basis. Milan; Moscow: Khristianskaya Rossiya Publ.; 1999. 232 p. (In Russ.)
8. The Life of Protopope Avaakum. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.; 1979. 367 p. (In Russ.)
9. Demin AS. Observations of the landscape in the Life of the Protopope Avaakum. V: *The works of the Department of ancient Russian literature*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. Vol. 22. p. 402-06. (In Russ.)
10. Plyukhanova MB. On some features of personal consciousness in Russia XVII century. V: *Artistic language of the Middle Ages*. Moscow: Nauka, Publ.; 1982. p. 184-200. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей В. Каравашкин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; karavash2008@yandex.ru

Information about the author

Andrei V. Karavashkin, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; karavash2008@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-27-34

Зависть и Гордость как политические термины в русской литературе эпохи Петра I

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация: Автор анализирует случаи функционирования «повседневных» слов как политических терминов. Материал исследования – панегирическая русская литература эпохи Петра I. В статье показано, что для создателей панегирических школьных драм и проповедей слова «зависть» и «гордость» превратились в обозначение враждебных России держав.

Ключевые слова: зависть, гордость, политическая терминология, школьная драма, проповедь, эпоха Петра I

Для цитирования: Одесский М.П. Зависть и Гордость как политические термины в русской литературе эпохи Петра I // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 27–34. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-27-34

Envy and Pride as political terms in Russian literature in Peter the Great's epoch

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract: The article analyzes cases of “everyday” words functioning as political terms. Data for his study he takes from panegyric Russian literature in Peter the Great's epoch. It is shown in this article that authors of panegyric school dramas and sermons used words “envy” and “pride” to denote hostile to Russia nations.

Keywords: envy, pride, political terms, school drama, sermon, Peter the Great's epoch

For citation: Odesskii MP. Envy and Pride as political terms in Russian literature in Peter the Great's epoch. *RSUH/ RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;6(39):27-34. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-27-34

Соотношение «исторического» и «повседневного» эффективно анализируется, когда в источнике, который предназначен для фиксации «повседневного» (дневники и т. п.), обнаруживают также «историческое», преломленное через призму приватной жизни. Но не менее увлекательны обратные случаи, когда в источнике, ориентированном на «историческое», функционируют слова, интерпретация которых позволяет прикоснуться к «повседневности».

В качестве такого случая в статье рассматривается одна из панегирических пьес московской Славяно-греко-латинской академии, которые при царе Петре интенсивно использовались для пропагандистского освещения хода Северной войны [1 с. 54–55]. Пьеса «Божие уничижение гордых уничижение» (февраль 1710 г.) – последняя в череде московских драматических панегириков: подгадали ее к торжествам, приуроченным к грандиозной полтавской «виктории».

Постановки Славяно-греко-латинской академии обыкновенно сопровождались подробными программками, которые отдавались в печать и тем самым приравнивались к таким панегирическим формам внешне- и внутривластных успехов Петра I, как переводы, учебники, указы и т. п. [2 с. 503]. Очевидно, правительство было заинтересовано не столько в зрелище, сколько в печатном распространении его пропагандистского смысла, придавая программе большее общественное значение, чем постановке. Это относится и к пьесе «Божие уничижение», которая сохранилась в формате не полного текста, а только программки.

«Божие уничижение», как и предыдущие драматические панегирики Академии («Царство мира», «Торжество мира православного», «Ревность православия», «Свобождение Ливонии и Ингерманландии»), построена на основе Библии. Пьеса состоит из двух Частей (Действий): в первой показаны подвиги юного Давида, во второй – его борьба с мятежным сыном Авесаломом.

В I Части Гордость иноплеменника, явившись на Льве венчанном, поносит Израиль и хвалится могуществом богатыря Голиафа, однако Орел Российский с Помощью Божию «Лву ногу хрому творит» [2 с. 230]. Гордость – уже на охромевшем Льве – продолжает борьбу. Тогда «Царство израильтеско, знаменующее российско», выставляет против Голиафа юного Давида: «Является Голиаф, по-прежнему

взывая на поединок борца, Давид же к нему с Помощию и Крепостию Божиею приходит, камнем убивает и главу мечем его отсекает...» [2 с. 231]. Давид справляет триумф, «над нимже Слава на Орле Российском со трубою, девы же с тимпаны и гуслиями сретают его, поюще песни торжественныя» [2 с. 232]. Тем временем Саул, неправедный царь Израиля, «казнен от Бога»: он побежден иноплеменниками и совершает тяжкий грех самоубийства, – а героическому Давиду «Сила с небес всемогущая вручает Царство израилево», «венчает его венцем» и обещает с «ним всегда быти» [2 с. 232].

Во II части Давид выступает как царь и отец взрослого сына. В начале пьесы он «тешится в роще, идеже через умбры орел российский купно с Помощию Божиею Льва хрома со лвяты ловит и лвята половил пособием Божиим. Лев же хром беже» [2 с. 234]. Это – показанное при помощи театра теней сражение у Переволочны, где после Полтавы шведская армия была добита, но Карлу XII удалось бежать в Турцию. Потом сын царя Авесалом, подушаемый бесом (1 Явление) и собственными страстями (4 Явление), поднимает мятеж против отца. Понятно, бунтовщики разгромлены, а царевич – вопреки воле милостивого отца – погибает. В последнем 22 Явлении подводится итог. Аллегорические фигуры во главе с Судом Божиим «глаголют во обществе, яко Бог гордым уничтожителем и неблагодарным власти своей противником всегда противится», потом явлен Орел Российский, «в единой нозе мечь, а в другой же различна знамения началств» [2 с. 238].

Обе Части предваряются эмблематическими сценами. Перед I Частью: гордого льва поражает Сампсон; вавилонский царь Навуходоносор наказан за гордость и превращен в вола; столп, «свейскаго воинства силу изъявляющий» и украшенный горделивой надписью «стою непобедимый, крепок, неподвижимъ» – «от Полонии, Литвани и Саксонии» не поколебленный (аллюзия на поражения, ранее понесенные русским союзником Августом II Сильным), а «от Российския монархии пособием Божиим пад сокрушися» [2 с. 228–229]. Перед II Частью: Люцифер падает с небес, возглашая «Тако влаstem противящиися погибают»; Корей, Дафан и Авирон «со своими за сопротивление Моисею живы землею пожренны»; аллегорические фигуры «Свеция хрома с надписанием (Карл XII. – М. О.) и Измена (Мазепа. – М. О.) вкупе и лезут на престол высок, Орла российска над собою имущ, ихже от престола Орел громом прогоняет и со студом бежащих творит <...> Свеция надпись: помощию измены. Орла надпись: хрому хромая помощь» [2 с. 233]. То есть в обоих эмблематических прологах два библейских и один актуально-аллегорический эпизод иллюстрируют «уничтожение» гордых и тех,

кто восстает против праведной власти, выявляя направленность пьесы на поношение двух основных врагов царя Петра – шведского короля-агрессора и мятежника-гетмана.

Пьесу «Божие уничижение» открывает пролог-«предидействие», где говорится:

Предидействия <...> зде полагаются ради явственнейшаго изображения хотящаго быти в самом действе дела, с нынешним торжеством согласующаяся; в самом же действии аще, что мнится быти и несогласно с торжеством нынешним, да не удивишися, образ бо или подобие с самым делом не во всем согласует. <...> Зде бо положено иное ради нынешния победы, иное ради истории (Библии. – М. О.), аще и не ко всему нынешнему делу <...> подобной, и того ради да большее будет согласие с победою и изменою сравнение; до истории иное прибавлено, иное убавлено, иное же в ней отменено, нужда бо не токмо историю, но и закон изменяет [2 с. 229].

И далее Предидействие дает политический ключ к системе персонажей пьесы:

Равенства убо зде несть, сравнение же в некаких вещах сие есть: царство ираильско со своими во смиреннии и терпении царству российскому, гордый же Голиаф со своими в гордости и поношении силе воинства свейскаго уподобляется. Саул в первой части в двух явлениях, завидяй Давиду, положен и ради истории и ради изображения зависти от многих чуждых стран о преславной победе нынешней. Давид, единого Голиафа со своими убивый, Льва же токмо хрома сотворивый и прогнавый, с царским величеством сравнивается. Авесалом отцу в сопротивлении с самым изменником, проклятым Мазепою... [2 с. 229].

В Библии пастух-Давид защищает стада от львов и сражается с ними (1 Цар. 17: 34–36), но хромыми не делает. Проницательный читатель (и зритель) догадается, что хромота Льва, геральдического знака Швеции, и самой Швеции – конкретная аллюзия на Карла XII, который был ранен в ногу накануне Полтавской битвы и потом бежал, оставив армию на милость победителя. Хромой Лев влечет Авесалома в роковое сражение с царем Давидом и после разгрома снова «беже» – подобно шведскому королю, который соблазнил гетмана И.С. Мазепу бунтовать против царя, а сам бежал. Царевич Авесалом – не столько библейский персонаж, сколько обозначение Мазепы, поднявшегося против законного царя, почти отца.

Заглавие пьесы – «Божие уничижителей гордых уничижение» – содержит краткую формулу основной идеи полтавской пьесы: наказание гордых и торжество смиренных. Санкционировал пропагандистскую актуализацию мотива наказания гордых сам царь Петр. В «Гистории Свейской войны» описание Полтавской «виктории» венчалось выводом: «И тако милостию Всевышшаго совершенная виктория (которой подобной мало слыхано), с легким трудом и малою кровию против гордого неприятеля чрез его царского величества персональной, храброй и мудрой привод и храбрость начальных и салдат одержана» [3 с. 162]. А потому в «Божием уничижении» оказывается востребованным «смиренный» [2 с. 228] герой – библейский Давид, победитель гордого Голиафа.

Аналогично, горд хромой Лев. Он постоянно является в пьесе с надписями: «горд есмь, ибо непобедимый» [2 с. 228], «кто яко аз» [2 с. 230], «ругаю», «мое еже ругати» [2 с. 230], «хром, но лют», «смирися до зела» [2 с. 231], «изменою изменяюся», «изменою погибаю» [2 с. 235], наконец – после конечного разгрома Авесалома – «боюся» [2 с. 238]. Деградация от «горд есмь» до «боюся» наглядно служит памфлетному поношению противника русского царя: в такой перспективе хромота льва, помимо напоминания о полтавской ране, маркирует достойное смеха (на тогдашний взгляд) физическое уродство и, возможно, дьявольскую природу, кроме того, насмешка над побежденными – традиционный компонент римского триумфа.

При использовании политического ключа некоторое недоумение вызывает только царь Саул, который персонифицирует в «Божием уничижении» зависть «от многих чуждых стран о преславной победе нынешней». Действительно, если «гордыня» – смертный грех, извечный атрибут дьявола – привычно определяет врага в рамках христианской традиции, то выбор «зависти» требует пояснений.

Отнюдь не окказиональную импровизацию, а продуманную стратегию позволяет здесь усмотреть другой источник – «Слово похвальное о баталии Полтавской», торжественная проповедь, произнесенная знаменитым апологетом царя Петра Феофаном Прокоповичем в восьмую годовщину Полтавской победы (1717) и тогда же напечатанная отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге.

Вслед за автором академической пьесы концептуализируя значение Полтавской победы, Феофан Прокопович представляет своего рода трактат о зависти. Он вначале увязывает зависть, пока этическую категорию, с базовым грехом – гордыней: «Родится всяка зависть от гордыни, егда человек не весело зрит другаго себе или сравняема, или и предъуспевающа» [4 с. 50]. Дальнейшее развитие мысли придает «зависти» уже историософский смысл. «Зависть»,

напоминает проповедник, испытывают к «ближним»: «Однако же гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной и протчая» [4 с. 50]. В данном случае «ближние» – соседи России. Первоначально эти державы презирали Россию за ее непросвещенность: «Но соседи наши не могут извиниться от гордости, осуетившиися бо высокоумием своим, яко народи суть мнимый себе сильнии и умнии, народ наш, яко немощный и грубый, презирали» [4 с. 51]. Потом начинают опасаться и прилагать усилия, чтобы Россия оставалась непросвещенной (следуют подтверждающие примеры из времен шведского короля Густава I, цитаты из сочинений дипломата С. Герберштейна и теоретика права С. Пуффендорфа) [4 с. 52].

Кульминация соседской вражды приходится на годы правления Петра I: «ближние» и прежде всего шведы осознали несравнимый рост «силы и славы» России, умножаемых просвещением:

Что ж тут скажем? От рода завистником было видети еще в России многия недостатки к силе совершенной. То не крайняя ли возьярися в них зависть, егда увидели все то, чего не желали, исполненно! Возрасте в совершенный возраст сила и слава российская дивным во всем и еще первым таковым своим монархом, богомвенчанным Петром. Увидели противницы обученное добре наше воинство; увидели всецело устроенную артиллерию; увидели поднесенная флота нечаянное флаки <...> Что се есть? (помыслила в себе зависть). Туды пошла Россия, таков успех ея? Сего мы на ней дождалися? Не тако: исторгнути оной щастие сие или самим нам погибути, а смотрети на сие невозможно [4 с. 52].

В качестве доказательства Феофан Проповедник упоминает знаменательный исторический эпизод:

Если се кто назовет умствование наше риторское и если то не в самой вещи было, то, молю, которая могла быть причина оной рижской укоризне и гонению смертному на Петра, монарха нашего, умышленному чрез Далберда коменданта? Тем ли не згибель свою заслужил у них державный сей путник, что в Голандию и инные далекие земли странствовать изволил! Тем воистинну у зависти заслужил. Видели господа шведы, колико прибудет искусства от тоя дороги монарху, с природы быстроумному, того ради умыслили восприятый ему путь запяты или еще не совершенно обучившагося к войне себе угоднейше раздражити [4 с. 52–53].

Феофан Прокопович подразумевает события марта 1697 г.: царь Петр, под именем Петра Михайлова присоединившийся к «великому посольству», прибыл в Ригу, и там генерал-губернатор граф Дальберг не разрешил ему осмотреть крепость, учинив, по мнению «державного путника», «многие грубости», «обиды» и «афронт», что подробно описано дипломатом П.П. Шафировым в сочинении, излагавшем официальную версию причин Северной войны [5 с. 24–29]. Трудно сказать, испытал царь чувство обиды или нет, но когда понадобилось найти формальный предлог для войны со Швецией – войны, по позднему признанию царя Петра, «наступательной» [3 с. 82] – было указано именно на личную обиду, нанесенную шведами русскому царю: за «обиды, наипаче за самое главное безчестие, учиненное нашим царского величества великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 г.» [6 с. 60].

Сводя «обиду» к «зависти», проповедник демонстрирует, что от «зависти» шведы затеяли и последнюю войну: «И се видим и зависть, се и войну, от зависти зажженную» [4 с. 53]. Войну, для шведов гибельную, а для России славную. Потому, переходя к центральному эпизоду проповеди – Полтавской баталии, Феофан снова называет обе враждебные силы – «зависть» с «гордостью»: «Мы же, россиястии народи, что достойно воздамы тако нам благодетельному Господу? Как бо неописанная сия победа, кто не видит! Зависть и гордость воевала с нами, а коликая гордость и зависть, предложили уже мы, аще и не равным словом» [4 с. 57].

Итак, для Феофана Прокоповича этическая категория «зависть» трансформировалась в историософскую, обозначая и объясняя политические отношения России с европейскими державами. Сходным образом, для автора пьесы «Божие уничижение» «зависть» – выражение внешнеполитического послания петровской пропаганды: после Полтавы российская дипломатия сталкивается с различными трудностями, потому что Европа «завидует», но Россия, несмотря на грандиозные победы, требует от соседей не покорности, а уважения и достойного места в «европейском концерте». Остается добавить, что когда в 1730-х гг. А.Д. Кантемир назвал П сатиру «На зависть и гордость дворян злонравных», он, даже придавая двум этим идеологемам – «зависть и гордость» – новое содержание, одновременно актуализировал политический тезаурус петровской эпохи. Иначе говоря, слова «зависть» и «гордость», казалось бы, свойственные «повседневности», в первой трети XVIII в. скорее сигнализируют об официальном дискурсе.

Литература

1. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. 397 с.
2. Пьесы школьных театров Москвы / Ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1974. 584 с.
3. История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова: В 2 вып. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. 632 с.
4. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
5. *Шафиров П.П.* Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел. СПб., 1717. 128 с.
6. *Павленко Н.И.* Петр I: К изучению социально-политических взглядов // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1973. С. 40–102.

References

1. Odesskii MP. Poetics of the Russian Drama; 17th – the first third of the 18th century. M.: RGGU Publ.; 2004. 397 p. (In Russ.)
2. Demin AS. The Schooldramas of Moscow Theatres. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 584 p. (In Russ.)
3. History of the Swedish War (Daily records of Peter the Great). Vol. 1. Majkov TS, comp. Moscow: Krug Publ.; 2004. 632 p. (In Russ.)
4. Feofan Prokopovich. Works. Moscow: Leningrad: Academia of Sciences of SSSR Publ.; 1961. 502 p. (In Russ.)
5. Shafirov PP. Discourse on Causes of War against Charles XIII of Sweden. Sankt-Peterburg, 1717. 128 p. (In Russ.)
6. Pavlenko NI. Peter I; On Studies of sociopolitical views. V: Pavlenko NI., ed. *Russia during Peter the Great's Reforms*. Moscow: Nauka Publ.; 1973. p. 40-102. (In Russ.)

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; modessky@mail.ru

УДК 351.72(091)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-35-46

«Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно»:
Административная повседневность провинции
в эпоху «бироновщины»

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kirikin@mail.ru*

Аннотация. В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть один конкретный, практически «типовой» документ провинциальной канцелярии, повествующий о трудностях, которые препятствовали составлению общегосударственной «окладной книги», содержавшей информацию о платеже налоговых сборов, взимаемых ежегодно в определенном размере с каждой податной единицы.

По мнению автора, преобразования первой четверти XVIII в., имевшие целью создание «регулярного» государства как многоуровневого, точного и бесперебойного механизма управления с квалифицированными и ответственными исполнителями, не были и не могли быть реализованы при тогдашних возможностях системы, а также уровне подготовки и обеспечения управленческих кадров. Распространенные представления о могуществе и жестокости правления Анны Иоанновны сильно преувеличены в литературе. Реальные административные возможности немногочисленных и нередко неспособных провинциальных воевод и «подьячих» были весьма узки и не позволяли им исполнять даже объективно важные и назревшие задачи упорядочения финансового хозяйства страны.

Ключевые слова: Анна Иоанновна, Псковская провинция, «окладная книга», финансы

Для цитирования: Курукин И.В. «Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно»: Административная повседневность провинции в эпоху «бироновщины» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 35–46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-35-46

“It is impossible to compose those sheets soon”.
Administrative daily life of the Russian province
in the era of *bironovshchina*

Igor V. Kurukin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kurukin@mail.ru*

Abstract. this report attempts to examine one specific, almost “model” document provincial office, tells about the difficulties that impeded the elaboration of the national “tax books”, which contained information about the payment of taxes and fees are levied annually up to a set amount each tax-paying unit.

According to the author, the transformations of the first quarter of the XVIII century, which were aimed at creating a “regular” state as a multi-level, accurate and uninterrupted management mechanism with qualified and responsible executors, were not and could not be implemented at the time of the system capabilities, as well as the level of training and provision of managerial personnel. Widespread ideas about the power and cruelty of Anna Ioannovna strongly exaggerated in the literature. Real administrative capacity of small and often incapable of the provincial Governor and “clerks” was very narrow and did not allow them to perform even objectively important and urgent task of streamlining the financial sector of the country.

Keywords: Anna Ioannovna, Pskov province, “income book”, finance

For citation: Kurukin IV. “It is impossible to compose those sheets soon”. Administrative daily life of the Russian province in the era of *bironovshchina*. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;6(39):35-46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-35-46

Введение

24 ноября 1738 г. в Сенат из Новгородской губернской канцелярии поступило доношение товарища вице-губернатора Никиты Тимофеевича Квашнина-Самарина о «сочинении по Камор коллегии окладной книги от Новгородской губернии». Приведем этот образец канцелярского творчества полностью:

Сего 738-го году ноября 9 в присланном в Новгородскую губернскую канцелярию из Псковской провинциальной канцелярии доношении написано: сентября 2-го дня по присланному ей императорского величества из Правительствующего Сената в тою Псковскую канцелярию указу велено для лутчаго в сочинении о Камор коллегии окладной книги о таможенных, кабацких и канцелярских и протчих тому подобных о всех государственных зборех сочинить ведомости по присланной при том указе печатной форме с показанием о каждом зборе особо, не смешивая збор [со] збором и мелницу с мельницею и рыбную ловлю з другою ловлею, також с пустошей особ оброчных земель особ санных покосов особ. И по тому ей императорского величества указу во Псковской провинциальной канцелярии вышепоказанная ведомость из прежних оброчных книг сочиняется и о таком же сочинении и о присылке к сношению о всей Псковской провинции ведомости в подчиненные пригороды и во Псковскую ратушу указы посланы, точию по той форме вскоре тех ведомостей сочинить невозможно ж, понеже во Псковской провинции по прежним окладным и зборным канцелярского збору книгам из давних лет за некоторыми владельцы написано рыбных ловел, озер и речак званей по десяти и болши в одной статье в общей сумме, а порознь каждому озеру и речкам денежного окладу не расписано. А по указом как мельницы так и рыбные ловли велено отдавать во владение самим помещиком. А понеже между теми рыбными ловлями, которые по прежним книгам написаны за одним владельцом в общей сумме к некоторым озеркам и речкам пришли земли разных помещиков, из которых некоторые помещики об отдаче с тех озерок и речок по землям просят в вечное владение, а досталныя с тех же рыбных ловель, которые написаны в том же общем окладе, остаютца за прежними владельцы. А что с которых озерок и речок порознь из общаго окладу расположить денежного оброку и отданных по землям помещиком без подлинного следствия невозможно, тако ж и оброчные земли и иные покосы и пустоши званей по десяти ж и болши написаны за владельцы в одной же статье и в одном общем окладе, а порознь каждому месту денежного оброку не расписано ж. Да и в которых урочищах многим землям и санным покосом в прежних оброчных книгах не показано ж, о чем и в посланных в 731-м году в Камор коллегию из Псковской провинции об окладах к сочинению окладной книги ведомостях показано, да и многие де во Псковской провинции рыбные ловли и оброчные статьи имеютца за некоторыми владельцы из давних лет без перекупок, а с которых лет и с какими обязательства и откуда по отдаче владеют – того во оной провинциальной канцелярии не находятца и бес подлинного ж следствия по форме тех ведомостей сочинит и тех оброчных статей порознь на

каждое место денежного окладу росписат не ис чего, тако ж и за сочинением других многих требуемых по указом ведомостей и репортов тех окладных ведомостей вскоре сочинить никак не возможно, ибо у сочинения тех ведомостей токмо один подъячей, о котором малолюдстве во Псковской провинции подъячих в Правительствующей Сенат и его кантору и в протчие места многократными от оной провинциальной канцелярии доношениями представливо, точию и поныне она провинция подъячими не удоволствована, о чем помянутого ж сентября 18 дня в государственную Камор коллегию и ея кантору изо Псковской провинциальной канцелярии доношениями представлено и требовано о вышепоказанных неросписных рыбных ловлях и оброчных статьях повелительного ея императорского величества указа, точию о том указу не получено, и дабы за неполучением о том указа и за нескорое тех ведомостей сочинение ко Псковской канцелярии напрасного штрафа причтено не было, чего ради о скорейшем оных ведомостей сочинении и присылке под опасением тяжкого штрафа без всяких отговорок не ожидая подтвердителных указов во Псковскую провинциальную канцелярию тако и ко обретающемуся для понуждения в сочинении оных, о понуждении тое канцелярию как по данной инструкции повелено, не приемля никаких отговорок, салдату из губернской канцелярии указы посланы, о чем к сочинению по Камор коллегии окладной книги Новгородская губерния сим и доносит 1738 ноября 24 дня» (1 л. 107–108).

Скучная канцелярская бумага, каких множество курсировало по дорогам империи в сумках тысяч курьеров, не содержит государственных тайн. Однако обыденный документ демонстрирует некоторые особенности функционирования выстроенной Петром I административной машины.

В современных школьных и даже вузовских учебниках несложно найти характеристику правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) как «засилья иностранцев», режима «суровой палочной дисциплины», поддерживаемого всемогущим политическим сыском с его многочисленными «шпионами» и доносами «на фоне непосильных поборов, голода и нищеты» (2 с. 144–145; 3 с. 225–226; 4 с. 49). Кажется, что историки бессильны преодолеть существующую в массовом сознании соотечественников картину закабаления и разграбления отечества. Но приведенный выше и сопоставленные с ним документы Сената и Кабинета министров Анны Иоанновны представляют несколько иную, хотя тоже нерадостную, картину состояния российских финансов.

Попытки финансовых реформ

Петр I стремился обеспечить создание более или менее «прозрачного» бюджета – росписи государственных доходов и расходов, для чего необходимо было составить «окладную книгу» всех поступлений в казну. Первая задача была кое-как выполнена, по крайней мере за 1724 год; вторая оказалась куда сложнее.

В допетровской России не существовало централизованного финансового управления. Отдельные учреждения-приказы сами собирали и расходовали деньги. Большинство из них имело в своем ведении определенную территорию, налоги с которой шли на их содержание, так что общего бюджета не существовало. Ситуация принципиально не изменилась и при Петре. Деньги собирались разными ведомствами (подушная подать – Военной коллегией; таможенные и кабацкие поступления – Камер-коллегией; доходы от продажи – казенных товаров – Коммерц-коллегией и т. д.). «Окладные» расходы должны были производиться из определенных для этого конкретных доходов; последние часто не соответствовали первым, и тогда приходилось изыскивать средства из иных источников.

Повседневную работу государственной машины постоянно тормозило отсутствие средств в нужном месте и в нужное время. Только один из еженедельных докладов Сената от 17 сентября 1732 г. сообщал: Штатс-контора не считает возможным выдать деньги из Монетной конторы на жалованье чиновникам из Ревизион-коллегии, «доколе та контора с Штатс-конторою возымеет счет»; та же Штатс-контора вместе с Камер-коллегией не могут выплатить 270 430 руб. на содержание полков в «новозавоеванных» иранских провинциях, поскольку эти чрезвычайные («не положенные в штат») расходы было велено производить из таких же «не положенных в штат» доходов, каковых в нужном количестве «никогда в настоящих годах не собирается», а те, что есть, уже расписаны «по посланным указам» на другие нужды (5 т. 104, с. 410–411). Количество же «неокладных» расходов, по данным обер-прокурора Сената А. Маслова, достигало в том же году 2 740 947 руб., что составляло порядка трети доходов государства (1 л. 6).

Отсутствие потребных средств дало о себе знать с первых дней аннинского царствования. В 1732 г. Сенат подсчитал, а Кабинет министров в начале следующего года обнародовал, что накопившиеся с 1719 г. недоимки составили семь миллионов руб. только по таможенным, кабацким и так называемым канцелярским сборам (5 т. 106, с. 54–55; 5, № 6412).

Неудивительно, что правительство Анны Иоанновны имело цель ликвидировать финансовую неразбериху. Прежде всего власти намеревались ужесточить сбор налогов и взыскать недоимки. В 1730 г. перед Сенатом была поставлена задача составить «государственную о всех доходах книгу». Третьим направлением «битвы за финансы» стала проверка расходов и «счетов» всех учреждений.

Однако суровому режиму Анны Иоанновны решение этих задач оказалось не под силу. Возобновленной было практика сбора подушных денег и недоимок военными «командами» была отменена в 1736 г.: поборы, взятки и злоупотребления сборщиков росли вместе с недоимками, что и констатировал очередной указ (6 № 6872). Недостатки подушной системы налогообложения обнаружились еще при жизни ее создателя. Но и с учетом других поступлений дело обстояло не лучше: в 1737 г. Камер-коллегия доложила, что не имеет сведений о количестве питейных домов и винокуренных заводов в стране по причине неприсылки соответствующих ведомостей. В ответ Анна гневно выговорила министрам, что «самонужное государственное дело» тянется уже полтора года и конца ему не видно.

Созданная для ревизии (начиная с 1719 г.) правительственных «мест» Генеральная счетная комиссия к 1736 г. рассмотрела только 78 счетов и вернула казне 1152 руб. – меньше, чем истратила за эти годы на жалованье своего персонала. Указ 1735 г. признал также неэффективность работы Ревизион-коллегии, в которую прочие учреждения не присылали счета вовремя. К тому же от ревизии были освобождены гвардия и придворные службы; собственные счетные экспедиции сохранялись в Военной коллегии, Камер-коллегии по таможенным доходам и Генерал-кригскомиссариате (7 с. 465; 8 с. 104–105).

Ревизион-коллегия в мае 1732 г. докладывала: ей прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Чиновники ссылались на исчезновение документов или на отсутствие ответственного лица, уже давно скончавшегося или отбывавшего срок; в других учреждениях бумаги заверялись подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано – и с плеч долой», отказываясь принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительными отчетами отличалось самое затратное военное ведомство: присланные им бумаги оказались «весьма неисправны, а против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия» (9 л. 270–273 об.).

Тормозилось и составление «окладной книги». Согласно докладу Сената от 17 сентября 1732 г., провинциальные чиновники, получившие требование Камер-коллегии подать «на каждое место и звание доходам от губернаторов по третям, а о подушном сборе в полгода подробные репорты» притворялись непонятливыми или в самом деле были не в состоянии постичь правила отчетности. Начальство получало «о таможенных и прочих сборах месячные, а не третные репорты, писанные по прежним формам», а также обнаруживало, что «со штабных дворов земские комиссары присылают о подушном сборе полугодовые репорты не по посланным же формам». На присылку же «новых форм» на местах либо вообще не реагировали, либо отговаривались их неполучением и действовали по «прежним указам», либо докладывали, что «в скорости сочинить никоим образом не можно, ибо за раздачами приказных служителей в разные команды и в счетчики осталось самое малое число», а потому о доходах «коллегия никакого известия не имеет, и для того генеральной ведомости сочинить не из чего». К примеру, из всей Новгородской губернии был прислан только один «репорт» из Псковской провинции, а «из прочих провинций не прислано», хотя тамошние канцелярские чиновники для острастки «держатся под караулом» (5 т. 104, с. 414–415).

Как составить «окладную книгу»?

В 1738 г. начальники небольшой по размерам Псковской провинции не выполнили очередного грозного указа и, чтобы избежать штрафа, привели аргументы в свое оправдание. По их словам, казенные рыбные ловли и прочие «оброчные статьи» (такие как мельницы) уже так давно находятся у нынешних владельцев, что информация о том, от кого, когда и на каких условиях те их получили, в канцелярии отсутствует. А сведения о тех деньгах, кои с них как-то все же собираются, по требуемой форме подать невозможно, ибо платежи записаны «по десяти и болши в одной статье в общей сумме, а порознь каждому озеру и речкам денежного окладу не расписано». Отданные когда-то одному владельцу угодья теперь находятся у разных помещиков, которые к тому же просят отдать их им в «вечное владение». В итоге оказывается, что расписать оброки «порознь из общего оклада» нельзя без «подлинного следствия», провести которое, а также вновь составить «окладные ведомости» невозможно «за сочинением других многих требуемых по указом ведомостей и репортов», поскольку для таких дел в канцелярии имеется только один подьячий.

Псковская и приславшая ее отчет вышестоящая новгородская губернская канцелярия выстроили и систему обороны от начальственных взысканий за неисполнение указов. Первая инстанция напоминала: она не раз делала представления о чиновничьем «малолюдстве» и в Сенат, и в другие «места», но до сих пор «подьячими не удовлетворена»; к тому же она ожидала «о вышепоказанных неросписных рыбных ловлях и оброчных статьях повелительного ея императорского величества указа», которого так и не дождалась – а что Сенат мог бы ей нового указать? Вторая отчиталась, что вновь потребовала от псковских властей «скорейшего оных ведомостей сочинения» под угрозой «тяжкого штрафа» и без всяких отговорок. Однако нетрудно представить, что именно в очередной раз ответили бы одинокий псковский подьячий и даже присланный «для понуждения в сочинении» ведомостей из Новгорода солдат на подобный бессильный указ, не решавший ни одной из перечисленных выше проблем. Но формальное усердие местного начальства было должным образом явлено и зафиксировано.

Может быть, изложенное в доношении и соответствовало действительности. Новгородский вице-губернатор А.Ф. Бредихин в сентябре 1737 г. уже не в первый раз просил о срочной присылке в губернию не менее сотни «приказных служителей», поскольку имеющихся постоянно забирали «в разные команды»: «...из приписных к Новгородской губернии провинций и городов воеводы непрестанными доношениями пишут, что и у них приказных людей самое малое число, и требуют прибавки с объявлением того, что во всех делах при отправлении учинилась и у них крайняя остановка». На свои обращения он и раньше получал ответ «исправляться наличными» приказными; теперь кабинет-министры также повелели ему отказать, разрешив лишь брать в подьячие «из архиерейских и монастырских служителей», но только тех, кто был способен откупиться от воинской службы или представить вместо себя рекрута – в самом разгаре была тяжелая война с турками (5 т. 117, с. 602–603).

Да и где же было взять чиновников, если «малолюдство подьячих при многодельстве в канцеляриях» было явлением типичным? Даже начальник полиции империи В.Ф. Салтыков в 1739 г. просил Кабинет министров прислать к нему шесть пригодных канцеляристов и 15 копиистов, поскольку имеющиеся «за пьянством и неприлежностью весьма неисправны» (5 т. 130, с. 535–537). Выход обычно отыскивался по принципу «тришкиного кафтана»: приказных забирали из одного места и перебрасывали в другое, где в данный момент нужда в них была самой острой. Случалось, что

первые сановники империи должны были лично распоряжаться о перемещении «подьячих» из одной канцелярии в другую (5 т. 114, с. 121; т. 146. с. 518–519). Так, среди прочих дел министры обсуждали, где именно надлежит работать секретарю Петру Зеленому, поскольку на него претендовали сразу две конторы, и в итоге приняли соломоново решение: «...означенному секретарю Зеленому для отправления в Провиантской канцелярии счетов и ведомостей и прочих дел быть в неделю по 2 дни, а прочие 4 дня для отправления провиантских дел быть в Генеральном кригскомиссариате» (5 т. 104, с. 413).

Но составители казенных бумаг могли и лукавить. Сенатский доклад от августа 1740 г. указал еще одну причину неудачи составления «окладной книги»: местные начальники не желали показывать «ясного о тех окладах и сборах обстоятельства», поскольку «не только в окладе неположенными оброчными статьями секретари и подьячие сами владели, но и из окладных оброчных статей, противно присяге и должности, под видом откупов за собой держали» (5 т. 146, с. 445). Иными словами, имевшиеся в городах и уездах источники доходов (мельницы, рыбные ловли, мосты и перевозки, «отдаточные» казенные земли) были «приватизированы» местными приказными, при этом официально значились сданными на откуп (за гораздо меньшую сумму, чем реальный доход) или просто лежащими «впусте».

Редкие дела, все же дошедшие до столичного расследования, показывают, что в присвоении этих средств была вовлечена вся местная администрация во главе с губернатором. В итоге одного такого расследования оказалось, что сумма оброка с казенных пустошей и оброчных земель чудесным образом уменьшилась с 1482 руб. до 162 руб. 71 коп. – именно столько получило государство, а разница пошла в карман белгородскому губернатору бригадиру И.М. Грекову, заодно «приватизировавшему» обширные сенные покосы. Прибывший для следствия полковник Андрей Вельяминов не знал, что делать: документацию от него прятали, губернатор его в «хоромы» не пускал, отговаривался болезнью, а сам отправлялся «в поле с собаки»; другие чиновники «за его нерачением в канцелярии весьма мало бывали, а всегда езживали по хуторам своим» (5 т. 130, с. 681–683).

Установить реальный размер налоговых поступлений можно было только путем всеобъемлющей ревизии таких доходных мест с выяснением, сколько их убыло и прибыло, что действительно лежит «впусте» и сколько реально можно получить денег от каждой сданной мельницы или другой «откупной статьи». Но чиновни-

чьим ресурсом для решения столь масштабной задачи правительство не обладало – весь бюрократический аппарат в те времена едва насчитывал пять тысяч человек на 16 миллионов населения. В итоге государство едва-едва получало с таких «оброчных статей» и пошлин половину предполагавшегося «оклада».

Новгороду, который находился недалеко от столицы, еще повезло: туда были отправлены советник Камер-коллегии Беклемишев и секретарь Антонов; но и они сумели в 1739 г. «сочинить» ведомости только о таможенных и кабацких сборах по городу и Новгородскому уезду, а «из приписных к Новгородской губернии провинций и городов по многопосланным указам ведомостей не прислано» (5 т. 138, с. 283–284).

В итоге подьячие одержали победу над грозным режимом Анны Иоанновны. Завершение работы над «окладной книгой» растянулось до самого конца царствования. В январе 1740 г. сенаторы доложили в Кабинет министров о посылке на места «последних указов» вместе с солдатами, коим надлежало самих губернаторов, вице-губернаторов и воевод «держатъ в канцеляриях, а секретарей и приказных служителей скованных за караулом без выпуску до того времени, пока те все ведомости сочинят», и еще взимать с них по пять копеек в день на содержание присланных «понудителей» (5 т. 138, с. 285). Сенат рассчитывал таким образом подготовить ведомости через год. Но уже в августе 1740 г. он в очередной раз доложил о безуспешности своих усилий по сбору ведомостей хотя бы за три последних года. Министры же больше не рисковали назначать точный срок исполнения задачи – они лишь напомнили сенаторам «прежде данные указы» и просили их приложить «крайнейшее радение» и «изыскать все удобовозможные способы, каким бы образом ту окладную книгу, не отлагая вдаль, к скорейшему окончанию привести» (5 т. 146, с. 444–448).

Заключение

Историки были бы благодарны «немецкому» правительству Анны Иоанновны, если бы ему удалось навести порядок в российских финансах. Но на управленческом и финансовом поприще «биروقратическая» потеряла поражение от отечественных «приказных». Едва ли последние действовали из патриотических соображений – реальные возможности низового звена управления не позволяли обеспечить сколько-нибудь регулярное исполнение даже объективно необходимых указаний центра. В этом смысле аннинский режим оказался не более эффективным, чем петровский, когда (по

наблюдениям Д.А. Редина) на уездном уровне доля неисполненных вышестоящих предписаний составляла 63% (10 с. 450).

Доносы и даже казни в правление Анны (на самом деле далеко не столь и жестокое, как традиционно принято считать) ничего не могли изменить в деликатной сфере финансов. Сыпавшиеся сверху обычные наказания в виде штрафов, кажется, никого не пугали. Правительственные эмиссары, посланные из столицы для «понуждения» чиновников к скорейшему исполнению столичных приказов и «сочинению» необходимых справок и отчетов, сообщали, что «секретари и приказные служители держатся под караулом без выпуска». То же иногда приходилось делать и провинциальным начальникам (к примеру, новгородскому вице-губернатору Бредихину) или платить немалые штрафы (по 50–100 руб.), но дело с места не двигалось. Бывалые «подьячие» подобные начальственным наскоки «ни во что считали», а экономию за счет их жалованья восполняли всевозможными поборами и названными выше средствами. Проблемой оставался и уровень подготовки чиновничьих кадров.

Для достижения поставленной Петром Великим цели – создания «регулярного» государства с эффективной финансовой системой – понадобилась еще целая историческая эпоха; только реформа системы управления при Екатерине II позволила, наконец, ежегодно составлять бюджетные росписи.

Литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 19. Оп. 1. № 11.
2. История России XVIII–XIX вв. / Под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
3. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М.: Проспект, 2008. 672 с.
4. Буганов В.И., Зырянов П.Н., Сахаров А.Н. История России: Конец XVII–XIX в.: 10-й класс. М.: Просвещение, 2010. 336 с.
5. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: 1731–1740 гг. / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1898–1915 // Сборники Русского исторического общества. Т. 104. СПб., 1898; Т. 106. СПб., 1899; Т. 114. СПб., 1902; Т. 117. СПб., 1904; Т. 130. СПб., 1909; Т. 138. СПб., 1912; Т. 146. СПб., 1915.
6. Полное собрание законов российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 9.
7. Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 10. 751 с.
8. Сакович В.А. Государственный контроль в России. СПб.: «Центральная» типо-литография М.Я. Минкова, 1898. Ч. 1. 370 с.

9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. № 229.
10. *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. Екатеринбург: Волот, 2007. 608 с.

References

1. Russian state archive of ancient acts (RGADA). Fond 19. Opis' 1. № 11. (In Russ.)
2. Milov LV., ed. History of Russia XVIII–XIX centuries. Moscow: Eksmo Publ.; 2008. 784 p. (In Russ.)
3. Orlov AS., Georgiev VA., Georgieva NG., Sivokhina TA. History of Russia. Moscow: Prospekt Publ.; 2008. 672 p. (In Russ.)
4. Buganov VI., Zyryanov PN., Sakharov AN. The history of Russia. The end of the 17th–19th century. Grade 10. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 2010. 336 p. (In Russ.)
5. Filippov N., ed. Papers of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna. 1731–1740. Yur'ev: Tipografiya. K. Mattisena Publ.; 1898–1915 // Collections of The Russian historical society. T. 104. SPb., 1898; Vol. 106. SPb., 1899; Vol. 114. SPb., 1902; Vol. 117. SPb., 1904; Vol. 130. SPb., 1909; Vol. 138. SPb., 1912; Vol. 146. SPb., 1915. (In Russ.)
6. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting of the 1st. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ.; 1830. Vol. 9. (In Russ.)
7. Soloviev SM. Works. 18 books. Book 10. Moscow: Mysl' Publ.; 1993. 751 p. (In Russ.)
8. Sakovich V. A State control in Russia. St. Petersburg: "Tsentral'naya" tipolitografiya M.Ya. Minkova Publ.; 1898. Part 1. 370 p. (In Russ.)
9. RGADA. Fond 248. Opis' 5. № 229. (In Russ.)
10. Redin DA. Administrative structures and bureaucracy of the Urals in the era of Peter's reforms. Ekaterinburg: Volot Publ.; 2007. 608 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor V. Kurukin, Dr. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kurukin@mail.ru

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Личные деньги и их источники:
к вопросу о материальном положении
политических ссыльнокаторжных
на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в.

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, asgullin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются источники собственных денежных средств, как один из важнейших факторов обеспечения и облегчения материального положения политических ссыльнокаторжных в условиях содержания на Нерчинской каторге 60–70-х гг. XIX в. На основе широкого круга архивных, мемуарных и эпистолярных источников, законов, правил и распоряжений правительства и местной администрации автором впервые выявлен весь круг доступных путей обеспечения собственными деньгами политических каторжных: определены законные и незаконные способы их получения. Наряду с вновь выявленными архивными материалами, таким как отчеты и переписка Нерчинского коменданта о личных деньгах политических каторжных, в статье вводятся впервые в научный оборот, ранее неизвестные российским исследователям: семейная переписка итальянца Луиджи Кароли и дневник Э. Андреоли опубликованные в книге А. Занки «Драма Луиджи Кароли» [1].

Ключевые слова: собственные денежные средства, политические ссыльнокаторжные, политические преступники, государственные преступники, участники польского восстания 1863–1864 гг., казенное пособие, Нерчинская каторга, Восточная Сибирь, Забайкалье

Для цитирования: Гулин А.С. Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 47–62. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Personal funds and its sources:
to the question about the material situation
of the exiled convicts of political Nerchinsk katorga
in the 60–70 years of the 19th century

Aleksei S. Gulin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
asguiln@mail.ru*

Abstract. The article examines personal income sources as one of the main factors that ensured and alleviated financial situation of political exiles to Nerchinsk katorga of 1860s–70s. Based on a wide range of archives, memoirs and epistolary sources, as well as legal acts and laws, the whole range of ways, available for political convicts to provide for themselves financially, has been revealed for the first time: legal and illegal ways of obtaining money have been determined. Along with the newly discovered archival materials, such as reports and correspondence of one Nerchinsk commandant about personal funds of political convicts, for the first time in scientific practice the article introduces previously unknown to Russian researchers: personal correspondence of Italian native Luigi Caroli and a diary of E. Andreoli published in Italy in a book by Angiola Zanchi “The Drama of Luigi Caroli”.

Keywords: personal money, political exiles, political criminals, state criminals, participants of the Polish uprising of 1863–1864, state allowance, the Nerchinsk katorga, Eastern Siberia, Transbaikalia

For citation: Gulin AS. Personal funds and its sources: to the question about the material situation of the exiled convicts of political Nerchinsk katorga in the 60–70 years of the 19th century. *RSUH/ RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;6(39):47-62. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Введение

Период 60–70-х гг. XIX в. в истории политической Нерчинской каторги характеризуется наряду с массовой ссылкой в каторжные работы участников польского восстания 1863–1864 гг. и российских деятелей революционно-демократического движения¹, учреждени-

¹ В статье под термином «политические ссылнокаторжные» понимаются как собственно «политические», так и «государственные преступники», т. е. вообще все сосланные на каторгу по политическим мотивам.

ем временного комендантского управления на Нерчинских заводах, устройством новых каторжных заводов для их содержания, а также высочайшим утверждением и введением новых особых правил и регламентов. Наряду с вводом правительством временных правил о порядке перевозки и этапирования, для политических ссыльных вводились новые особые привила о корреспонденции, ее надзоре и цензуре и правила о пособиях от родных.

В исследованиях прошлых лет, посвященных этому периоду политической каторги, не уделялось должного внимания ни собственно самому материальному положению политических ссыльнокаторжных, ни их личным деньгам как несомненно важному средству облегчения их режим содержания. Среди ряда исследований можно выделить работы Г. Скока, Э. Качинской и З.В. Мошкиной [2, 3, 4, 5], так или иначе освещавших условия содержания этого контингента политических ссыльнокаторжных, но в данных трудах можно констатировать, пожалуй, только постулирование некоторых подробностей материального быта. В этих работах не более чем упоминается лишь, что политкаторжане имели казенное содержание и могли получать раз в месяц из своих средств по 25 руб., что при месячной стоимости питания в 2,1–4,5 руб.² [2 s. 132], как утверждает Скок, пособие в 25 руб. покрывало более чем потребности каторжника. Были ли какие другие источники получения денежных средств – авторы не рассматривают. Почему выдавалось 25 руб., а не 20 или 40? Какими критериями оценить достаточность материального положения? По каким параметрам можно сравнить их материальное положение с положением тех же сосланных политических преступников на поселение, житье, водворение или с положением общеуголовных каторжников?

При поиске ответов на все эти вопросы для более или менее объективной, а не гипотетической, оценки материального положения политических ссыльнокаторжных, автор считает, что прежде чем переходить к обобщениям для формирования общей картины, необходимо исследовать сегментированно конкретные условия и обстоятельства, влиявшие на него, в том числе выявить все источники собственных денежных средств, как законные, так и незаконные, или полуполюгальные.

² Г. Скок вывел эти цифры, сложив казенные кормовые со стоимостью выдаваемой каторжнику ежемесячно порции муки в зависимости от колебания цен в разные годы, но сам он этого не уточняет.

Источники собственных денежных средств законного характера

Казенное содержание – кормовые. В первую очередь законным источником личных денежных средств было казенное пособие каторжника в виде кормовых денег – 75 коп. в месяц, кроме которых выдавались еще арестантская одежда, 22 пуда 20 фунтов муки и 2 п. 10 ф. крупы в год, что отражено было в отчетах заведующих над политическими каторжниками формулировкой напротив фамилии заключенного: «Получает платы 75 коп. и два пуда провианта в месяц» [6 с. 155]. Сумма этого месячного казенного пособия определялась ежегодно составлением МВД таблицы арестантского содержания для данной губернии или области на основании среднегодовых цен, в Забайкальской области такая норма была 2,5 коп. в день. Главным назначением такого кормового довольствия было приобретение каторжниками, в зависимости от их нужд, дополнительного питания: мяса, овощей, сахара, чая, соли и т. п.

Деньги, получаемые за каторжный труд. Вторым легальным источником личных денежных средств были деньги, получаемые за каторжную работу, при условии выработки *урока*, дневной нормы, часто таковая норма была формальностью, как и выполняемая работа, вне экономической целесообразности, целью которой было соблюдение карательной меры для политических, кои обязаны были употребляться в работы. В связи с недостатком работ при огромном скоплении к 1866 г. в Восточной Сибири политических каторжан в числе 2749 человек [7 л. 162–164], а из них до 1500 в Забайкалье [2 с. 116], на Нерчинской каторге, на такие урочные работы политические выходили, как правило, один раз в три или четыре дня, для чего каторжный контингент завода разбивался на три-четыре команды. Поденная плата была небольшой, 20–26 коп. [8 с. 157; 9 с. 40], но значительно превышала казенные кормовые. Оплата каторжного труда экономически стимулировала бедную часть каторжников, не получавших пособий от родных, исправно исполнять такую работу. К сравнению, поденная оплата труда вольнонаемного чернорабочего по строительным сметам 1866 г. Нерчинского горного правления составляла 38 $\frac{3}{4}$ коп., а квалифицированного, например, плотника – 65 коп. [10 л. 533]. Иными словами, труд каторжника оплачивался вдвое ниже самого низкооплачиваемого неквалифицированного работника. Часть из полученных за свой труд денег каторжный должен был внести в артельный капитал,

т. е. общественную кассу³, в Петровском заводе, например, размер такой части составлял 10% [9 с. 40].

Деньги, привезенные на каторгу ссыльными с собой. Следующим законным источником собственных денежных средств были деньги, привезенные политическими каторжниками с собой. Отправляясь в ссылку из дома или из близлежащих мест, политический шел снабженный деньгами и вещами первой необходимости: одеждой, табаком, книгами и т. п. Его поклажа порою достигала таких размеров, что одному человеку нести ее было не под силу. Доктор Б. Дыбовский вспоминал о своей дороге на каторгу:

Еще большую поклажу имел при себе Зигмунт Суминский, особо большой чемодан, с постелью, бельём, ковриками, одеждой, затем ящик с библиотекой. Кто бы мог подумать, что подобные сундуки и чемоданы власти позволят взять с собой [12 с. 40].

Богатые кроме денег имели при себе ценные личные вещи из драгоценных металлов: золотые часы, ложечки, запонки, зажигалки, заколки для галстука, в том числе золотые монеты. Особенно на первом этапе ссылки никаких ограничений по объему личного багажа не было – неси сколько сможешь нести. Ограничений по количеству имеющихся денежных средств тоже не существовало, за исключением того, что они должны были быть отданы на хранение начальнику этапироваемой партии, начальнику тюрьмы или коменданту каторги по прибытию к месту назначения, потому некоторые ссыльные, имевшие значительные денежные средства, держали их скрытно, везли при себе. Ограничительная мера в инструкции, возложенной на Нерчинского коменданта, без указания точной величины, предписывала наблюдать за каторжными преступниками и их женами,

³ Общественные кассы взаимопомощи существовали на Нерчинской каторге в этот период, как, например, «Огул выгнанцев» в Александровском заводе или в Акатуевском руднике, кассы в том числе существовали в Петровском заводе и д. Сивяково близ Читы. Исследование общественных касс выходит за рамки данной статьи. Взаимная финансовая поддержка союзников в отдельных заводах и рудниках состояла в сборе средств для улучшения общих условий содержания и главным образом для улучшения питания. В такие кассы отчислялось от 25% из личных денег, получаемых от родных, и 10% отчислений с иных доходов заключенных, впрочем, часто союзники уклонялись от таких взносов. Общественные или артельные деньги – предмет исследования для другой статьи [11 с. 11–53; 9 с. 41–42].

дабы они не могли привезти с собою или получать после больших сумм или ценных вещей [13 л. 34]. Так, Б. Дыбовский упоминает, что при нем было более 400 руб. серебром, а у Зигмунда Суминского на шее была большая ладанка с зашитыми в ней банкнотами [12 с. 30, 68]. У итальянца Луиджи Кароли, к примеру, при себе были банковские билеты по 1000 франков и золотые луидоры по 20 франков, зашитые в пояс; золотые ему удалось поменять в Тобольске на рубли со значительным дисконтом у частных лиц, иностранные же банковские билеты оказались не востребованы [14 с. 150; 15 р. 54–55]. В настоящем бедственном положении прежде всего находились политические каторжные из низших сословий, не имевшие особо денежных средств, и те из привилегированных сословий, кто был сослан на каторгу прямо из тюрем вдали от дома, куда были заточены при аресте или пленении (с чем был на тот момент, с тем и шел на каторгу – в прямом смысле нищим). Таким образом, деньги, взятые ссыльными с собою, были их необходимым страховым капиталом от горькой участи как по пути следования, так и на каторге.

Деньги, получаемые по почте от родных. Следом за ссыльными, буквально по пятам, шли денежные переводы и посылки в адрес сибирских губернаторов для выдачи адресатам.

Вопрос о пособиях от родственников политическим ссыльно-каторжным был инициирован правительством впервые вследствие ходатайства в III Отделение 31 октября 1863 г. министра иностранных дел князя Горчакова, по просьбе отца сосланного в каторгу Николая Эпштейна, Германа Эпштейна, председателя Совета Управления Варшавско-Венской железной дороги, проживавшего в Париже, передавшего свою просьбу через посланника России во Франции барона Будберга [13 л. 26]. Просьба влиятельного человека была удовлетворена достаточно скоро, но вместо 100 руб. в месяц в виде пособия для сына она была удовлетворена только в размере 25 руб. Выдача такого пособия была обоснована III Отделением высочайше утвержденным положением от ноября 1834 г. касательно ссыльных польских повстанцев 1830–1831 гг., по которому правила на счет доставления от родных денег и вещей распространялись и на сосланных в Сибирь польских мятежников. Несмотря на то, что, как и предшествующими правилами, так и «Уставом о ссыльных» собственные деньги не разрешалось выдавать на руки сосланному в каторгу, шеф жандармов князь Долгоруков предложил:

Хотя лица, состоящие на поселении, обязанные сами содержать себя, имеют надобность в больших средствах к жизни, а, следовательно, разрешение им получать от родственников до 1000 руб. асс. в год не

могло быть применено к состоящим в каторжной работе, получающим содержание от казны; но принимая в соображение ценность 1000 руб. асс. в 1826 году, ...признать возможным разрешить Эпштейну высылать сыну, через посредство Генерал-Губернатора восточной Сибири, пособие в том же размере, т. е. по 25 руб. сер. в месяц, но не более сего [13 л. 35–36].

Таким образом, размер индивидуально дозволенного Н. Эпштейну пособия от родных был определен путем конвертации размера пособия для политических поселенцев в ассигнациях на 1826 г. по их курсу к серебру на 1854 г., т. е. пособие в 1000 руб. ассигнациями оказались равным 300 руб. серебром в год или 25 руб. серебром в месяц. Следом же, по такому решению, генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель отношением от 11 декабря 1863 г. в III Отделение представил на рассмотрение вопрос о размере пособий от родственников ссыльным политическим преступникам на основании все тех же правил, сообщенных начальником Главного штаба Его Императорского Величества к бывшему генерал-губернатору Западной Сибири от 29 сентября 1826 г. за № 1532 [13 л. 40–41 об.]. Дюгамель не ходатайствовал о пособиях от родных для ссыльнокаторжных, но главный начальник III Отделения, князь Долгоруков, рассматривая возбужденный Дюгамелем вопрос, счел нужным включить к рассмотрению возможность такого пособия для политических каторжных, в том размере, как это ранее было принято в отношении Н. Эпштейна [13 л. 56–60]. По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Валуева от 7 января 1864 г. за № 32 размер пособия для находящихся в каторжных работах политических был высочайше утвержден. Кроме того, определялось, что

...женам же, прибывшим с преступниками сего разряда, разрешить получение пособия на их содержание, по усмотрению местного Генерал Губернатора... [а] ...из денег, получаемых на пути следования преступников, выдавать им лишь то количество, какое будет признано действительно необходимым для них: на одежду и другие крайние надобности; остальные, за тем, деньги отсылать к Начальникам тех губерний, куда следуют преступники [13 л. 69–70].

Таким образом, с вступлением в силу вышеуказанных правил, не только впервые было официально разрешена выдача на руки политическим каторжным денег из их личных средств, но и определена конкретная сумма для выдачи.

Деньги, получаемые в виде безвозмездной помощи от товарищей. К вполне законным источникам личных средств можно отнести и деньги, получаемые политическими каторжными от своих товарищей, как во время этапирования, так и в период пребывания на каторге. Такая помощь могла быть и разовой, и постоянной, в данном контексте нас больше интересует постоянная или долговременная финансовая поддержка товарищей. Как правило, такая поддержка не была широко применяема и в условиях каторги, и в условиях ссылки – слишком дорого было значение собственных денег для каждого. Бывало, как отмечал Л. Жихлинский, что деньги просто нагло вымогались нищими союзниками у богатых товарищей по неволе, которым было сложно отказать оказавшимся в глубокой нужде соотечественникам [16 s. 36].

Безвозмездная помощь товарищей, кроме вышеуказанного, существовала в форме соучастия в личных средствах более богатого товарища его земляков или друзей. В обход ограничений, по снисходительности коменданта, сверх полученных сумм, по личной письменной просьбе каторжника к администрации, определенная сумма могла быть выдана из его средств другому каторжнику, но как разовая акция. Примером такого рода постоянного вспомоществования является поддержка своих земляков итальянцем Луиджи Кароли, о чем автор статьи уже писал ранее [17]. Кароли на протяжении всего времени, с самого момента пленения в мае 1863 г. и до своей смерти на каторге в Кадае в июне 1865 г., поддерживал своих шестерых соотечественников личными деньгами. Военный губернатор Забайкальской области Н.П. Дитмар во время своей инспекции в Петровский завод, узнав, что Кароли таким образом из своих личных средств поддерживает соотечественников, дал негласное распоряжение коменданту завода сотнику Н.П. Разгильдееву, сверх положенного законным порядком, выдавать Кароли ежемесячно по 75 руб. Это был исключительный случай. После перевода итальянцев в ведение Нерчинского коменданта в Александровский завод, а затем в Кадаю, комендант Нерчинских заводов генерал М.С. Шилов педантично ограничил выдачу денег Кароли в размере, установленным законом. Опять же в порядке исключения стало разрешение, которого брат Луиджи Кароли Бернардо Кароли добился для брата уже перед самой его смертью, – выдавать итальянцу из личных денег ежемесячно по 200 руб. (sic!) лично через генерал-губернатора М.С. Корсакова. Это были огромные деньги не только для каторжника, но преждевременная смерть Луиджи не позволила тому в полной мере воспользоваться этим дарованным каторжнику благом.

Деньги, получаемые за общественные работы. Обустраивая внутреннюю жизнь, политические вводили на некоторых каторжных заводах общественно необходимые работы, связанные с уборкой казарм и территории, наполнением баков водой, розжигом котлов и т. п., за выполнение которых платили своим товарищам вознаграждение из общественных касс, упомянутых выше. К примеру, за чистку картофеля платили копейку, за мытье полов – 2 коп., за тяжелые работы, как очистка уборной – 50 коп. [12 с. 34]. Уклониться от выполнения общественных работ было невозможно, поэтому более состоятельные каторжники нанимали своих неимущих соузников вместо себя. К оплачиваемым работам относились также должности повара, пекаря, сидельца в артельной лавке. Размер вознаграждения таким лицам составлял 3 руб. в месяц [18 с. 73, 81].

Деньги, получаемые за оказание услуги богатым сотоварищам – «каторжная прислуга». Среди польских политических каторжников имелось достаточное число состоятельных людей: графы Чапский, Кассовский, Бнинский, Суминский, также уже упомянутый выше Н. Эпштейн и другие. Вся эта каторжная аристократия, привыкшая в прошлой обывденной жизни к прислуге, нанимала себе в услужение сотоварищей по каторге из низших сословий за определенное вознаграждение. Эти факты в мемуарных источниках авторами стыдливо упоминаются вскользь, и, несмотря на то, что товарищи довольно косо смотрели на такие барские замашки ясновельможных панов, богатые оправдывали это тем, что дают средства для жизни бедным. Эта каторжная прислуга стирала богатым белье, готовила им отдельно обеды, пекла булочки, ухаживала за их огородами, выполняла всю грязную и необходимую для них работу [9 с. 159; 12 с. 65, 98; 16 с. 62].

Деньги, получаемые займы у товарищей. При недостатке денежных средств среди политических каторжных в обиходе было давать товарищам деньги займы. Редкими были случаи ростовщичества, такое поведение чаще всего пресекалось соузниками. Среди архивных документов есть факты, свидетельствующие о такой взаимопомощи. Так, итальянец А. Джуппони, узнав о своем переводе из Александровского завода в Кличинский рудник, обращается с ходатайством к Нерчинскому коменданту сообщить его соотечественнику Луиджи Кароли, чтобы тот помог ему оплатить долг 30 руб. серебром А. Красовскому [19 л. 376]. После смерти того же Л. Кароли, 8 июня 1865 г., оказалось, что тот имел широкий круг заимодавцев среди своих товарищей по каторге, в числе которых он остался должен: 30 руб. – Ш. Токаржевскому, 18 руб. – К. Гессу, 20 руб. – Л. Шмидецкому и 55 руб. – Н.Г. Чернышевскому. После

того как узнали, что, по желанию родственников умершего, брата Бернардо Кароли и сестры графини Элизы Альярди, оставшиеся по его смерти у Нерчинского коменданта 274 руб. 65¼ коп. те хотели бы разделить между его бедствующими шестью соотечественниками, указанные заимодавцы отказались от своих претензий в пользу иностранцев [17 с. 46].

Полулегальные и незаконные источники личных денежных средств

Деньги, полученные займы или в кредит от местных жителей. В таких случаях заимодавцами, как правило, выступали местные чиновники или купцы. В отношении итальянца Л. Кароли документально известно, что на пути следования он получил займы в г. Томске 300 р. от статского советника Асташова [17 с. 46], а в г. Красноярске 300 руб. от городского головы Кузнецова [13 л. 28]. А в письме к своему брату в мае 1865 г. из Кадаи Кароли писал:

Я получил письмо, где говорится, что мне будут каждый месяц высылаться 200 рублей. Эта сумма, если бы я здесь был один, была бы достаточна, но тут со мной соотечественники, которые нуждаются в деньгах. Мне нужно иметь еще 300 рублей, что необходимо, чтобы оплачивать также кое-какой долг, по которому я заключил договор на год [1 р. 122].

Конечно, такие случаи были нечасты, о сделках такого рода мало что или даже почти ничего неизвестно.

Деньги, полученные безвозмездно от сторонних лиц. К такому случаю, относящемуся к разряду исключительно единичному, в виде примера, можно привести случай с Б. Дыбовским в г. Чите, получившим в дар в знак расположения и за оказанные медицинские услуги от «читинского бомонда», инкогнито, кроме разного рода необходимых вещей и провианта, 200 руб. серебром. Б. Дыбовский вспоминал:

...когда я согласился принять такой подарок, я не ожидал в целом такой значительной суммы, я думал рублей 50, максимум 100 рублей банкнотами; вот было максимум, какой я мог ожидать [12 с. 132].

Деньги, полученные от друзей и родственников нелегальным путем. Нелегальным путем деньги пересылались прежде всего по

почте на имя кого-либо из местных жителей, которые соглашались на эту роль для передачи денег политкаторжанам, по-видимому за процент, точных данных на этот счет нет. Л. Зелёнка вспоминал в своих мемуарах:

Эпштейн, получая различными путями из дома значительные пособия, делил их с нами справедливо по-братски [9 s. 41–42].

Л. Кароли, пытаясь нелегально получить деньги, пишет брату с каторги эзоповым языком:

Господин, который передаст тебе эту записку, остается в Европе до мая месяца и после возвращается сюда. Попытайся встретиться с ним. Он даст тебе rendez-vous в Галиции. Свяжись с ним ради кое-чего для меня. Если ты не сможешь встретиться с ним, по поводу денег, поручи другому. Выдай из моего имущества пожертвование, если потребуется. Дай ему 2 тысячи рублей. Надеюсь, что он поможет тебе решить кое-что для меня. Свяжись с ним и постарайся сделать пожертвование, повторяю тебе [1 p. 119].

Деньги, полученные от продажи собственной продукции через артельные лавки или через личные каналы. При каторжных заводах политические заключенные для собственных нужд и на продажу местному населению производили в организованных ими мастерских разные мелочные товары: нити, пуговицы, мыло и даже колбасы, крутили папиросы, вырезали безделушки и курительные трубки, и т. п. Весь этот произведенный товар выставлялся в мелочных лавках при тюрьмах, открытых по согласованию с тюремным начальством за определенную плату. Все это производство и торговля было делом полуполюгальным, запрещенным законом, но начальство смотрело на это с одобрением – заключенные были заняты делом, производили нужную продукцию, добывали себе средства для пропитания, делились с начальством, не бунтовали, вели себя покладисто. Такое послабление в руках начальства было инструментом управления каторжниками. Подобные лавки организовывались в складчину. Средства вырученных от продажи изделий за вычетом 10%, часть из которых шла в общую кассу, часть на оплату «аренды» начальству, поступали в личное распоряжение умельца. Особо широко такое производство и торговля были поставлены в Александровском заводе. По воспоминаниям П.Д. Баллода, ему удалось крепко поставить розничную торговлю продуктами питания:

Мы, например, брали чай местами, и фунт обходился нам около 90 к., а отдавали его по 96–98 к. Начальство брало этот же чай в лавках по 1 р. 50 к., и когда оно узнало, что это один и тот же чай, то, понятно, стало брать его у нас. Летом свежее мясо нельзя было нигде больше получить, кроме как у нас, и мы отдавали его по 2 р. – 2 р. 40 к. пуд, тогда как в Заводе его можно было получить только случайно рубля за четыре [8 с. 154.]

Деньги, получаемые от продажи казенного имущества. Продажа казенного имущества каторжниками было делом широко распространенным, но не просто запрещенным, а жестко караемым по закону. Но таковы были сибирские порядки, и казенное имущество, как кандалы, так и арестантская одежда, были предметом коммерческого оборота. Кандалы некоторыми политическими продавались местному населению сразу же по приходу в каторжный завод по 15 коп. [9 с. 154], каторжная одежда, кому за ненадобностью, или в дни, когда было совсем трудно с деньгами, тоже становилась объектом продажи. Э. Андреоли, вспоминая о своем пребывании в Кадае, писал:

Мы должны были продавать мало-помалу всё, что у нас оставалось. Вещи, которые были более всего дороже, но еще более сложным было обеспечить себя деньгами с продажи этих вещей. Казенная шуба продавалась за 2 рубля, «бродни» – 75 к., рукавицы – 35 к., обшлагы – 25 к., пара кальсон – 24 к., жилет – 50 к., пара чулок – 50 к., дорожный мешок – 60 к. <...>, еврей скупил по низкой цене, и не всё. Учитывая, что те, кто продавал для нас вещи, были солдат и вор, они начали с похода в кабак за наш счет, после мы должны были дать им еще денег за их беспокойство [15 р. 85–86].

Нехватка кандалов и отсутствие арестантской одежды вели к тому, что на каторжных заводах многие ходили не закованными и почти все поголовно в своей одежде. Начальство подходило к вопросу прагматически. Л. Менжинский вспоминал, что, когда пришел срок выходить на поселение,

...вызванный кузнец расковал нас из кандалов, а те, кто «потерял» кандалы, должны были заплатить за них по 40 копеек [18 с. 79].

Деньги, получаемые из общественных касс при выходе на поселение. Наконец, источником собственных денежных средств были пособия, выдаваемые из общей кассы, упоминаемой выше, при выходе товарища из каторги на поселение. С этой целью в общей кассах создавался особый, неприкосновенный фонд [18 с. 81].

Заключение

Из выявленного выше круга источников личных денежных средств политических ссыльнокаторжных видно, вне всякого сомнения, что казенное содержание политических каторжных 60–70-х гг. XIX в., на Нерчинской каторге, определенное им по арестантской табели, было не только недостаточным, но и с трудом могло обеспечить разве что нищенское существование, и недостаточность его покрывалась личными деньгами политических. Поэтому, с одной стороны, разрешение правительством вопроса о возможности политическим ссыльнокаторжным пользоваться личными денежными средствами и получать пособия от родных стало значительной либерализацией ранее существующих условий содержания и облегчением их материального положения. С другой стороны, «либеральный» подход к условиям содержания местных властей позволил политическим каторжным, кроме получения указанных денег, иметь доходы и от хозяйственной деятельности. Два эти важных фактора вместе с мизерным, но стабильным, казенным содержанием позволили им вполне сносно существовать в условиях этой карательной системы.

На сегодняшний день нет точных данных об общих размерах ни пособий от родных, ни доходов от хозяйственной деятельности политических каторжников, но можно привести ряд цифр. По документально подтвержденным данным Л. Кароли за неполные два года пребывания на каторге было получено 2500 руб. [17 с. 34], если учесть, что таких состоятельных каторжников было более десятка, то только на их долю могла приходиться сумма в 15–20 тыс. руб. в год. Так как доля политических каторжников из привилегированных сословий, а, следовательно, вполне обеспеченных людей, составляла более половины от всего контингента, и они также с более или менее определенной регулярностью получали денежные переводы, пусть даже небольшие, общая сумма таких переводов, по нашему предположению, могла составлять до 70 и более тыс. руб. в год.

Из квитанций, выданных Нерчинским комендантом при передаче дел, видно, что на 21 ноября 1865 г. на балансе у коменданта было на 360 чел. 2725 руб. 90 коп. из собственных денег каторжников, а в апреле 1867 г. на 465 чел. 1738 руб. 55¾ коп. [13 л. 189, 214], что в среднем значении дает 5,4 руб. на человека. При общей численности политических каторжных во всех каторжных заводах Забайкальской области до 1500 чел. сумма собственных средств последних на балансах комендантов могла доходить с учетом среднего значения до 7500 руб. ежемесячно. При общих годовых затратах на содержание политических в каторгах Восточной Сибири за 1870 г.

в 71 000 руб. на 820 чел. [13 л. 451–451об.] мы получаем значение 7,22 руб. в месяц на человека, что сопоставимо с материальной помощью каторжным от родственников, а с учетом иных указанных нами источников собственных средств, такие средства вполне могли превышать сумму казенных затрат. Выяснение общего объема материальной помощи политическим ссыльнокаторжным в указанный период остается пока последующей исследовательской задачей.

Ссылка в каторгу как более тяжкое наказание как в физическом, так и в материальном отношении чаще на деле была для политических преступников куда более легкой карой, нежели несравнимо мягкие наказания, согласно закону, такие как ссылка на поселение или в арестантские роты. В марте 1865 г. во всеподданнейшей записке о политических преступниках генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, указывая на положение сосланных на поселение, лишенных казенного пособия, пишет:

Не получая никакого пособия ни от казны, так как для этого нужны особые физические условия, ни от родных своих, они жили в минувшем году в банях и зимовьях, не имея ни одежды, ни пищи. <...> В наступившее холодное время оные ходят за несколько верст к тому товарищу, у которого случится что-нибудь поесть, и того же дня возвращаются домой. <...> Положение их было бы несравненно лучше, если бы назначены были в каторжные работы: тогда, по крайней мере, они имели бы теплый угол, соответственную времени года одежду, а главное кусок хлеба [20 л. 193об. – 194].

Литература

1. *Zanchi A.* Il Damma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche, 1936. 152 p.
2. *Skok H.* Polacy nad Bajkalem: 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 s.
3. *Kaczyńska E.* Syberia największe więzienie świata, Warszawa: Warszawska oficyna wydawnicza Gryf, 1991. 385 s.
4. *Мошкина З.В.* Нерчинская политическая каторга: вторая половина XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. 210 с. (РГБ)
5. *Мошкина З.В.* Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан: Дис. ... д-ра ист. наук. М., МГПУ, 1999. 368 с. (РГБ)
6. Нерчинская каторга в середине 1860 – середине 1890-х годов // Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга. Т. 1. Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 143–234.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J.

8. Баллод П.Д. Из жизни в Нерчинских рудниках в 60-х годах: (Воспоминания) // Велескали П.И. Революционер-демократ П.Д. Баллод, Рига: Зинатне, 1987. С. 142–169.
9. Zielonka IJ. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863–1869. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1906. 315 s.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 3310.
11. Шостакович Б.С. Сибирские годы Юзефата Огызко // Ссылные революционеры в Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд. ИГУ, 1974. С. 11–53.
12. Dybowski B. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 623 s.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. А.
14. Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник военнопленного, 1863–1867 / Пер. А.С. Гулина. Чита: Экспресс-издательство, 2011. 327 с.
15. Andreoli E. Diario di Emilio Andreoli // Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche, 1936. P. 37–69, 73–102, 104–107, 151–152.
16. [Żychliński L.]. Przygody więźnia politycznego zesłanego do kopalni nerczyńskich w Syberyi na lat 20 do tacek. Poznan: Czcionkami i w komisie W. Simona, 1884. 81 s.
17. Гулин А.С. Гарибальдийцы в Январском польском восстании и на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник военнопленного, 1863–1867. Чита: Экспресс-издательство, 2011. С. 9–67.
18. Mężyiński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i syburskiej katorgi, 1863–1869. Tarnopol: Koło Towarzystwa Szkoły Ludowej, 1910. 164 s.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Е.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341.

References

1. Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche Publ.; 1936. 152 p.
2. Skok H. Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 p.
3. Kaczyńska E. Syberia największe więzienie świata, Warszawa: Warszawska oficyna wydawnicza Gryf Publ.; 1991. 385 p.
4. Moshkina ZV. Nerchinsk political prison: the second half of the XIX century: Dis. ... kand. ist. nauk. M., MSPI named after V. I. Lenin Publ.; 1984. 210 p. (In Russ.)
5. Moshkina ZV. Political prison in Russia and the socio-psychological face of political prisoners: Dis. ... doctora ist. nauk. M., MSPU Publ., 1999. 368 p. (In Russ.)
6. Nerchinsk katorga in the mid-1860's – mid-1890's. V: *Political exile in Siberia. Nerchinsk penal servitude*. Vol. 1. Issue 2. Novosibirsk: The Siberian Chronograph Publ.; 1993. p. 143-234. (In Russ.)

7. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341. Lit. J. (In Russ.)
8. Ballod PD. From life in the Nerchinsk mines in the 60's (Memoirs). V: *Veleskali PI. Revolutionary Democrat P.D. Ballod*. Riga: Zinatne Publ.; 1987. p. 142–69. (In Russ.)
9. Zielonka LJ. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863–1869. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska Publ.; 1906. 315 p.
10. State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fond 31. Opis' 1. № 3310. (In Russ.)
11. Shostakovich BS. Siberian years Yuzefat Ogizko. V: *Revolutionary exile in Siberia*. Issue 2. Irkutsk: ISU Publ.; 1974. p. 11-53. (In Russ.)
12. Dybowski B. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich Publ.; 1930. 623 p.
13. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341. Lit. A. Лит. А. (In Russ.)
14. Andreoli E. From Poland to Siberia: a diary of a prisoner of war 1863–1867. Chita: Ekspres Publ.; 2011. 327 p. (In Russ.)
15. Andreoli E. Diario di Emilio Andreoli. V: Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Istituto Italiano d'Arti Grafiche Publ.; 1936. p. 37-69, 73-102, 104-07, 151-52.
16. [Żychliński L.]. Przygody więźnia politycznego zesłanego do kopalni nerczyńskich w Syberyi na lat 20 do tacek. Poznan: Czcionkami i w komisie W. Simona Publ.; 1884. 81 p.
17. Gulin AS. Garibaldytsy in the January Polish uprising and the Nerchinsk penal servitude of 1863–1867. V: Andreoli E. *From Poland to Siberia: a diary of a prisoner of war 1863–1867*. Chita: Ekspres Publ.; 2011. p. 9-67. (In Russ.)
18. Мężыński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i syburskiej katoggi, 1863–1869. Tarnopol: Koło Towarzystwa Szkoły Ludowej Publ.; 1910. 164 p.
19. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341. Lit. E. (In Russ.)
20. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341.

Информация об авторе

Алексей С. Гулин, соискатель степени кандидата исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; asgulin@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Gulin, postgraduate degree seeker, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; asgulin@mail.ru

«Я буду употреблять всевозможное старание
устранить всё, но в противном случае я не виноват»:
управляющие в имениях Мусиных-Пушкиных

Юлия В. Ким

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Yvk22@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматриваются особенности труда управляющих в имениях Мусиных-Пушкиных. Автор показывает отношение управляющих к своей деятельности, степень их ответственности и профессионализма. Уделяется внимание происхождению управляющих: например, в первой четверти XIX в. владельцы чаще всего ставили на должность управляющих выходцев из крестьян, и это обуславливало специфику их отношения к делу и к своим подчиненным. Управляющие из дворян были для сельского населения представителями чужого и чуждого мира, что осложняло взаимоотношения и приводило к многочисленным конфликтам, на которые автор статьи обращает особое внимание. В середине XIX в. в имения приходят профессиональные управляющие, чаще всего из западных земель Российской империи или иностранцы. Их отличал прагматизм и компетентность. В настоящей работе автором будет представлено несколько примеров такого стиля в работе, продемонстрированных управляющими второй половины XIX в. Особенности отношений владельцев имений и управляющих во время революционных событий 1917–1918 гг. также будут предметом внимания автора статьи. Автор статьи попытается обратить внимание на личностные особенности каждого из управляющих, так как характер управляющих сказывался на социальном взаимодействии их с начальством, то есть владельцами имений, и с подчиненными, а также отражался на результатах и эффективности труда.

Ключевые слова: Мусины-Пушкины, XIX век, имение, дворянство, усадьбное хозяйство, вотчинные управляющие, социальное взаимодействие, крепостные крестьяне

Для цитирования: Ким Ю.В. «Я буду употреблять всевозможное старание устранить всё, но в противном случае я не виноват»: управляющие в имениях Мусиных-Пушкиных // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 63–83. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-63-83

“I will use every possible effort to eliminate everything, but otherwise I’m not to blame”:
managers in the Musin-Pushkins’ estates

Yuliya V. Kim

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Yvk22@yandex.ru*

Abstracts. The article, based on the archival materials, examines the peculiarities of managerial work in the estates of the Musin-Pushkins. The author shows managers’ attitude to their activities, the degree of their responsibility and professionalism. Attention is paid to the origin of managers: for example, in the first quarter of the 19th century people of peasant origin were most often made to the position of managers, and it caused the specific nature of their attitude to the case and their subordinates. Whereas managers from the gentry were representatives of a foreign world, alien for rural population, which complicated the relationship and led to numerous conflicts which the author of the article pays special attention to. In the middle of the XIX century professional managers came to estates. Most often they were inhabitants of western lands of the Russian Empire or foreigners. They were distinguished by pragmatism and competence. In this research the author will present several examples of the work style demonstrated by managers of the second half of the XIX century. Peculiarities of the relationship between owners of estates and managers during the revolutionary events of 1917–1918 years will also be the subject of the author’s attention. The author of the article will try to pay attention to the personal characteristics of each of the managers, since the managers’ character features affected their social interaction with their superiors, (that is, the owners of the estates, and their subordinates) and directly impacted on work efficiency and results.

Keywords: The Musin-Pushkins, the XIX century, the estate, nobility, estate management, estate managers, social interaction, serf peasants

For citation: Kim YuV. “I will use every possible effort to eliminate everything, but otherwise I’m not to blame”: managers in the Musin-Pushkins’ estates. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;6(39):63-83. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-63-83

Период рассвета русских усадеб, а именно вторая половина XVIII–XIX вв., связаны с активизацией экономической деятельности в усадьбах. Эта деятельность не всегда осуществлялась самими владельцами имений, которые часто сельской жизни предпочитали светское времяпрепровождение в столицах. В этом случае основная нагрузка по организации хозяйства в имениях ложилась на управляющих. Специфике труда управляющих и особенностям взаимодействия управляющих с сельским населением, крепостными крестьянами, с хозяевами имений, посвящено относительно мало работ, гораздо большее внимание уделено самим землевладельцам-дворянам и их взаимодействию со служащими имений и крепостными крестьянами. Управляющим, которые служили в имениях одного из крупнейших аристократических семейств, а именно, представителей графской ветви Мусиных-Пушкиных, не посвящено ни одного исследования. В настоящей статье ставится задача восполнить эту лакуну.

Мусины-Пушкины в течение периода конца XVIII – начала XX в. были крупнейшими земельными собственниками Ярославской губернии, уступая только Шереметевым. В начале XIX в. у Алексея Ивановича Мусина-Пушкина в собственности было около 52 тыс. десятин только в Мологском уезде Ярославской губернии [1 л. 1–5]. У владельцев крупнейших имений Мусиных-Пушкиных, Иловны и Борисоглеба, в середине XIX в. совокупно в собственности находилось свыше 90 тыс. десятин земли. И лишь к концу XIX в. количество земли резко уменьшилось (в основном за счет продажи ряда вотчин Иловенского имения).

Главной статьей дохода было оброк, количество крестьян было таковым, что рационально организованное хозяйство не имело огромного значения. У знаменитого археографа, первооткрывателя «Слова о полку Игореве», Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, в 1816 г. было 15 663 мужских и женских душ в Ярославской губернии. Для самого Алексея Ивановича его «ярославская деревня» была уголком, где можно насладиться сельским покоем, отдохнуть или поработать. Хозяйственная жизнь имения не находила, как кажется, душевного отклика у хозяина, и граф предпочитал не лично

участвовать в организации экономической деятельности в имении, а переключивать эти занятия на управляющего.

Владимир Петрович Шляхтенков, первый из известных нам управляющих, был из крепостных крестьян, что характерно для начала XIX в. Жена управляющего, Акулина Акимовна Шляхтенкова, тоже находилась при деле, участвовала в управлении делами суконной фабрики [2 л. 22–32]. Семья Шляхтенковых была на особом попечении графини Екатерины Алексеевны после смерти хозяина Иловны [3 л. 20]. А потом заботу о верных слугах отца взяли на себя наследники Алексея Ивановича [4 л. 33].

Одновременно еще один управляющий, Тимофей Шепягин, ведал делами графа Москве, был посыльным и доверенным лицом в делах между имениями, а также заведовал калужскими имениями графини. Но граф был им недоволен, и в 1814 г. в ответ на просьбу Шепягина позволить задержаться в Москве «по делу» и «по нездоровью» упрекает слугу, разрешив, однако, задержаться: «...то тебе позволяю, но как ты сделал привычку лгать, то худо тому верю и советую от грехов, а паче от пьянства воздержаться, а без того никогда здоров не будешь и ни на что не годишься». И в дальнейшей переписке 1814–1816 гг. хозяин ворчит и распекает Шепягина: «Да советую оставить знакомство с кабаками и трактирами...» [5 л. 2, 5, 11, 12], «...пора одуматься и войти в разум, что б быть человеком, а не скотом безобразным...» [6 л. 1, 3]. Но управление делами велось из рук вон плохо, пьянство должностных лиц процветало и позже.

После смерти Алексея Ивановича в 1817 г. прежде единое имение в Мологском уезде было разделено на две части: Иловну и Борисоглеб. Иловну унаследовал старший сын – Иван Алексеевич, а Борисоглеб – Владимир Алексеевич. До 1820 г. хозяйство велось по-прежнему, а с 1820 г. было переведено на новый расчет, то есть окончательно разделились части обоих братьев, хотя управляющим в обеих частях в первое время оставался Владимир Петрович Шляхтенков, ему помогал брат – Илья Петрович Шляхтенков.

В 1825 г. управляющим и Иловной, и Борисоглебом был назначен дворянин Шмигельский, родственник мологских помещиков Глебовых. В мае 1826 г. в Иловне его сменил новый управляющий, Алексей Строминов, а уволенный Шмигельский тем временем «безпрестанно распространяет слухи о скором его возвращении в с. Иловну и о вступлении в управление оной». Иловенское хозяйство после Шмигельского Строминов нашел в неудовлетворительном состоянии: «Вступив в управление вверенного мне от Вас имения и находясь в оном близ месяца, я нашел, что хозяйство во многих отношениях предместником моим разстроено». Строминов

жаловался, что не заготовлены дрова, жерди и колья, распаханная земля в с. Чайнове «прошлой осенью не была засеяна озимым хлебом», «рыбные ловли не успешны», в лесах самовольные порубки. В расстроенном состоянии скотоводство, скотный двор «в чрезвычайном беспорядке», грязь, скотницы неопрятны, нет должного ухода за молодыми телятами. Наводить порядок на скотном дворе Строминуву помогала супруга, которая «приняла на себя главной за сим надзор и по сему предмету отдала нужные приказания».

Работавшие еще при старом графе суконная, скатерная и полотняная фабрики чудом сохранились, так как Шмигельский «с оных фабрик несколько нужных человек отдал в конюхи, а самая фабрики назначил к уничтожению, от чего все фабричные мастера остановили свои работы в ожидании новаго для себя назначения». Стромин и его супруга пытались «возобновить сии мастерства» и привести фабрики «в лучшее состояние». Стромин обвинял Шмигельского в махинациях с покупками льна: согласно расходной тетради Шмигельский купил в Москве лен, но в Иловну не отправил. Неладно было и с выплатами оброка: «Многие из вотчинных начальников мне тайно доносят, что крестьяне не платят оброков и невносят подушных повинностей единственно, по какому то ожиданию быть государевыми крестьянами, и по их мнению в мае месяце сие ожидание совершится» [7 л. 2–5, 7–7 об.].

При этом Шмигельский оставался управляющим в Борисоглебе. Он получал огромное жалованье, 5000 р. в год, чего не одобряла Екатерина Алексеевна, но с одной стороны, так распорядился Владимир Алексеевич, с другой – пожилая графиня не хотела брать управляющими немцев. Сам Шмигельский писал в 1826 г., что «крестьяне во всех отношениях ленивы», «оброк за несколько лет не платят», «всякая деревня празднует около 20 разных праздников больше для варенья пива и для пьянства, нежели из усердия к Богу». На пьянство подчиненных управляющий жаловался постоянно: «Усова на сих днях только отыскали и привели совершенно опухшаго от пьянства и около 2 недель неизвестно, где находился», «Петр Федоров без меня также без просыпу пил <...> его заперли в комнату, но он замок и двери разломал и ушел, и теперь без просыпу пьет вместе с братом и с матерью»; «деревня вся как без меня, так и теперь во время праздников до безобразия пьют, и делают разные беспорядки, а вместе с ними и церковные служители ко всему бывают началом». Дьячки и пономари, по словам Шмигельского, крали сено, а сторожей угрожали посадить в прорубь. Крестьяне проявляли неповиновение должностным лицам, например, крестьянин Иван Прохоров избил старшину деревни Антона

Петрова «березовым поленом». Традиционными были жалобы на незаконные вырубki леса: «...где им вздумается рубят лес и возят в Мологу и прочия места продавать, так что по 50 возов с лишком останавливаются, но они не слушаются и везут по своему направлению», – писал управляющий.

Противостояние Шмигельского и мужиков продолжалось, Шляхтенков грозил смирительным домом. Происходили всё новые инциденты: после наказания за неплатежи оброка в Борисоглебе умер крестьянин, было следствие, приезжали инспектора военной управы, которые не нашли «никаких боевых знаков», которые подтвердили бы насильственную смерть. В июле «по мирскому приговору» в конторе был наказан несколько раз бежавший крестьянин, после «умеренного», по словам Шмигельского, наказания крестьянин повесился. Вновь «приехал заседатель и не нашел никаких боевых знаков», но генералу-губернатору было донесено, что несчастье произошло от строгого наказания, полученного от приказчика.

Во время всех этих событий Шмигельский жаловался на недостаток полномочий, так как он не имел права, например, отдавать крестьян в рекруты и в смирительный дом, и просил графа «незамедлить прибытием» и защитить его «страдающую невинность» [8 л. 1–7, 12–13, 17, 21, 19 об., 23, 35, 39 об.–40, 54–55]. Противостояние достигало такого накала, что необходимо было вводить войска. Драматические события привели в конце концов к отставке управляющего.

С 1827 г. управляющим Борисоглебом и Иловной был назначен Василий Михайлович Ленин, лейтенант флота, пошехонский помещик. Он стал и помощником владельцев, и другом семьи. Жена его, Елена, общалась с Мусиными-Пушкиными, принимала участие в делах. Она сетовала на то, что Борисоглебское имение при прежних управляющих пришло в запущенное состояние: «надобно время, чтобы привести всё в надлежащий порядок, тем более, если везде и во всем встречаешь большое расстройство»; «начало вступления мужа моего в управление было ознаменовано весьма неприятными встречами» [9 л. 2,6]. Сам Василий Михайлович не обвинял Шмигельского, оправдывая предшественника тем, что при «ненадежных» и «неверных» людях сложно управляться с огромным имением, но сам, кажется, сильно волновался из-за непорядков и опасался, что не сможет со всем управиться. С апреля по май 1827 г. он одолевал Екатерину Алексеевну просьбами заменить его на более молодого и здорового управляющего: «Не желая получать деньги даром, прошу ваше сиятельство меня от звания моего освободить, прислав на место моё другого: ибо в толико обширном и многосложном имении

без помощников с нерадивым, ленивым и непослушным народом не только 50-летнему больному старику, но молодому с крепким сложением человеку не легко будет присутствовать...»; «я буду употреблять всевозможное старание устранить всё, но в противном случае я не виноват». Новый управляющий все первые месяцы наводил порядок, и постепенно дела стали привычной обыденностью, а здоровье Василия Михайловича стало поправляться «благодаря искусству медика»: «в имении всё благополучно. Работают лениво и худенько послушивают. Пашня весенняя приходит к концу. Больных в имении довольно и более всего лихорадочных», – писал Ленин в середине мая. Разбираясь в делах предыдущего начальства, Василий Михайлович всё же нашел свидетельства того, что Шмигельский самовольно оставлял часть денег «себе в награждение». Новый управляющий писал графине, что «удивляется» и «сожалеет» по поводу таких «смелых действий» предыдущего.

Мужики в имении просили об освобождении их от оброка, В.М. Ленин действовал дипломатично: он разрешил им отправить ходок к барыне, но сам предупредил её в письмах: «...скажу Вашему сиятельству, что снисхождение Ваше по сему случаю будет неуместно», «Сменцовские Ваши мужики не в таком положении, чтобы не могли заплатить оброку: ибо отправляя к вам ходок, объявили выборному: “Если графиня не простит, то оброк у нас готов”». Вообще, оброк мужики платили «худенько», да еще и «ленивы к работе», отмечал Василий Михайлович.

Теплые взаимоотношения управляющего и хозяев можно почувствовать и в письмах: «Мне очень прискорбно было и тронуло до души замечание Ваше, будто я Вас забыл и не пишу», – отвечал Ленин на письмо Екатерины Алексеевны, он действительно писал ей регулярно, как и ее сыну, волнуясь, что Владимир Алексеевич не отвечает, но постоянно оправдывая хозяина тем, что тому скорее всего мешают обстоятельства и служба [10 л. 7–12, 15 об., 23 об., 30, 32–32 об., 34, 39].

В отсутствие Василия Михайловича переписку с Екатериной Алексеевной вела Елена Ленина, она не забывала упомянуть о заслугах супруга в делах управления имением: «Возвратясь из моей деревни нашли мужа моего благодарение Богу, здорового, а заботы его по хозяйству вверенного ему имения награждены изрядным успехом. Сие меня порадовало; желая быть ему полезной и помощницей в трудах, точас обозрела скотоводство...». Занималась супруга Василия Михайловича и садом, и огородом («огородных растений нонче не избыльно, и ягод морошки и поленики очень было мало»), и делами крестьян и слуг («Вам угодно было, чтобы

я наведалься о дочери Федосья Лукьянова – она весну жила в Иловне, явилась сюда в мое отсутствие; призвав ее к себе, объявила ей волю Вашу; велела ей заниматься пряжей, и вести себя как прилично молодой девке, упредила ее что коль скоро услышу о ней что либо невыгодное, то не премину уведомить Ваше Сиятельство»), и организацией больницы («...Иван Федосеев, мальчик молодой, довольно рассеянный, впрочем я его послушанием довольна; мы с ним занимаемся лечением больных, с помощью лекарских книг и иногда с успехом») [9 л. 1–3 об., 5, 6, 7 об.].

С конца 1920-х гг. в Иловне Ленина сменяют новые управляющие, которые выстраивают отношения с мужиками непросто. Например, управляющий Иловенским имением в 1831 г. коллежский асессор и чиновник 8 класса Василий Михайлович Бондаревский сообщал в письме Ивану Алексеевичу, что часть крестьян прекратили платить оброк и бунтуют. Управляющий требовал предоставить ему полномочия для расправы над мужиками, но Иван Алексеевич, очевидно, не спешил делать это, и Бондаревский отвечал: «несколько раз имел честь доносить как и ныне уверяю что они подлецы и возмутители чему однако ж как замечаю вы не верите, но впоследствии недолгого времени вы уверитесь, но трудно тогда поправить будет». Управляющий пишет, что мужики перестали платить оброк за первую половину года, и с обидой добавляет: «...но нечего мне тут делать, когда власть мою угодно было ослабить, всё Ваше, а не мое...». Бондаревский равно негодовал по поводу пьянства крестьян, бунтующих (но «скоро укрощенных») ткачей и восставших в том же году поляков («проклятые поляки», «неблагодарные мерзавцы»), никакого отношения к имениям Мусиных-Пушкиным не имевших.

Бондаревский позволял себе настаивать на своей политике в отношении крестьян: «повторяю Вашему Сиятельству мою просьбу не испортить для себя дело, а именно ни под каким видом как бы ни старались Вас обмануть не отсрочивать ни насколько времени недоимки, не убавлять оброку, а наложить на них ассигнациями, а неплательщиков от запашки не освобождать <...> разругать их как мошенников и показать всю примерную над ними строгость». Управляющий защищал вотчинных начальников от нападков крестьян, объясняя графу, что жалобы на бурмистра «в притеснениях» не заслуживают «вероятия», потому что бурмистр был бы Сакольской общине «хорош тогда, когда за всё по головке гладил и под мирскую музыку плясал». Бондаревский звал графа приехать и удостовериться лично в том, что крестьяне не повинуются.

Между тем, события разворачивались нешуточные: крестьяне Сакольской вотчины Василий Макаров, Василий Лукьянов с дву-

мя сыновьями «бегали» и «возмущали» народ, «но к щастию Вашему или так сказать общему», как писал Бондаревский, «приехал сюда Макарьевской исправник Федор Яковлевич Шкот», который «увидевши пыляющий сей огонь успел сфитить и отправить в земской суд Ваську Макарова, и тем самым ослабить силу действия сего». Сакольские крестьяне пытались устроить вторую «самовольную сходку», но увидев, что исправник приехал с военными, «разошлись по домам уже в сумерки». После отъезда исправника крестьяне-«недоимщики» собрались вновь, «и самые развратные пьяницы пришли довольно пьяни под предводительством своего первейшаго бунтовщика старосты Василья Лукьянова», «начали порядочно шуметь», но после угрозы применения силы «посмирили». Когда же крестьяне отправили пятерых ходоков к Ивану Алексеевичу, Бондаревский выдал всем пятерым отпускные билеты, но при этом в письме убеждал графа применить к крестьянам самые жесткие меры: «Все покорнейше прошу не щадить единиц для тысячей народов и своего спокойствия тишины и доходов...». Управляющий предложил годных из них отдать в солдаты, Василия Лукьянова сослать в Сибирь, остальных «месяца по два на монетном дворе выдержать».

С уходом ходоков собрания крестьян на селе прекратились. Бондаревский успокоенно писал: «Слава в Вышних Богу и на земле мир, правда кротость и терпенье Сакольскую ярость победило, утихли и умолкли все на сей неделе <...> работают тихо скромно и шуму никакого нет, опять понемногу зашевелилась уплата недоимки и сбор оброка...» Но управляющий очень волновался, услышат ли его, и напоминал о необходимом, по его мнению, наказании для ходоков: «Естли не сошлете их в Сибирь то хотя сошлете их на монетный двор, а Соцкаго прошу непременно отдать в рекруты...» Вероятно, Иван Алексеевич внял просьбам Бондаревского, потому что через три недели прислал строгое «повеление» от своего имени, а ходоков отправил в «зарабочей дом», что по мнению управляющего «есть самое отеческое и ничего не значущее по деяниям их наказание». При этом управляющий добавил, что хороших, честных крестьян и «исправныхплательщиков» он «как золото хранит» (от рекрутских наборов), но суров к «отчаянным пьяницам и ленивцам» [11 л. 36–37, 41 об.–42, 44, 60 об., 62–62 об., 63 об.–64, 73, 77, 79 об.].

Все беспорядки в имении и конфликт крестьян с управляющим происходил во время эпидемии холеры и бури с дождем «необыкновенной» (семь домов сгорели от громового удара, так как все были на сенокосе), и Бондаревский деятельно решал эти проблемы. Нужно отметить, что Бондаревский, хоть и бывал строг («Иловские

дворовые не смеют быть недовольны тем комплектом в зиму скота, которой мною им определен, видевши дороговизну и недостаток в корму пусть приучаются к бережливости»), но мог поддержать и защитить крестьян. Он вместе с ними решал, как выплатить оброчные недоимки: «...некоторые имея лишний скот по недостатку сена располагали продать на базарных торгах <...> мастеровые готовятся в зиму наняться в работник, словом всякой давал отчет из чего может выручить денег», но при этом управляющий строго запретил крестьянам продавать «нужный для дому семенной хлеб и скот», а вотчинным начальникам «приказал иметь за тем надзор под их ответственность». Крестьянам, готовым сотрудничать с администрацией, дал отсрочку, запретил перекупщикам скупать товары задешево у своих. Но «негодных из них» или «за старостью», или по другим причинам приказал отдать в солдаты, т. е, как сам Бондаревский писал про себя, «всех вольнодумцев покорил совершенно» [11 л. 63, 65, 69 об.–70 об.].

В начале 1830-х гг. управляющие в имениях Иловна и Борисоглеб находились на почетном положении. Сохранились записи о распределении плодов нового урожая в Иловне в 1832 г.: из 410 персиков 330 ушли на варенье и «мармалат», а оставшиеся были отправлены (видимо в качестве угощения) – 5 игумену, 10 князю Волконскому, 15 Лариону Александровичу Пушкину, 5 Мологскому уездному судье и 45 «господину управляющему» [12 л. 17 об.–18].

Сам Бондаревский получал в 1831–1832 гг. 500 р. ежемесячно [12 л. 139]. В том же году оклад управляющего усадьбы Борисоглеб, В.М. Ленина, составлял несколько меньшую сумму – 4500 р. в год ассигнациями [13 л. 3]. В 1839 г. на жалованье управляющих Борисоглеба было израсходовано 6901 р.: 4700 р. получил Петр Петрович Богданов (ему же выделены дорожные деньги, 135 р.), 1458 р. – сменивший его в должности Алексей Захарович Путьковский (ему же были выделены деньги на угощение приезжающих – 168 р.), управляющий Мусиновской вотчиной (часть Борисоглебского имения) Карл Иванович Юргенс получил 743 р. [4 л. 3].

Материальное положение управляющих середины XIX в. не изменилось: управляющие получали примерно столько же, сколько и в первой, если мы учтем, что платили теперь серебром. В 1853 г. оклад управляющего Иловенским имением Фомы Фомича (его фамилию установить не удалось) составлял 142 р. 85 к. в месяц серебром [14 л. 1 об.].

На некоторое время в имении Борисоглеб хозяева решили повторить ранний опыт и поставить в 1837–1838 гг. управляющим дворового человека – Ивана Ивановича Липина, на которого преж-

ний управляющий В.М. Ленин возлагал надежды: когда-то, в мае 1828 г., В.М. Ленин с согласия Владимира Алексеевича был инициатором отправки в Борисоглеб из Иловны трех человек на службу в контору, одним из них был Иван Липин, служащий «поведения отлично хорошего», который «честностию поведения своего всегда заслуживал доверие и похвалу»; он получил жалованья 25 рублей, на год «сертук и панталоны летние», «панталоны зимние», 25 аршин на рубашки, да на два года «сертук зимней», только «тулуп и шинель когда получал Иловенской Канторе неизвестно, а значится в Борисоглебской». Иван Липин хорошо проявил себя в Иловенской канторе и в дальнейшем сделал «карьеру» в Борисоглебе, начав с должности писаря. В Борисоглебе к новому должностному лицу еще с конца 1920-х относились с вниманием, известно, что на свадьбу ему было выдан 1 барашек и 2 свинки [15 л. 1 об.–2, 5–5 об.; 16 л. 1 об., 3, 8 об.–9].

Несколько лет спустя, в декабре 1837 г., новый управляющий И. Липин получил от Василия Михайловича письмо с советами и поучениями. «Здоров ли ваш барин?» – справлялся бывший управляющий, наставляя: «Слышал я что граф тебя во многом уполномочил, радуюсь тому и поздравляю. Только повторю тебе – старой мой совет и прозбу не менять барина своего ни на кого. Служить ему всеусердно – а паче всего беречь себя от слабостей, в числе коих пьянство есть гибельное, я тебя знаю человеком воздержным, не погуби себя» [15 л. 3–3 об.]. Отношение бывшего управляющего к крестьянам раскрывается в его поручении Липину: «Служи мои поклоны всем поголовно от попа и до последнего крестьянина – остаюсь доброжелатель твой, В. Ленин» [15 л. 4].

Липин был управляющим не более года, в 1839 г. его сменил Петр Петрович Богданов, затем Алексей Захарович Путьковский. Но спустя еще несколько лет, в записях распоряжений Владимира Алексеевича по Борисоглебской канторе за ноябрь 1846 г. мы опять встречаем упоминание об Иване Липине: «По случаю отсутствия из имения г-на главноуправляющего все распоряжения по Канторе делать и смотрение за поведением людей поручаю казначею Ивану Иванову Липину» [17 л. 6].

Но казначей Иван Липин, став «над конторою главный распорядитель», натворил «безпорядок», и потому в ноябре того же 1846 г. потребовано «взыскать от него штрафа 25 руб. ассигнациями». Управляющий Карл Иванович Лиенцер обвинял Липина также и в том, что тот приобрел «пьяные связи с людьми также давно соучаствовавшими», а теперь, «будучи низвержен и лишен своей должности, много препятствует должности и моей и скорейшему

распространению во всем порядка». Иван Липин действительно не оправдал доверия, и помимо прочего, с ним проживала вольная работница, которая носила вино в арестантскую, да и сама любила «попивать», чем и навлекла на себя гнев управляющего [18 л. 1, 1 об.–2, 7 об., 29 об.]. Карьера Липина, нужно отметить, на этом не закончилась. В 1866 г. он находился в должности землемера в имении, получал годовое жалованье в размере 381 р. 64 к., пенсион (предположительно больше 30 р.), да еще и наградные за успешную продажу леса – 25 р. [19 л. 9 об., 19], а в 1871 г. Иван Липин вновь числился казначеем и получал годовое жалованье 360 р. [20 л. 25 об.]

В 1846 г. в конторе творились безобразия, несмотря на данные ранее наставления Владимира Алексеевича «вести себя трезво и радиво и от пьянства остерегаться», и доносить о тех, «которые будут неисправные и не трезвые» [17 л. 6]. Конторский журнал заполнялся из рук вон небрежно, записи подделывались, а пьянствующий три дня подряд «журналист Никонор Иванов» посажен в «арестантскую» для «протрезвления». По случаю халатности конторского служащего последовало распоряжение барина: «Бывшаго журналиста Никонора Иванова, к[огда] он протрезвится, наказать домашним образом – розгами при всех дворовых людях; и приказать сторожу чтоб он за ним смотрел, дабы он никуда не мог отлучиться; а канторе непрестанно давать ему для занятия дело». Хозяин имения лично вмешался в ситуацию (начиная с 1940-х гг. граф уделял большое внимание хозяйственным вопросам и вопросам управления имением), он был возмущен тем, что во временное отсутствие управляющего подряды и заказы делались без предписаний конторы и «против всякаго должнаго в благоустроенном имении порядка [18 л. 3 об.–4, 5, 17 об.]».

Нерадение конторы сказывалось и на качестве сельскохозяйственных работ в усадьбе, и граф запрашивал у вотчинных начальников, «по какой причине остались некоторые луга недокошенными, тогда как они сами должны были видеть, что количество поставки сена менее прежних годов и что погода не препятствовала позднему сенокосу» [18 л. 20 об.]. Но нужно отметить, что и годом ранее, в декабре 1845 г., из Петербурга в Борисоглеб был прислан приказ графа, где упоминались те же проблемы: «Денег 3900 я еще не получил, равномерно и регистры для сбора оброков к удивлению своему еще не присланы, чего впредь чтоб ни под каким видом не случилось, потому что из сего происходит беспорядок и недоумения» [17 л. 1].

В 1847 г. выяснилось, что в имении подворовывал сам управляющий, Карл Иванович Лиенцер. По новой моде управляющий был из Лифляндии, и этот первый опыт приглашения на службу чело-

века не из местных был неудачным. Лиенцер самовольно для своих нужд изымал суммы из Борисоглебской конторы, брал деньги и у служащих в Рыбинске (якобы для поездок по «графским делам»). Насчитали убытков на 14 805 р. Но при увольнении Лиенцера с него на всякий случай удержали больше, 16 000 р., так как Лиенцер пожелал уехать, не дождавшись конца расследования своих злоупотреблений [21 л. 3–5 об.].

После увольнения Лиенцера в 1847 г. в имение был принят новый управляющий, коллежский регистратор И.Ф. Зорин. Он проработал всего немного, и уже в 1848 г. Владимир Алексеевич написал про него в своем завещании: «Главноуправляющего имением моим Ивана Федоровича Зорина, показавшего мне в короткое время моих с ним сношений и знаний и честность и доброту истинно русских и благочестивых намерений его, прошу его почтить память мою» [22 с. 487], а в 1849 г. Зорин по доверенности от Владимира Алексеевича брал займ под залог 77 борисоглебских душ в Московской сохранной казне [23 л. 153]. Нужно обратить внимание, что не только хозяин Борисоглеба был доволен управляющим, но и крестьяне рассчитывали на его помощь в своих проблемах и с прошениями отправляли к его столу телат [24 л. 14].

С середины XIX в. ситуация с управляющими меняется: это уже не просто помощники владельца, но знатоки своего дела. Они теперь часто были выходцами из западных губерний Российской империи или иностранцами. Первым удачным опытом стало приглашение в 1854 г. на должность управляющего имением Иловна коллежского асессора и кавалера Гудчайльда. Управляющий, коллежский асессор Гудчайлд, направлял к графу только редкие важные предложения или ставил подпись на делах, требующих особого внимания, остальными он занимался сам. Вероятно, хозяйев (а именно, Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, тещку и внука знаменитого археографа) устраивала работа конторы, на всех предложениях управляющего стоит утвердительная резолюция [25 л. 1–129]. При дельном управляющем и конторские служащие работали ответственно. Журнал заполнялся образцово, вел его главный конторщик Маслов, проявивший себя отличным делопроизводителем (он долго проработал в имении и упоминался как состоящий при должности в Иловенской конторе и через 17 лет, в 1871 г., с окладом 360 р. [26 л. 9 об.]). Маслов не только приводил в порядок дела и вел реестр просьб, донесений и жалоб, он еще и работал с прошениями: изучал обстоятельства дел, снабжал прошения комментариями и в таком виде отправлял для резолюции к графу Алексею Ивановичу. Работа была, кажется, титанической,

ведь только с 28 августа по 7 сентября 1854 г. было подано 79 просьб и докладов (43 из них были графом удовлетворены).

Сам Алексей Иванович большую часть времени проводил в Петербурге. Среди бумаг второй половины XIX в. мы находим письмо двоюродному брату, графу Владимиру Владимировичу, написанное 10 января 1859 г.: Алексей Иванович передал брату «полное управление Иловенским имением» [27 л. 2] и, отвечая на его вопросы (заданные в более раннем письме, обнаружить которое пока не удалось), давал указания и советы по многим вопросам управления имением. Вероятно, помощь брата была необходима как вынужденная мера во время отсутствия управляющего. В том же 1859 г. на работу был нанят Карл Егорович Ранхов, лифляндский уроженец. Управляющие в имении действовали в согласии с рациональной хозяйственной политикой графа, например, заботились о создании на случай неурожая запасных хлебных магазинов: два было построено при бароне Руммеле, который был управляющим в 1858 г., а в 1860 г. Ранхов просил о создании еще двух. Или, например: выгодное для хозяев отходничество было распространено в ярославских землях, как и в других нечерноземных губерниях, поэтому Ранхов заботился о возможности крестьян уходить на заработки, хлопоча лично за тех, кому по каким-то причинам невозможно было это сделать [28 л. 1–1 об., 2–5].

В некоторых проявлениях пореформенная жизнь, как и методы управления, не отличались от дореформенных. Так, в 1863 г. крестьяне окрестных деревень Толбина и Лошья «несмотря на запрещение» пускали свой скот для пастбища «в лесную дачу» графа Алексея Ивановича, 19 июня в его владениях паслось 70 чужих коров. А 24 июня лесной объездчик Мартюшев с лесниками, обозревая лесную дачу, «усмотрели пасущимся в оной половину стада крестьян деревни Лошья»; «другая же половина стада паслась на своем наделе». Для восстановления справедливости контора от имени нового с 1861 г. управляющего, отставного титулярного советника Николая Васильевича Ильина, направляет Мологскому земскому исправнику письмо и «препровождает» при письме «взятую в лесной даче корову». Исправника просят «взыскать на основании утвержденной правительством таксе, по 15 коп. за корову, которых было по показанию лесников 15 штук». На письмо была сделана приписка: «Бумага эта не отправлена по принадлежности по случаю тому, что корова которая препровождалась при сей бумаге крестьянами д. Лошья силой отобрана». В «объявлении» управляющего Мологскому земскому исправнику, с жалобой на самоуправство, указано, что крестьяне д. Лошья грозились «за это»

отомстить, «но в чем заключается их месть неизвестно». Ильин жаловался в Иловенское волостное управление и на крестьян, учинявших самовольные порубки леса, прилагая список виновников. Подобные споры за пастбища и леса происходили также и с крестьянами других деревень, например, села Станова, деревни Звоза, Бренькова и др., который пасли скот в графских озимых полях и лесных дачах. Дело доходило до земского суда, где в качестве доказательства иногда были представлены коровы и лошади [29 л. 3–3 об., 5–6, 8, 14, 19, 21, 25].

Управляющие участвовали в деятельности по реализации крестьянской реформы. В Борисоглебе удалось быстрее, чем в Иловне, перевести крестьян на выкуп, вероятно, в связи с этим Алексей Владимирович получил знак отличия за введение в действие положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. В 1866–1867 гг. доверенным лицом владельца был Дмитрий Иванович Липин («рыбинский купеческий сын»). При сложной работе в пореформенное время управляющий получал невысокое жалованье: 750 р. 97 к. в год, да еще наградных 250 р. [19 л. 20]. Но и управляющий Борисоглебом Андрей Михайлович Эварди в 1871 г. получал немногим больше – 900 р. (правда, еще 150 р. столовых, 500 р. наградных и 445 р. на разъезды по делам имения) [20 л. 25 об.]. Возможно, невысокий оклад Дмитрия Иванович Липина был связан с социальным происхождением, ведь в Иловне в это же время (в 1866–1868 гг.) Николай Васильевич Ильин получал годовое жалованье в размере 2400 р. [30 л. 6]. С 1872 г. доверенным лицом Алексея Владимировича во время выкупных операций по имению Борисоглеб был дворянин Александр Антонович Глиноецкий.

Выкупными операциями по Иловенским имениям Алексея Ивановича в 1860-е гг. занимался управляющий Н.В. Ильин (при посредничестве в 1867 г. Мологского мирового посредника капитан-лейтенанта Дмитрия Владимировича Михайлова), причем Алексей Иванович предоставил право своему доверенному лицу самому принимать решение о необходимости перехода на выкуп. Но перевод крестьян на выкуп в Иловенском имении затянулся: начавшись в 1868 г., процедура в некоторых селениях не была закончена, и к 1881 г. переговора с крестьянами велись сложно, например крестьяне села Ветрена в 1871 г. заявили о «несоразмерности оброка с наделом» (переговоры с ними проводил управляющий с 1870 г. Карл Иванович Фон-Грудзинский). Заявление не было «признано уважительным», и с 1875 г. крестьяне села Ветрено были переведены на выкуп [31 л. 5, 17]. Самым длинным и сложным был процесс выкупа в селе Станове. Здесь уже после заключения уставных грамот

началось деление и перераспределение земель, связанное с тем, что крестьяне не платили оброк. И по данному вопросу мнения владельца имения и управляющего разошлись. После того, как в Станове выявились злостные неплательщики, Фон-Гродзинский предложил уничтожить круговую поруку, а у неплательщиков отобрать и поля, и «усадебные оседлости». Это предложение было первоначально принято владельцем имения в штыки: «не совершенно понимаю предложения г. Управляющего», – писал Алексей Иванович 1 марта 1873 г. Опасаясь, что лишением земли и домов крестьянам будет некуда деться, граф распорядился сначала выяснить материальное состояние каждого, крестьяне «обеднели от кабака и от уничтожения коневодного промысла, все имение платило исправно оброк, кроме их», – считал барин [26 л. 53–53 об.]. Но управляющий оказался дальновиднее, позже владельцем все же была уничтожена круговая порука, у неплательщиков были отобраны все угодья и присоединены к наделам крестьян плательщиков, в пользовании же неплательщиков оставлена одна «усадебная оседлость по 200 кв. саж. на душу, а на все 32 души – 2 дес. 1600 саж.». Перевод крестьян на выкуп после смерти Алексея Ивановича заканчивала его вдова Любовь Александровна при управляющем Карле Ивановиче Фон-Грудзинском, а затем при «рижском гражданине Павле Федоровиче Краузе» [32 л. 10].

Особенностью найма управляющих второй половины XIX в. было то, что теперь для управления разными отраслями хозяйства приглашались разные менеджеры, и над всем стоял «главноуправляющий». Например, с 1861 г. управляющим в Иловне стал Николай Васильевич Ильин, отставной титулярный советник. В 1870–1871 гг. Николай Васильевич по-прежнему в имении, но ведает теперь только лесопильным заводом и лесным делом [26 л. 2], а главноуправляющим по всему имению Иловна становится прусский подданный Карл Иванович Гродзинский. Но в это же время главноуправляющим, занимающимся всеми делами Алексея Ивановича и Любви Александровны, включая финансовые счета, займы, дела в Петербурге и Москве был Василий Романович Варле. С 1881 г. доверенным лицом Любви Александровны Мусиной-Пушкиной после смерти мужа стал Павел Федорович Краузе.

Начиная с 1870 гг. в архивах почти нет информации об управлении имением Иловна. Все сведения (хоть и немногочисленные) о хозяйстве, штате служащих, подходе к управлению связаны с имением Борисоглеб. С конца 1880-х имением владел внук Владимира Алексеевича, Алексей Алексеевич Мусин-Пушкин. Несмотря на то, что Алексей Алексеевич и его супруга Варвара Васильевна не

проживали постоянно в имении, они были активными участниками общественной жизни Мологского края. Владельцы Борисоглеба смогли воспользоваться открывшимися экономическими возможностями и рационально организовать хозяйственную жизнь. Во многом это получилось, потому что хозяйством в имении (где успешно развивалось молочное скотоводство и велись лесозаготовки в двух Борисоглебских лесничествах) руководили управляющие-профессионалы: датский подданный Иван Иванович Мартенсон-Енсон, Александр Леопольдович Коль и другие.

Одним из самых талантливых людей на должности управляющего был Александр Леопольдович Коль – уроженец Литвы, почетный гражданин Петербурга. Любопытна деловая переписка, которую вел А.Л. Коль, управляющий имением Борисоглеб в течение 1898–1904 гг.: очевидно, дела по управлению имением были поставлены хорошо, о чем говорит письмо управляющему с просьбой принять на работу; «...не могу терпеть только и думаю каждый день когда поеду к Вам служить <...> вся Моя Мысль стремится уехать до Вас <...> даже во сне думаю...» [33 л. 33–33 об.].

В 1910-х гг. все сложнее становилась экономическая ситуация. Но управляющие, да еще несколько «старых слуг» по-прежнему были привязаны к хозяевам. Письмо управляющего Борисоглебской конторой Вильяма Сноре от 19 апреля 1917 г. полно беспокойства от происходящего вокруг, несмотря на уверения в обратном: «здесь пока всё спокойно <...> все телеграммы, высланные Вам во время моего отсутствия только какая-то, мне до сих пор неизвестная интрига. Надеюсь, что в ближайшее время узнаю цель этих происков. До сего дня могу Вас успокоить и уверяю, что беспорядков не было. Я узнал, что к 1-му мая какая-то будет демонстрация, но надеюсь и с этим справиться, о чем и Вам заявляю» [34 л. 1]. Управляющий предупреждал об опасностях, поджидающих хозяйина усадьбы в случае приезда в имение, советовал не приезжать: «На пароходе я лично, и мои служащие также, особенно в Мусине, слышали грозительные слова против Вас, между прочим один казак в Мусине посягнул на Вашу жизнь. Не зная здешних жителей, я считаю в такое опасное время своей должностью Вам об этом доложить» [34 л. 1, 2 об.].

В 1917 г. жизнь коренным образом изменилась – имение было реквизировано. Бывший управляющий О. Капустин, работавший теперь при имении кассиром, писал 6 июня 1918 г. о том, что на последнем волостном собрании людей волновали совсем новые вопросы: «На последнем волостном собрании многими

высказывались пожелания об Учредительном собрании, но большинство сытых кричали за Советскую власть, голодные же высказывались – “кто бы не был у власти но лишь бы хлеб был”» [35 л. 13–13 об.].

Взаимоотношения между крепостным миром и начальниками складывались непросто в течение всего XIX века. Но конфликты чаще происходили не между крестьянами и владельцами, а между крестьянами и управляющими. Управляющие из среды крестьян встречали понимание в своей среде, являясь выходцами из нее. Появление управляющих из среды дворянства встречало глухое или активное сопротивление крепостных, которые воспринимали любые требования как попытку вмешаться в их жизненный уклад. Причем бунт и неповиновение происходили как в случае справедливого возмущения действиями администрации (как в примере с управляющим Шмигельским), так и при попытке навести порядок в имениях, искоренить пьянство и безответственность (как в случае противостояния крестьян и управляющего Бондаревского). Жесткие меры зачастую ни к чему не приводили, лишь усиливая сопротивление. Примеры показывают, что только личная честность и порядочность, если ее демонстрировал управляющий (как это было в случае с В.М. Лениным), помогали примирить подчиненных с новым начальником из дворян.

Со второй половины XIX в. привычка к «пришлым» управляющим свела конфликты между ними и подчиненными к минимуму. С середины XIX в. управляющие – это «менеджеры», задачей которых становится грамотное и эффективное управление хозяйством, а наградой – стабильный заработок. Менялись управляющие часто, их стало гораздо больше, чем в первой половине XIX в. Все чаще управляющие – это датские, прусские, рижские подданные. Но все-таки многолетнее сотрудничество с владельцами имений делали управляющих имениями и хозяев не чужими друг другу людьми, именно от управляющих Мусины-Пушкины получали сочувствие и поддержку в трудные 1917–1918 гг.

Литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1270. Оп. 1. Д. 554. 116 л.
2. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 881. 39 л.
3. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 997. 22 л.

4. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 3914. 30 л.
5. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10477. 12 л.
6. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10479. 4 л.
7. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1735. 7 л.
8. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1734. 84 л.
9. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1876. 8 л.
10. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1877. 76 л.
11. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2373. 116 л.
12. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2491. 154 л.
13. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2492. 32 л.
14. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6479. 20 л.
15. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10554. 7 л.
16. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2144. 12 л.
17. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 4778. 40 л.
18. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10699. 136 л.
19. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7392. 22 л.
20. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7828. 30 л.
21. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 5233. 30 л.
22. *Ferrand J.* Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine / Pref. A.A. Moussine-Pouchkine. Paris, 1994. 521 p.
23. Центральный государственный архив Москвы. Ф. 127. Оп. 1. Д. 579. 408 л.
24. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 5533. 42 л.
25. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6536. 129 л.
26. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7783. 98 л.
27. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. 5 л.
28. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7004. 5 л.
29. Государственный архив Ярославской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 26. 35 л.
30. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7542. 26 л.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 48. Д. 975. 34 л.
32. РГИА. Ф. 577. Оп. 48. Д. 101. 47 л.
33. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 9188. 214 л.
34. Государственный архив Ярославской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 95. 2 л.
35. Государственный архив Ярославской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 186. 13 л.

References

1. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opus' 1. Delo 554. 116 listov. (In Russ.)
2. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opus' 1. Delo 881. 39 listov. (In Russ.)

3. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 997. 22 lista. (In Russ.)
4. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 3914. 30 listov. (In Russ.)
5. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10477. 12 listov. (In Russ.)
6. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10479. 4 lista. (In Russ.)
7. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1735. 7 listov. (In Russ.)
8. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1734. 84 lista. (In Russ.)
9. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1876. 8 listov. (In Russ.)
10. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1877. 76 listov. (In Russ.)
11. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2373. 116 listov. (In Russ.)
12. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2491. 154 lista. (In Russ.)
13. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2492. 32 lista. (In Russ.)
14. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 6479. 20 listov. (In Russ.)
15. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10554. 7 listov. (In Russ.)
16. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2144. 12 listov. (In Russ.)
17. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 4778. 40 listov. (In Russ.)
18. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10699. 136 listov. (In Russ.)
19. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7392. 22 lista. (In Russ.)
20. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7828. 30 listov. (In Russ.)
21. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 5233. 30 listov. (In Russ.)
22. Ferrand J. Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. Paris, 1994. 521 p.
23. The Central State Archives of Moscow. Fond 127. Opis' 1. Delo 579. 408 listov. (In Russ.)

24. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 5533. 42 lista. (In Russ.)
25. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 6536. 129 listov.
26. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7783. 98 listov. (In Russ.)
27. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 6991. 5 listov. (In Russ.)
28. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7004. 5 listov. (In Russ.)
29. The State Archives of the Yaroslavl Region. Fond 714. Opis' 2. Delo 26. 35 listov. (In Russ.)
30. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7542. 26 listov. (In Russ.)
31. The Russian State Historical Archives. Fond 577. Opis' 48. Delo 975. 34 lista. (In Russ.)
32. The Russian State Historical Archives. Fond 577. Opis' 48. Delo 101. 47 listov. (In Russ.)
33. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 9188. 214 listov. (In Russ.)
34. The State Archives of the Yaroslavl Region. Fond 714. Opis' 1. Delo 95. 2 lista. (In Russ.)
35. The State Archives of the Yaroslavl Region. Fond 714. Opis' 1. Delo 186. 13 listov. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия В. Ким, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Yvk22@yandex.ru

Information about the author

Yuliya V. Kim, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Yvk22@yandex.ru

Русская армия и население в Первой
мировой войне:
фронтальная повседневность и событийность

Александр Б. Асташов
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, astashsh@yandex.ru*

Аннотация. Статья имеет целью проанализировать практики фронтальной повседневности отношений русской армии и населения в Первой мировой войне. В работе, выполненной на новых архивных материалах, используется концепция военного фронта, создавшего ситуацию дистанцирования этнических групп населения Западного края и армейских структур на театре военных действий. Исследуются основные формы проявления взаимоотношений армии и населения в области обеспечения безопасности, снабжения, человеческих контактов и общего восприятия армией этнических групп в социально-политическом контексте. Автор приходит к выводу, что опыт отношений армии и населения в ходе фронтальной повседневности по указанным аспектам привел к формированию в армии негативного восприятия населения, породил взаимное отчуждение военнослужащих и жителей не только на территории противника, но также и на территории союзников и даже на собственной территории. Попытки снятия взаимного отчуждения между армией и населением носили событийный характер, но не решали проблем отчужденности и враждебности на личностном уровне. Их окончательное решение выдвинулось в центральном событии – прекращении войны и начале социально-политических преобразований в самой России.

Ключевые слова: Первая мировая война, военный фронт, Западные окраины, русская армия, фронтальная повседневность, безопасность, жизнеобеспечение, релаксация на фронте, этнические группы

Для цитирования: Асташов А.Б. Русская армия и население в Первой мировой войне: фронтальная повседневность и событийность // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 84–105. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-84-105

The Russian army and the population in the First World War: front-line everyday life and events

Aleksander B. Astashov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, astashsh@yandex.ru*

Abstracts. The article is intended to analyze the practice of front-line daily relations between the Russian army and the population in the First World War. The work done on new archival materials uses the concept of a military frontier that created a situation of distancing ethnic groups in the western outskirts and army structures in the theater of operations. The main forms of manifestation of the relationship between the army and the population in the field of ensuring security, supply, human contacts and the general perception by the army of ethnic groups in the socio-political context are explored. The author comes to the conclusion that the experience of relations between the army and the population in the course of front-line everyday life on these aspects led to the formation of negative perception of the population in the army, gave rise to mutual alienation of servicemen and residents not only in the territory of the enemy, but also on the territory of the Allies and even on its own territory. Attempts to remove mutual alienation between the army and the population were of an eventual nature, but they did not solve the problems of alienation and hostility at the personal level. Their final decision was seen in the central event – the end of the war and the beginning of social and political reforms in Russia itself.

Keywords: The First World War, the military frontier, the western outskirts, the Russian army, front-line everyday life, security, life support, relaxation ethnic groups at the front

For citation: Astashov AB. The Russian army and the population in the First World War: front-line everyday life and events. *RSUH/RGGU Bulletin. "History, Philology, Cultural Studies, Oriental Studies" Series.* 2018;6(39):84-105. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-84-105

Первая мировая война повлияла на всю структуру военного общества, включая самого воюющего человека. Это ощущалось не только в ходе решающих столкновений, но и в повседневной фронтовой жизни. Фронтальная повседневность обычно рассматривается

в литературе прямолинейно: как рутинная деятельность по обеспечению боевой деятельности, направленной на противника. Сама фронтовая структура (армия, службы обеспечения) представляется как гомогенная и помещенная в организованное пространство с преданной и послушной ей технологией ратного труда. Контакты армии с населением анализируются только когда их носители оторваны от своей основной группы в качестве призывников, едущих на фронт, при выполнении спецзаданий, военнопленных [1 с. 356–357, 411; 2]. Другой была ситуация в Первой мировой войне. Дело было в особенности войн старого и нового типа. Прошлые войны были маневренными, войска и службы обеспечения, как правило, составляли единое целое, были самодостаточными (что и обеспечивало их маневренность), от населения не зависели, с ним не сталкивались уже в силу незначительного времени нахождения в данном месте. В Первой мировой войне, технической, всенародной, тотальной, значительно возрос фактор «чужой территории» во всем ходе военных действий, включая и повседневность ратных задач. Это обуславливалось как самим размахом войны, так и ее коалиционным характером. Армии противников длительное время находились на занятой территории противника, или на территории союзных в мировом конфликте государств, или на территории собственного государства, но с населением, обладавшим значительными социально-культурными отличиями от населения остальной страны. В отличие от традиционной, главным образом маневренной войны, в мировой войне армия не только встречается с противником во время боевых действий, но и постоянно взаимодействует с населением во всей зоне фронтовой полосы, являвшейся в рамках столкновения разных культур зоной фронта. Тем самым в ходе борьбы, а не просто «восприятия противника» [3], ощущается зона пространства территории, как пространственного выражения власти, требующего его защиты и обеспечения в качестве проявления идентификации суверенного над этим пространством народа, нации [4].

Фактор чужой территории был чрезвычайно актуальным для Русского фронта Великой войны, где военные действия разворачивались на западных окраинах империи [5 с. 4–7, 409–411], а армия состояла в основном из жителей внутренней России, значительно отличавшихся по этническому, особенно культурному признаку. Главная проблема заключалась в том, что «чужая территория» должна была восприниматься как «своя». По существу это была проблема незавершенной национальной идентификации как одной из задач только разворачивавшейся в России модернизации, частью которой и стала война. Взаимоотношения армии и населения

на театре военных действий носили чрезвычайно многообразный характер и охватывали ареал в 28 млн жителей. В данной статье предполагается сосредоточиться на нескольких видах повседневности отношений армии и населения: безопасности, жизнеобеспечения, релаксации и общего восприятия армией населения как этнической группы. Статья написана на архивных материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В ходе военных действий важнейшим вопросом было обеспечение безопасности от возможных происков противника и их пособников из состава населения. Проблема безопасности виделась или в прямой враждебности населения, или в корыстных целях жителей, наносивших вред русской армии. Опасения вступления в противостояние с прифронтовым населением определялось близостью регулярных сил противника. Первой такой группой представлялись немцы-колонисты, а также другие лица, относившиеся к немцам. Существовало отчетливое восприятие немцев-колонистов как населения, хотя и имевшего российское гражданство, но которое фактически обладало всеми признаками «немецкости»: протестантская вера, использование немецкого языка в быту, сохранение и культивирование немецких культурных особенностей в повседневной жизни. Настораживала крайняя затрудненность взаимодействия с таким населением в связи с закрытостью жизни колонистов. Считалось, что они, живя компактно, представляют готовую базу для расположения и проживания частей противника в случае его наступления [6 л. 5]. Все немецкое мужское население трудового возраста от 15 до 60 лет рассматривалось как готовый резерв призывников для германской армии или в качестве трудовых ресурсов. От немцев-колонистов всегда ожидали и конкретных враждебных акций в виде помощи противнику. Больше всего это касалось шпионажа. Солдаты, командование постоянно сообщали о случаях слежки за русскими войсками, выведывании тайн, передачи их противнику. В армии следили за подозрительным «шатанием» жителей, их общением с другими ненадежными лицами, попытками сообщения сигналов, проведения телефонов под водой или под землей [7 л. 2, 14, 26–26 об., 40, 49, 62, 66, 81, 104–104 об., 116–116 об., 255–256 об., 567–567 об.; 8 л. 269; 9 л. 77–78 об.]. Преследовалось приветствие колонистами, да и лицами любой национальности, вражеских разъездов или вступающих частей, сообщение противнику сведений о наличии русской секретной агентуры, выдача жителей, помогавших русской армии, указание неприятелю, куда движется той или иной русский разъезд, или

наоборот, несообщение о подобных же перемещениях немецких отрядов. В армию поступали донесения, что колонисты, жители немецкой национальности прятали немецких разведчиков, поставляли им продукты, фураж, указывали, у кого в селении есть хорошие лошади. Особенно пристальному расследованию подвергались действия местных обывательских комитетов в их отношениях с оккупационными властями. Уже при выходе немецких войск из оккупированных мест агенты губернских жандармских управлений, контрразведки расспрашивали местных жителей о пособниках оккупантов. Значительная часть этих подозрений вызывалась наговорами соседей: поляков, евреев, находившихся во враждебных отношениях с немцами-колонистами или с немцами-помещиками, а также обвинениями начальников войсковых команд, недовольных тем, как помещики или их управляющие защищали свои хозяйства от набегов солдат [10 л. 78, 79, 97, 155, 232, 238 об.; 9 л. 77 об.–78 об., 82–82 об.]. Враждебность немцев-колонистов видели в отказе проведения реквизиций, в побегах к неприятелю с окопных работ. Как правило, любые контакты немцев-колонистов с неприятелем вели к резкому обострению противостояния на передовой позиции [11 л. 269 об.].

Если вред от действий немцев-колонистов рассматривался как потенциальный, в зависимости от инициативы противника, который мог воспользоваться услугами нежелательных элементов, то другие группы населения воспринимались как источники непосредственного вреда, как его инициаторы. Дело было в их мобильности, и, следовательно, способности узнавать воинские секреты и возможности их передачи противнику. К таким группам относились, прежде всего, евреи, как постоянно перемещавшиеся по театру военных действий в ходе ведения многочисленных хозяйственных операций. В руках евреев была сосредоточена практически вся мелкая и среднеоптовая торговля в крае. Евреи же являлись важнейшим элементом по снабжению продовольствием, вещами и самих воинских частей [12 л. 1]. Уже по факту своей деятельности они владели многими секретами транспортной логистики, расположения штабов самого различного уровня, самих воинских частей. По роду своих занятия евреи входили в контакты со многими представителями штабов и воинских частей русской армии. Отследить эти отношения, составлявшие часто коммерческую тайну, было невозможно, что ставило под подозрение уже командование самой русской армии в случае злоупотреблений.

Частично к таким же враждебным группам относили и цыган ввиду их постоянных передвижений как проявления образа

жизни, а также отдельных лиц, часто перемещавшихся по театру военных действий, при этом самых различных национальностей: фокусники (китайцы), артисты (итальянцы, немцы). Однако среди местных жителей, вызывавших опасения, были и случайные лица. Стали известны случаи, когда поляки, как правило молодые люди, являлись частыми посетителями передовых линий, доставляя военнослужащим сигареты, продовольствие и т. п. Некоторые из них предлагали свои услуги по шпионажу, одновременно оказывая подобные же услуги противнику. Множество вреда, порою неосознанного, делалось местным населением в отношении окопов, военного имущества, что военными расценивалось как помощь врагу [13 л. 271–272].

В целом обеспечение безопасности во фронтовой повседневности рождало среди солдат, военного начальства тягостные ощущения враждебности со стороны населения, и так не рассматриваемого как свое, несмотря на русское подданство. Ответом, носившим в этом случае событийный характер, являлись действия по ликвидации подобных отношений или путем прямого удаления враждебных элементов с театра военных действий (немцы-колонисты), или путем установления контроля над ним посредством взятия в заложники (евреи), или высылки отдельных лиц других национальностей (литовцев, латышей, поляков и т. п.). Частично проблема взаимоотношений армии и населения была снята самим фактом потери Западного края: Польши и части Прибалтики, что и носило характер центрального события, подведшего черту в повседневности этого аспекта военного опыта. Более драматично, однако, развивались события в урегулировании отношений между армией и собственным, т. е. не воспринимавшимся как чужое, населением внутренней части театра военных действий: белорусами, украинцами, латышами. Однако здесь сработал рефлекс не ненависти к этому населению, а наоборот, демонстрации особого вида родства, которое не позволяло оставить жителей перед лицом противника. Фактически это вылилось в изгнание за линию фронта миллионов жителей, рассматриваемых как «русские» (в основном белорусы). Следствие этого фронтовая повседневность армии и населения на фронте уступала место другой повседневности – между беженцами и жителями внутренней России [14 с. 304–309].

Глубокие контакты армии и населения существовали на почве обеспечения армии продовольствием, трудовыми ресурсами, которые могли остаться противнику при отходе (главным образом в 1915 г.). Связанные с этим меры, как вспомогательные для жизнеобеспечения армии, военными законами предусматривалось вво-

дить двумя способами: свободной покупкой за деньги у населения продовольствия, скота и т. п. или принудительными реквизициями тех же предметов обеспечения, хотя и также платными [15 с. 58–59, 232, 233, 395; 16 л. 76–76 об., 159–187; 17 л. 104–105 об.; 18 л. 3, 4, 13а, 75 об., 92 об.]. В реальности во время быстрых перемещений, невозможности своевременно обеспечить армию продовольствием, транспортом происходил незаконный отъем ресурсов у населения или реквизиция, с отказом оплаты [19 л. 51–53, 72; 20 л. 15, 26, 27, 136, 141, 295, 350, 401, 557; 21 л. 523–524]. Часто эти действия сопровождалось совместным – солдатами и местным населением – грабежом собственников. В этом участвовали, как правило, поляки – против немцев и евреев [20 л. 15, 26, 27, 136, 141, 295, 350, 401, 557; 21 л. 523–524]. Мародерство армии в основном было направлено на тех же евреев и немцев, собственность которых как бы «по закону» считалась трофеей [22 л. 8, 9, 10, 20, 24, 28, 29, 32 об., 36, 39, 45, 45 об., 147, 231, 524, 526, 466, 470–471; 23 л. 167–168; 9 л. 75]. Поджогам и погромам польских помещиков и евреев, в которых участвовали отдельные бродячие воинские шайки, а также и население в 1914–1915 гг., способствовало практическое отсутствие администрации в Восточной Галиции [24 л. 2, 60, 63]. Мародерство часто начиналось в виде массового разгрома бежавших галицийских панов своими же крестьянами. Участие в мародерстве русских солдат совпадало, таким образом, с актами «социальной справедливости» местного населения [25 с. 17; 20 л. 113].

Еще чаще были заимствования продовольствия, фруктов, дров и т. п., которые проводили войска в месте прохождения или стоянки. В архивах сохранились сотни заявлений собственников (от помещиков до крестьян, от аристократов до бедняков) с требованием возместить убытки от постоа войск. Часто в таких разорениях участвовали и представители местного населения, лишь используя войска для своей поддержки [22 л. 547–548; 26 л. 335]. Таким образом, создавалось определенное сотрудничество населения с армией, заинтересованной в приобретении или перераспределении ресурсов местного населения [17 л. 193–197 об.; 18 л. 76; 27 л. 23–23 об., 25–25 об., 46–46 об., 52–52 об., 73–73 об., 85–85 об., 93–93 об., 206].

Подобные действия армии по отношению к населению усилились летом 1915 г. в связи с «Великим отступлением». Акции армии порою приобретали бесцельный характер варварской потравы засеянных полей, уничтожения созревшего урожая, фруктовых садов, разгрома имений и т. п. уже на «своей» территории. Причем потерпевшие убытки уже не могли отличить действия армии противника от армии, которая должна была их защищать [22 л. 42,

475 об., 495–496, 509–510, 521–523, 527 об.]. Значительными были убытки не только владельцев имений, но и простых крестьян, у которых также отнимали урожай, фураж, продовольствие, скот, лошадей, порою единственные в хозяйстве, без какого либо вознаграждения [28 л. 370, 343 об., 373; 22 л. 272, 365; 21 л. 34, 37–40, 43, 46, 48–52, 58–60, 430, 451]. Мародерство периода «Великого отступления» носило не только массовый характер, но и «законный», к тому же направленный против собственных граждан, часто собственников, помещиков, или «предателей», не желавших уходить вместе с войсками. С лета такая система отношений отдельными представителями армии и населением стало принимать характер социального бандитизма [18 л. 76–76 об.].

Ответ на подобные повседневные практики складывался по-разному. Частично, особенно по отношению к польским помещикам, произошло возмещение убытков [17 л. 202–203 об., 211–211 об.; 29 л. 3; 30 л. 51–179 об.]. Это было вызвано необходимостью сохранения мотивации поляков в союзе с Россией в продолжавшейся войне, где «Великое отступление» рассматривалось лишь временным эпизодом [31 л. 55–55 об., 129, 196–199, 346–348 об., 382]. В некоторых случаях, по отношению к известным польским аристократам (графы А. Замойский, С. и П. Гурские, князь М. Радзивилл, Э. Курнатовский, В. Собанский), такое возмещение даже превосходило утраченное [32 л. 40]. Правда, имели место и попытки оказать населению помощь продовольствием, фуражом [33 л. 6; 31 л. 120–120 об.]. Однако эти проекты периода относительного затишья зимы 1914–1915 гг. в Галиции и Польше не были осуществлены в полной мере [34 л. 11 об.]. Но центральным событием в отношениях армии и населения на почве обеспечения ресурсами представляется переход в пользу армии вообще всех ресурсов под видом его защиты от возможной его передачи противнику, что имело место при «Великом отступлении» летом 1915 г. Одновременно это означало и уход населения, которому предполагалось возместить реквизированное имущество (скот, посевы и др.) в тылу. Фронтная повседневность между армией и населением сменилась, таким образом, одномоментным актом ликвидации главного объекта отношений между сторонами: недвижимости, посевов, скота и других ресурсов. Это было возможно только по отношению к самым беззащитным этническим группам – белорусам, украинцам, латышам. Тем самым отношения между армией и населением прекращались, а население уже внутри России выстраивало по отношению к властям и местному, внутренней России, населению новые связи, включавшие претензии на утраченное имущество и жилье [14].

Важной частью отношений между армией и населением являлась область человеческих контактов, которые допускали поступки, не подпадавшие под собственно военные действия, но, тем не менее, их сопровождавшие на любой войне: милосердие по отношению к местному населению, релаксацию, половые связи. Всего в районе 15-верстной полосы фронта [полковые резервы] находилось около 500 тыс. человек, половину из которых составляли дети [35 с. 1–2]. Как правило, это были семьи, которые не ушли с беженцами в тыл России. Они оставили свои жилища, но продолжали находиться в лесах, землянках в надежде вернуться на места проживания. Часто их временные жилища находились вблизи передовых линий, иногда даже непосредственно на них. Солдаты были свидетелями массы проблем, стоявших перед населением: голод, холод, обстрелы, болезни [36 с. 43; 37 с. 59; 38 с. 73; 39 с. 166–167; 40 с. 293–294; 41; 42; 43 л. 36–36 об., 124–125]. Особенно часто общались с солдатами дети, которые для бойцов являлись забавой и утешением и у которых они могли найти приют и пропитание [44 л. 47–47 об.; 36 с. 42; 38 с. 73]. Именно мальчики из этой группы и предлагали свои услуги солдатам в качестве разведчиков, «сынов полка». Эта же группа детей составляла главный контингент для «детей-шпионов», использовавшихся немцами. Практически все дети в той или иной мере испытывали развращающее влияние со стороны солдат, с которыми они были вынуждены соседствовать [36 с. 49; 45 с. 18; 46 с. 90–91]. Девочки и девушки в возрасте 13–16 лет в ближнем тылу часто становились легкой добычей для солдат. «Разврат» на передовой принимал столь большие формы, что порою одна и та же девушка становилась переносчицей венерических болезней для многих солдат. В результате власти были вынуждены открыть для таких зараженных девушек в Минске особый госпиталь [44 л. 40–40 об.; 46 с. 90].

Событийным в данном аспекте повседневности можно представить следующие действия. Что касается семей на передовых позициях, то власти настаивали на их перемещении. Для этого использовались не общественные организации (Союз земств или Союз городов), которым не доверяли, а инициированные властями проправительственные организации Северопомощь и Югопомощь, способные осуществить перемещение жителей с передовой линии, не вызывая при этом утечки информации противнику. Что же касается детей-беспризорников, то большая часть их была эвакуирована общественными организациями внутрь России, а часть была размещена на театре военных действий в детских домах. Не выдержал и опыт фронтовой повседневности нахождения

детей в качестве «сынов полка» непосредственно в военных частях. Когда стало известно о наличии в их рядах шпионов, все эти юные добровольцы были в течение 1916–1917 гг. удалены с позиций. Так закончилась повседневность общения детей с армией, чтобы через военные испытания привести к новой повседневности общения детей и общества, готового к решению детского вопроса [47].

Среди человеческих контактов армии с населением выделяется сфера интимных отношений. В ее основе был тот же феномен мировой войны, проявлявшийся в использовании в качестве основного контингента обычного гражданского населения, представлявшего членов разорванной на время войны семьи, в основном крестьянской. Длительность военных действий поставила членов семей в ситуацию пересмотра своего семейного статуса. Такая возможность всегда присутствовала у крестьян, находящих длительное время в разлуке с семьей, например при отходничестве, своеобразным аналогом которой являлась война. Театр военных действий, а также внутренние районы, примыкавшие к нему, создавали огромное предложение в сфере интимных услуг. Прежде всего, это – женщины-окопницы, как прибывшие в течение 1914 – начала 1916 г. по нарядам военного и местного начальства, так и беженки, нанятые на окопные работы [48 л. 298]. Следующей категорией были беженки, оставшиеся без мужчин и в большом количестве осевшие в течение 1914–1915 гг. на театре военных действий. Для их психологии была характерна зависимость от солдат, у которых они искали защиту себе и своим детям [49 с. 192–193, 253]. Особую группу представляли беженки-подростки, являвшиеся легкой добычей отставших команд, дезертиров и тому подобного полупреступного армейского контингента [49 с. 25]. Как и во время русско-японской войны, на театре военных действий появилось множество как законных, так и «гражданских» жен офицеров и солдат, порою живших всего в 4–5 км от позиций [50 л. 67; 51 л. 393; 52 л. 354–354 об.]. Совершенно новым, а главное массовым явлением для войн стало предложение сексуальных услуг военным отпускникам или командировочным со стороны множества женщин-непроституток в городах во внутренних районах, ближайших к фронту [53 с. 5]. В целом во время войны отмечен чрезвычайный всплеск сексуальной активности среди солдат и офицеров. Суждения солдат о роли секса на войне были достаточно циничны: «Без бабы и без вина и война не нужна» [54 с. 171; 55 с. 39–40; 56 л. 12 об.]. В соответствии с этой моралью выстраивалось и сексуальное поведение. В ближнем тылу это выражалось в массовом «гулянье с бабами и девками» уже с осени 1914 г. Особенно широко это явление было

развито в отдельных командах: автомобильных, мотоциклетных, артиллерийских, телефонных, среди летчиков, денщиков и т. п. [49 с. 220; 57 л. 446 об.; 58 л. 353; 59 л. 117 об., 136 об., 299 об. – 300; 51 л. 80, 196; 52 л. 371–371 об.; 60 л. 402–402 об.; 56 л. 27]. Практиковалось и прямое насилие по отношению к женщинам. В письмах зимы 1914 г. отмечалось, что в малых городах в Галиции, где стоит русская армия, идет целая «охота на них и не разбираются ни с классом, ни с возрастом» [57 л. 612]. Но и летом 1915 г. имели место насильственные эксцессы по отношению к австрийским женщинам-окопницам [55 с. 41; 52 л. 33; 56 л. 6 об. – 7]. Сексуальная активность в русской армии ярко проявилась в резком возрастании количества венерических болезней у солдат и гражданского населения на театре военных действий. Зимой 1917 г. в сводках цензуры по 7-й армии сообщалось, что «заболевание сифилисом принимает угрожающий характер». Распространение венерических болезней в действующей армии сравнивали с тифом, опасались превращения боевой армии в «армию сифилитиков» [61 л. 185 об., 342]. Рост венерических заболеваний вызывал тревогу у гражданских властей, общественности, Государственной думы [62 с. 61–62; 63 с. 380; 64 с. 477; 65 л. 110, 148]. Причиной считали общение пехотинцев с женщинами-окопницами, принимавшее форму массового разврата. Размах этого явления обнаружился на совещании губернаторов и губернских предводителей дворянства в прифронтовых губерниях в Ставке в мае 1916 г. Все участники совещания указывали на недопустимость привлечения на окопные работы девушек и женщин [66 л. 133, 133 об., 136 об., 171, 198; 61 л. 204 об., 233–233 об.]. В результате совещание, а вместе с ним и военное командование, пришли к решению об отказе использования женщин в окопных работах. Этот отказ повел к серьезным последствиям в деле организации оборонительных работ – попыткам заменить женский контингент в окопах сначала военнопленными славянами, а затем рабочими Средней Азии.

Событийными в данном ряду явлений в отношениях солдат и женщин являлись попытки или урегулировать эти отношения в виде разрешения женитьбы и посещения женами солдат и офицеров, или в полном запрещении появления женщин на передовой с угрозой наказания вплоть до применения розог, даже к женам, нарушившим такие запреты [59 л. 146 об., 287; 52 л. 104 об., 354–354 об.; 67 л. 53]. Но подлинное урегулирование таких отношений виделось солдатам в прекращении войны и возвращении в семью, где они могли бы применить новый опыт, полученный на фронте на почве интимных связей, в пересмотре своего социально-семейного статуса.

Существовал еще один аспект отношений армии и населений, который можно было бы обозначить как общее восприятие этнического населения в его государственно-общественной форме как недружественного государства. Первоначально не было прямо враждебных отношений армии к населению прямых противников. Возможно, русская армия пыталась показать цивилизованное отношение к жителям Восточной Пруссии и тем более Галиции. Эти отношения даже не были испорчены массовым захватом сельскохозяйственного имущества крупных имений в Восточной Пруссии. Однако отношения ухудшились после обстрелов русских отрядов из домов в Тильзите. Это вызвало ответные действия: русские части произвели несколько залпов по городу. А с осени 1914 г. отношения русской армии и населения в Восточной Пруссии и вообще испортились. Появились сообщения, что «царит какая-то ни в чем не разбирающаяся ненависть к немцам. В каждом мирном жителе склонны видеть шпиона. В городах, в усадьбах – богатых и бедных, в деревнях – всюду одна и та же картина: все в развалинах, все разграблено и разрушено...». Авторы писем считали, что все дело в газетной пропаганде, которая очень сильно действовала на психологию рядового, мало рассуждающего военного [68 л. 33, 105; 69 л. 308–309].

И все же общие представления о немцах были в пользу Германии. Еще при первой оккупации Восточной Пруссии стали приходить письма о прямо-таки роскоши и богатстве, в которых живут немцы. Удивляли «в каждом доме электричество, ванная, мягкая мебель, масса роскошных экипажей». Осенью 1916 г. солдаты в письмах писали, сравнивая Германию и Россию в отношении дороговизны на предметы первой необходимости, что «там почти все дешевле, чем у нас; очевидно там порядки другие и обыватели не брошены на съедение хищникам этим двуногим акулам» [20 л. 6, 401; л. 271, 506, 582 об.]. Подобная же ситуация была и в областях, захваченных у Австрии. И здесь большое впечатление на русских солдат производило богатство, в котором живет простое сельское население Австрии: «как помещики». С другой стороны, население отказывалось давать ночлег, продовольствие даже за деньги. Враждебность населения чувствовалась даже по взглядам, которые бросали на солдат местных жители: смотрели «как на зверя; по чертам лица их можно прочесть, что ихняя душа говорит, мол, идут наши враги и убийцы наших братьев, мужей и отцов». В результате в Австрии русские солдаты чувствовали себя особенно отрезанными от родины, «между чужими людьми, словно сирота», резко обострилась ностальгия. «Какую же мы родину защищаем, когда

мы забрались в чужую землю и бьемся за чужие земли?», – спрашивали солдаты [48 л. 66, 330, 305, 378; 70 л. 313; 71 л. 354]. Еще менее доброжелательным было отношение населения стран, куда русская армия вступала как противник. Такими воспринимались венгры («мадяра»): «народ чудной больно, ходит в длинных рубахах словно баба, портки носят белые, волосы на голове длинные как у попа, смотрит чертом и, если ночью встретишь в горах, обязательно убьет» [72 л. 715–715 об.].

На чужой территории солдат русской армии возмущало поведение населения союзных с Россией стран и местностей: Галиции, Молдавии, Румынии. Так, солдаты в 1915 г. неожиданно сделали вывод, что «русское» население в Галиции принимало русские войска хуже, чем нерусские галичане (поляки, евреи). Русские солдаты с удивлением узнали, что те, кого они пришли освободить, являются народом «малокультурным», «малообщительным», «да и на нас смотрят хуже, чем на врагов». Солдаты никак не могли ожидать такой враждебности. Смешанные чувства русских солдат вызывало знакомство с молдавским населением, широко представленным на Румынском, а также Юго-Западном фронтах. Большинство сообщений указывали на резко неприветливое отношение молдаван к солдатам русской армии: «Хуже нас не было жить, как среди Бессарабских молдаван...» Недоброжелательное отношение проявляли не только простой люд, но и интеллигенция. Молдаване выражали вообще протест против присутствия русской армии, полагая, что они «сами здесь управятся». Возникали конфликты на почве квартирования, продовольствования и т. п., в чем молдаване отказывали русским войскам. В ответ отряды казаков совершали нападения на молдаван. Производили впечатление «непатриотизм» молдаван, их «лень», нежелание выполнять окопные работы даже за деньги. Но сравнения шли дальше: с населением в самой России, где также «не имеют понятия о патриотизме». Даже украинское население враждебно относилось к русской армии. Крестьяне «обдирали» солдат при продаже им продуктов питания. Солдаты считали даже поляков более дружественными, чем украинцы, которые порою проявляли прямую ненависть, «только и говоря, чтобы вас холера забрала, да чтоб германская пуля убила. Вот какие они...» – жаловались солдаты в письмах [73 л. 466; 74 л. 33 об.–34, 529 об.; 70 л. 318, 361, 407 об.; 75 л. 474 об., 514–514 об.; 60 л. 284 об.].

Самое негативное впечатление вынесли русские солдаты от населения и армии Румынии, которых первоначально рассматривали как ближайших союзников и на которых возлагали большие надежды, бывшие особенно радужными после тяжелых летних

боев 1916 г. [76]. В русской армии считали необходимым помочь румынскому населению, полагая получить у него благодарность за освобождение его территории от противника. Румынский эпизод войны, кажется, давал русской армии то ощущение полезности, нужности, необходимости воевать за «други своя», за союзника, наконец, за православный народ, что недостаточно ощущалось в течение почти всей войны. Тем больше было разочарований от общения с румынским населением. Солдаты сообщали в письмах, что «Румыния – подлая страна», «народ плохой, скупой и невинственный», «население русских не любит», относятся к русским войскам недоброжелательно, косо посматривают на нашего брата». Иногда русские войска подвергались оскорблению, «потому что мы не умеем говорить на французском языке, так как там он очень распространен». Солдаты жаловались, «что румыны обирают их немилосердно при расчете румынскими деньгами, наживая на курсе огромные деньги, в халупы к себе русских не пускают и румынские власти этому покровительствуют, поэтому приходится жить или в палатках или землянках; вообще встречают русские войска не гостеприимно, боятся их, запираются по хатам». Иногда споры с румынскими жителями принимали принципиальный характер. На слова, что румыны «трусы», жители возражали, что «русские привыкли воевать и мира не хотят» [77 л. 256; 78 л. 335; 48 л. 635; 70 л. 107 об., 227–227 об., 313, 317, 385 об.; 71 л. 2 об., 8, 133]. Русские военные ожидали постоянных нападений от румын, в результате чего на стоянках в румынских селениях приходилось ходить с револьвером. Солдаты полагали, что «даже у Австрии люди гораздо лучше, хотя они наши неприятели, а румыны наши союзники, хуже, чем неприятель, как звери». Сообщали, что раненные и больные массаами бегут из румынских лазаретов, где за ними нет никакого ухода, и разным способом пробирались в Австрию, где являлись в лазареты. Солдаты делали вывод, что среди румын больше германофилов, по сравнению с Галицией, где «с народом было лучше, несмотря на то, что там все русины или униаты или поляки, но они к нам относились хорошо и сочувственно, здесь же одной веры с нами, но по духу германофилы. Духовенство их также враждебно, как и народ...». «Румыны... все плуты и жулики невероятные, это не государство, а одно недоразумение», – делали вывод солдаты: «жаль, что приходим сюда не врагами» [70 л. 318, 361–362; 71 л. 9, 56, 62, 257].

Враждебное отношение к русской армии усугублялось и многочисленными случаями бытового неустройства в Румынии. Солдаты чувствовали себя совершенно оторванными, отрезанными от

остального мира, не получали ни писем, ни газет, жаловались на нехватку продовольствия, что в Румынии ничего нет, «кроме соломы и кукурузы». По сообщениям солдат, не было даже чистой воды, пили с луж, в результате чего «развелась холера». Голод, жажда были обострены также огромными переходами в стране, где не были развиты железные дороги. К декабрю 1916 г. ситуация на Румынском фронте повторила худшие моменты Юго-Западного фронта: холод, голод, отсутствие хлеба, стойкий противник (болгары), отсутствие укреплений, нехватка дров, во всем недостаток, при этом сильные бои и враждебность населения [70 л. 239, 283, 326; 71 л. 2 об.–3, 9, 10, 55, 56, 62, 135].

Время нахождения русской армии в Румынии, Галиции, Западной Украине имело особое значение в целом в военном опыте на Русском фронте. Если горы Карпат, пропасти являлись пространственным, ландшафтным ощущением отрезанности комбатанта от остального мира, то дальность западных окраин являлась географическим ощущением оторванности от родины. Это ставило остро вопросы смысла военных действий на чужой территории. Именно отсюда расходились представления по всей армии, что «надоело шляться по чужой земле», находиться «под неволей». Ставился вопрос о смысле войны за территорию, неорганизованную и враждебную солдату. И здесь было недалеко до распространения таких же понятий: смысла борьбы за собственно Россию, столь же неорганизованную и столь же враждебную русскому солдату. Как и в России, в Румынии нечего было купить, «страшно обижают один другого, а слагают все на правительство», процветала спекуляция: «Который раньше имел халупку, то теперь построит палац» [70 л. 318, 389; 71 л. 19, 62, 293]. При этом солдаты, армия не в состоянии были избавиться от негативных аспектов такой повседневности общения с населением, поскольку в стране не действовали законы России. Событийность не могла непосредственно сменить тягостную повседневность. Преодоление тягостного существования на чужбине, столь напоминающей своими недостатками родину, мыслилось в перспективе и переносилось на весь уклад государственной и общественной жизни страны-союзницы, а от нее – к подобным проблемам самой России. Тем самым являлась возможность преодоления враждебной, тягостной в целом для солдата фронтовой повседневности, избавления от которой они видели в коренном событии – уходе с войны, начале социально-политических преобразований.

Литература

1. *Сеняевская Е.С., Сеняевский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 421 с. (Historia Russica)
2. *Кринко Е.Ф.* Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 329–44.
3. *Сеняевская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
4. *Cowen D., Gilbert E.* The Politics of War, Citizenship, Territory // War, Citizenship, territory / Ed. by D. Cowen, E. Gilbert. New York; London: Routledge; Taylor & Francis Group, 2008. P. 1–32.
5. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28.
7. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 97.
8. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 279.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 227.
10. РГВИА. Ф. 2110. Оп. 6. Д. 49.
11. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 699.
12. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869.
13. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 350.
14. *Астахов А.Б.* Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия // Первая мировая война: взгляд спустя столетие, 1915 год: доклады и выступления участников V Межд. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 298–309.
15. *Макшеев Ф.А.* Военное хозяйство: Курс Интендантской академии. Ч. 3: Снабжения в военное время. Пг.: Тип П. Усова, 1915. 592 с.
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2312.
17. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 34.
18. РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 588.
19. РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 402.
20. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544.
21. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 303.
22. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 31.
23. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 41.
24. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 110.
25. *Ляховъ М.Н.* По Галіціи, три года назад. Казань, 1917. 42 с.
26. РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 301.

27. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 82.
28. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 32.
29. РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Л. 402.
30. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 263.
31. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40.
32. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 45.
33. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13.
34. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12.
35. Распределение беженцев по полу, возрасту и национальности // Известия комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 5. С. 1–12.
36. Помощь детям-беженцам на фронте: Отчет о заседаниях Совещания по вопросам призрения детей в связи с войной // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 29–30. С. 39–53.
37. *Карнаухова А.М.* Из поездки в Буковину и Галицию // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны: Сб. 1 / Изд. отдела помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта. Киев: Тип. Первой Киевской артели печатного дела, 1917. С. 56–66.
38. *Фонарева Н.* Эвакуация детей беженцев, потерявших родителей и осиротевших, из гор. Москвы // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 29–30. С. 72–80.
39. *Касаткин И.А.* Работа на Западном фронте передового врачебно-эвакуационного отряда для детей-беженцев // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 38. С. 163–169.
40. *Ярошевская Н.* Молодая поросль // Известия Всероссийского союза городов. 1916. № 27–28. С. 292–300.
41. *Лыс Р.* Очаг для детей в Кременце // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сб. 1: Издание отдела помощи населению, пострадавшему от войны. Комитет Юго-Западного фронта. Киев: Тип. Первой Киевской артели Печатного дела, 1917. С. 44–46.
42. *Лившиц С.* О работе в колонии «Детская радость» в с. Пьяне // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сборник 1-й. Издание отдела помощи населению, пострадавшему от войны. Комитет Юго-Западного фронта. Киев: Тип. Первой Киевской артели Печатного дела, 1917. С. 42–44.
43. РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 338.
44. РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 340.
45. *Пушкин Н.* Помощь детям на фронте. В районе Южной Воьлины // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сборник 1-й. Издание отдела помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта. Киев: Тип. 1-й Киевской артели печатного дела, 1917. С. 17– 21.
46. Совещание по вопросу о помощи детям 19–20 октября в Киеве // Работа по помощи населению, пострадавшему от войны. Сборник 1-й. Издание отдела

- помощи населению, пострадавшему от войны, Комитета Юго-Западного фронта. Киев: Тип. 1-й Киевской артели печатного дела, 1917. С. 76–92.
47. *Астахов А.Б.* Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны // Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов / Сост. Г.В. Макаревич. М.; Тверь: Научная книга, 2008. С. 101–113. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 1.)
 48. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935.
 49. *Войтоволский Л.* По следам войны: Походные записки. Л.: ГИЗ, 1927. Т. 2. 284 с.
 50. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 553.
 51. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932.
 52. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845.
 53. Борьба с детской проституцией в Петрограде: Доклад Петроградского детского суда. Пг. [Б. и.], 1916. 8 с.
 54. *Войтоволский Л.* По следам войны: Походные записки: В 2 т. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. 1. 344 с.
 55. *Федорченко С.З.* Народ на войне. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
 56. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1611. Оп. 1. Д. 50.
 57. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505.
 58. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181.
 59. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184.
 60. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1673.
 61. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53.
 62. Труды внеочередного Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Пг., 14–18 апреля 1916 г). Отд. I–III / Общ-во русских врачей в память Н.И. Пирогова. М.: Типо-литография Рихтер, 1917. [216] с.
 63. Врачебная газета. 1917. № 21.
 64. Врачебная газета. 1917. № 31.
 65. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1217.
 66. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 51.
 67. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1179.
 68. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561.
 69. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784.
 70. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937.
 71. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863.
 72. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1672.
 73. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931.
 74. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934.
 75. РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671.

76. Сенявская Е.С. Румыния в мировых войнах XX века // Обозреватель–Observer. 2010. № 2 (241). С. 116–118.
77. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486.
78. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904.

References

1. Senyavskaya ES., Senyavsky AS., Zhukova LV. Man and front-line everyday life in the wars of Russia of the twentieth century: essays on military anthropology. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences: Center for Humanitarian Initiatives Publ.; 2017. 421 p. (Historia Russica) (In Russ.)
2. Krinko E. Occupants and population during the Great Patriotic War: problems of mutual perception. V: Senyavskaya ES., ed. *Military-historical anthropology*: Yearbook, 2003/2004: New scientific directions. M.: ROSSPEN Publ.; 2005. p. 329-44. (In Russ.)
3. Senyavskaya ES. Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: Evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2006. 288 p. (In Russ.)
4. Cowen D., Gilbert E. The Politics of War, Citizenship, Territory. V: Cowen D., Gilbert E. *War, Citizenship, territory*. London: Routledge Publ.; Taylor & Francis Group Publ.; 2008. p. 1-32.
5. Western outskirts of the Russian Empire. Moscow: New Literary Odsverer Publ.; 2006. 608 p. (In Russ.)
6. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 15. Delo 97. (In Russ.)
7. Russian State Military Historical Archive. Fond 1932. Opis' 1. Delo 28. (In Russ.)
8. Russian State Military Historical Archive. Fond 1932. Opis' 2. Delo 279. (In Russ.)
9. State Archives of the Russian Federation. Fond 215. Opis' 1. Delo 227. (In Russ.)
10. Russian State Military Historical Archive. Fond 2110. Opis' 6. Delo 49. (In Russ.)
11. State Archives of the Russian Federation. Fond 215. Opis' 1. Delo 699. (In Russ.)
12. Russian State Military Historical Archive. Fond 2003. Opis' 1. Delo 1869. (In Russ.)
13. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 350. (In Russ.)
14. Astashov AB. Russian army and population: requisition in 1915 and social consequences. V: *The First World War: a century later, in 1915: reports and speeches of participants V Int. scientific-practical. conf.* Moscow: MNEPU Publ.; 2016. p. 298-309. (In Russ.)
15. Maksheev FA. The military economy. Course Intendant Academy. Part 3: Supplies in wartime. Petrograd: Tipografiya P. Usova Publ.; 1915. 592 p. (In Russ.)
16. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis' 1. Delo 2312. (In Russ.)
17. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 34. (In Russ.)
18. Russian State Military Historical Archive. Fond 2049. Opis' 1. Delo 588. (In Russ.)
19. Russian State Military Historical Archive. Fond 2049. Opis' 1. Delo 402. (In Russ.)

20. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis' 15. Delo 544. (In Russ.)
21. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 303. (In Russ.)
22. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 31. (In Russ.)
23. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 41. (In Russ.)
24. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 110. (In Russ.)
25. Lyakhov MN. By Galicia, three years ago. Kazan', 1917. 42 p. (In Russ.)
26. Russian State Military Historical Archive. Fond 2068. Opis' 1. Delo 301. (In Russ.)
27. Russian State Military Historical Archive. Fond 1932. Opis' 12. Delo 82. (In Russ.)
28. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 32. (In Russ.)
29. Russian State Military Historical Archive. Fond 2049. Opis' 1. Delo 402. (In Russ.)
30. State Archives of the Russian Federation. Fond 215. Opis' 1. Delo 263. (In Russ.)
31. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 40. (In Russ.)
32. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 45. (In Russ.)
33. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 13. (In Russ.)
34. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis' 1. Delo 12. (In Russ.)
35. Distribution of refugees by sex, age and nationality. V: *News of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna*. 1916;5:1-12. (In Russ.)
36. Assistance to refugee children at the front. Report on the meetings of the Meeting on the issues of children's charity in connection with the war. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916;29-30:39-53. (In Russ.)
37. Karnaukhova AM. From a trip to Bukovina and Galicia. V: *Work to help the population affected by the war*: Col. 1. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 56-66. (In Russ.)
38. Fonareva N. Evacuation of children of refugees who lost parents and orphaned, from the mountains. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916;29-30:72-80. (In Russ.)
39. Kasatkin IA. Work on the Western Front of the advanced medical evacuation detachment for refugee children. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916;38: 163-69. (In Russ.)
40. Yaroshevskaya N. Young growth. V: *News of the All-Russia Union of Cities*. 1916; 27-28:292-300. (In Russ.)
41. Lys R. Ochag for children in Kremenets. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 44-6. (In Russ.)
42. Livshits S. About work in the colony "Children's Joy" in the village P'yana. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 42-4. (In Russ.)
43. Russian State Military Historical Archive. Fond 13273. Opis' 1. Delo 338. (In Russ.)
44. Russian State Military Historical Archive. Fond 13273. Opis' 1. Delo 340. (In Russ.)

45. Pushkin N. Helping children at the front. In the region of South Volhynia. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 17-21. (In Russ.)
46. Meeting on the issue of assistance to children October 19–20 in Kiev. V: *Work to help the people affected by the war*. Col. 1: Publication of the Department of Assistance to the population affected by the war. Committee of the South-Western Front. Kiev: Tipografiya Pervoi Kievskoi arteli Pechatnogo dela Publ.; 1917. p. 76-92. (In Russ.)
47. Astashov AB. Children go to war: from the history of the “child issue” in Russia during the First World War. V: Makarevich G.V., comp. *Kakoreia: From the history of childhood in Russia and other countries: Collection of articles and materials*. Moscow; Tver’: Nauchnaya kniga Publ.; 2008. p. 101-13. (Proceedings of the seminar of the RSUH “Culture of childhood: norms, values, practices”; no. 1) (In Russ.)
48. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis’ 1. Delo 2935. (In Russ.)
49. Voitolovsky L. In the wake of the war. Marriage notes. Leningrad: GIZ Publ.; 1927. Vol. 2. 284 p. (In Russ.)
50. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 2. Delo 553. (In Russ.)
51. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis’ 1. Delo 2932. (In Russ.)
52. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis’ 1. Delo 3845. (In Russ.)
53. The fight against child prostitution in Petrograd: Report of the Petrograd Children’s Court. Petrograd: 1916. 8 p. (In Russ.)
54. Voitolovsky L. In the wake of the war. Marriage notes. 2 vols. Moscow: Leningrad: Gosizdat Publ.; 1928. Vol. 1. 344 p. (In Russ.)
55. Fedorchenko SZ. The people are at war. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ.; 1990. 400 p. (In Russ.)
56. The Russian State Archive of Literature and Arts. Fond 1611. Opis’ 1. Delo 50. (In Russ.)
57. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis’ 15. Delo 505. (In Russ.)
58. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 1. Delo 1181. (In Russ.)
59. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 1. Delo 1184. (In Russ.)
60. Russian State Military Historical Archive. Fond 2139. Opis’ 1. Delo 1673. (In Russ.)
61. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis’ 1. Delo 53. (In Russ.)
62. Proceedings of the extraordinary Pirogov congress on medical and sanitary issues in connection with the present-day conditions (Petrograd, Apr. 14–18, 1916). Otdel 1–3. Publication of the Society of Russian Doctors in memory of N.I. Pirogov. Moscow: Tipo-litografiya Rikhter Publ.; 1917. [216] p. (In Russ.)
63. The medical newspaper. 1917. № 21. (In Russ.)
64. The medical newspaper. 1917. № 31. (In Russ.)
65. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis’ 3. Delo 1217. (In Russ.)
66. Russian State Military Historical Archive. Fond 2005. Opis’ 1. Delo 51. (In Russ.)
67. Russian State Military Historical Archive. Fond 2031. Opis’ 1. Delo 1179. (In Russ.)

68. Russian State Military Historical Archive. Fond 2000. Opis' 15. Delo 561. (In Russ.)
69. Russian State Military Historical Archive. Fond 2003. Opis' 2. Delo 784. (In Russ.)
70. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 2937. (In Russ.)
71. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 3863. (In Russ.)
72. Russian State Military Historical Archive. Fond 2139. Opis' 1. Delo 1672. (In Russ.)
73. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 2931. (In Russ.)
74. Russian State Military Historical Archive. Fond 2067. Opis' 1. Delo 2934. (In Russ.)
75. Russian State Military Historical Archive. Fond 2139. Opis' 1. Delo 1671. (In Russ.)
76. Senyavskaya ES. Romania in the world wars of the 20th century. *Обозреватель–Observer*. 2010;2(241):116-18. (In Russ.)
77. Russian State Military Historical Archive. Fond 2003. Opis' 1. Delo 1486. (In Russ.)
78. Russian State Military Historical Archive. Fond 2048. Opis' 1. Delo 904. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; astashsh@yandex.ru

Information about the author

Aleksander B. Astashov, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; astashsh@yandex.ru

УДК 930.85(470)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-106-120

«Вольнодумство»
в первые годы Советской власти

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен «вольнодумства» в первые годы Советской власти, когда большая часть модернистской общественности вынуждена была согласиться с тем, что произошла смена власти. Модернистам следует принять «диктатуру пролетариата» так, чтобы сохранить себя – и не раствориться в новой и чужой среде. Вольнодумство – ответ на большевистский переворот, оно предполагало, что радикальные изменения коснулись только внешних форм – самой цивилизации, но в области культуры возможна полная автономия личности с ее художественными и философскими предпочтениями.

Ключевые слова: модернизм, диктатура пролетариата, Вольная философская ассоциация, Сергей Есенин, Александр Блок, цивилизация, культура

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Вольнодумство» в первые годы Советской власти // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 106–120. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-106-120

Free-thinking (vol'nodumstvo) in the first years of Soviet power

Andrey L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of “freethinking” in the early years of Soviet power, when most of the modern society was forced to agree that there was a change of power. Modernists should adopt the “dictatorship of the proletariat” in such a way as to preserve themselves – and not to dissolve in a new and alien environment. Free-thinking is the answer to the Bolshevik coup, it presupposed that radical changes affected only the external forms-civilization itself, but in the field of culture, complete autonomy of the individual with its artistic and philosophical preferences is possible.

Keywords: modernism, dictatorship of the proletariat, Free Philosophical Association, Sergei Yesenin, Alexander Block, civilization, culture

For citation: Iurganov AL. Free-thinking (vol'nodumstvo) in the first years of Soviet power. *RSUH/ RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;6(39):106-20. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-106-120

Скифский манифест

Как реагировала модернистская общественность на победу пролетариата, большевиков, на смену власти? Какие приоритеты теперь оказывались важнейшими? Очевидно, что «вольнодумство» неслучайно стало общим маркирующим обозначением прав личности на свободу мысли в новых условиях.

Наиболее ранний памятник вольнодумства, возникший еще до октябрьского переворота, – «Скифский манифест», составленный в июне-июле 1917 г. теми, кто чуть позже создаст Вольную философскую Ассоциацию (Вольфилу). Были опубликованы два выпуска литературного сборника под названием «Скифы» (1917, 1918). С издательством «Скифы» сотрудничал Сергей Есенин, и сборник стихов «Голубень» вышел именно в этом издательстве¹.

¹ См. об отношениях Есенина со «Скифами», Ивановым-Разумником [2 с. 158–159, 166].

По мнению В. Белоуса, «без преувеличения можно сказать, что “скифов” сблизил самые разнообразные мировоззренческие интенции: имманентный субъективизм Иванова-Разумника, символизм А. Блока, антропософские искания Андрея Белого, мифотворчество А. Ремизова, философия “беспочвенничества» Л. Шестова, “жизнетворчество” М. Пришвина, “иннормизм” Конст. Эрберга. Соответственно и Вольфила состоялась главным образом потому, что каждый из тех, кто принял участие в ее организации и ее работе, был носителем своей собственной философии, каждый ориентировался на максимально высокую индивидуальную духовную и творческую планку. Это обстоятельство, возможно, и дало основания Иванову-Разумнику назвать общий принцип, который объединил всех его коллег и друзей, – духовный максимализм» [1 с. 18].

Если судить по черновику «Скифского манифеста», то духовный максимализм² был проявлением культа личности в эстетическом, революционном, максимально одухотворенном творчестве³.

Прежний культ Красоты, столь волновавший читателей «Вопросов Жизни» (1905), вновь противостоял, но теперь не позитивизму, а ограниченности не дерзающей, не вольной, но мещанской, противостоял реформистской Правде, ищущей только Справедливость, но не Правду-Красоту в духовной революции: «...в разрушении и творчестве – он (скиф. – А. Ю.) не ищет другого творца, кроме собственной руки – руки человека, вольного и дерзающего. Вольного и дерзающего. Ибо нет, в каноне его жизни, ни скопческих запретов клириков единоспасающей Правды-Истины, ни втройне лицемерных запретов политиков Правды-Справедливости. Ничего – кроме Жизни, кроме Правды-Красоты, изначальной, истинной, и Справедливость и Истину определяющей Правды» [2 с. 20].

² «Скифство» не имело стройной философской системы, тем не менее оно выработало свое культурное видение, формулу революционного преобразования современности, указывающую путь в утопическое будущее. «Скифство» разрабатывало три основные темы: 1) варварский максимализм; 2) русское национальное самосознание и 3) место России между Востоком и Западом» (*Хоффман С.* Есть ли место «скифским» мотивам в современном идеологическом спектре? [3 с. 129]).

³ «Собравшиеся в Вольфиле “критически мыслящие личности”, вопреки неблагоприятным обстоятельствам, пытались строить свои философские системы, отталкиваясь от “я” как единственно реальной антропологической данности – своеобразного центра мира, наделенного самосознанием и волей» [1 с. 159].

Суть духовного максимализма⁴ – в понимании Зла как середины, плоскости, усредненности. Но если в эпоху Первой русской революции эту усредненность видели в утилитарном сознании позитивистской общественности, не желавшей признавать мистические основания Жизни, то теперь – в развитие модернистского учения о природе Зла – Иванов-Разумник говорил о залегании зла в духе всякого Компромисса, в котором виделся безликий реформизм, не желающий полного духовного преображения. Компромисс оказывался Мещанином в одежде Эллина, чтобы «бороться со Скифом». Мещанин, по природе своей бескрылый и серый, стремится к трезвости и плоскости, «ибо для него не Личность, а Деяние есть самоценность, цель и высший Судия». Компромисс губит эстетику, науку, искусство, теперь он губит мировой социализм, «покоряя его духу Компромисса». Мещанин в одежде Эллина – только маска: если ее сорвать, то все увидят мелкого и злобного врага Скифа.

Неонародничество и ницшеанство

Эта концепция Зла Иванова-Разумника была неонароднической, и именно неонародничество стало приемлемой основой для сотрудничества модернистов с новой властью. Они, вслед за Герценом, возвышали Личность как первооснову мировой революции, но не забывали и о личной ответственности перед обществом, народом. Синтез личных и общественных интересов был приоритетом. Прежним оставался модернистский мотив «переоценки ценностей», но теперь он вписывался в понимание Зла как инструмент освобождения личности от бремени реформаторства в условиях мировой революции духа: «...мещанскую самоценность действий надо заменить самоценностью личности человеческой».

Ницшеанский дух не покидал пределы русского модернизма:

Политику, право, мораль, – все надо переоценить так, как переоценивали их творцы великих этических и социальных систем. Переоценка давно сделана – вопрос в жизненном применении ее⁵.

⁴ В черновике доклада «Что такое максимализм» Андрей Белый писал: «Очерк мировоззрения максималиста: “я – мы”: создание мира, “Я” не зависит от мира, но мир от меня, однако: ответственность за себя, как за мир: *соблазн последней передержки*» [4 с. 453].

⁵ *Иванов-Разумник Р.* Испытание огнем (1914–1915) [5 с. 304].

Однако приспособление к условиям диктатуры пролетариата требовало теоретического обоснования. Далеко не все в идейном арсенале модернизма соответствовало духу большевистского переворота. Личность с ее духовными потребностями, самостийностью, необходимо было соотнести с диктатурой класса – независимость и свободу с обязательствами перед победившим в революции народом. Модернизм перестал бы существовать в одночасье, если бы признал примат диктатуры над личностью, но как объяснить «диктатуре», что не везде и не всегда она имеет преимущество перед личностью?..

Как ни странно, объяснение столь непростой головоломки было не только найдено, но даже стало общей конвенцией, по крайней мере, питерских модернистов. Едва ли не сам А. Блок первым положил начало различению того, что есть цивилизация и что есть культура. 16 ноября 1919 г. он прочитал в Вольфиле доклад «Крушение гуманизма». Нельзя сказать, что его выступление было понято всеми одинаково, скорее нет, но он изложил пессимистический взгляд на гибель европейского гуманизма, индивидуализма, и одновременно высказал оптимистическую мысль о сохранении потерянных идеалов во внутреннем мире культуры, которую творит не масса, не толпа, а личность. «Нам действительно нужно то, что относится к культуре; и нам не особенно нужно то, что относится к цивилизации» [1 с. 110].

Новая конвенция – культурное «вольнодумство»

Так был осуществлен поворот к новому модернистскому согласию признавать классовую природу событий революции в изменении внешних форм цивилизации и невозможность диктатуры пролетариата в области культуры, ибо цивилизация – это внешнее, а культура – всегда внутреннее.

21 марта 1921 г. была проведена «беседа» о пролетарской культуре. И хотя Блок и Горький по разным причинам не явились на заседание, обсуждение было очень насыщенным, количество слушателей исчислялось даже не сотнями, а тысячами.

Доклад Андрея Белого ознаменовал собой понимание культуры как свободной от всякой исторической необходимости, включая материальные потребности человека, свободной от механицизма идеологии марксизма, ибо пролетариат устремлен не к узкоклассовому господству, а к «всечеловеческой культуре» [1 с. 205].

Иванов-Разумник, склонный к формулам, уточнил мысль Белого, говоря о том, что «цивилизация – внешние формы, культура – внутреннее содержание» [1 с. 208]. Культура не может

быть классовой, классовой бывает только цивилизация. Но цивилизация тяготеет к интернационализму, а культура ищет себя в национальном.

Что же тогда есть «пролетарская культура», если пролетариат относится к сфере внешних событий цивилизации, и не может диктовать свою классовую волю в культуре?

Иванов-Разумник не отказывал пролетариату в праве когда-нибудь обрести свою культуру, но «сегодня», в текущей жизни, нет и не может быть и речи о наличии какой-либо отдельной «пролетарской культуры», ибо, как образно он выразился, «прошло всего три дня мировой истории с тех пор, как пролетариат начал себя проявлять...» [1 с. 210]. Культура – явление национальное, народное, внеклассовое.

...В “пролетарскую культуру” я не верю и таковой не знаю, так же как не знаю и “культуры буржуазной”: в пролетарскую цивилизацию я верю, и верю, что, смыв буржуазную цивилизацию прежних столетий, она построит на смывом месте нечто новое, нечто свое [1 с. 213].

Культура – «творчество всенародное», ибо «дух дышит, где хочет».

Большинство выступавших поддержали тезисы Иванова-Разумника, развивая те или иные аспекты «пролетарской культуры».

А. Мейер говорил о том, что культура – это всегда наследство, преемство, она никогда не начинается заново, и потому понятие «пролетарская культура» таит в себе противоречие. В современном виде пролетарская культура в области искусства, заметил он весьма прозорливо, «сводится к футуристическому механическому пониманию жизни» [1 с. 218].

В новой модернистской конвенции, различавшей цивилизацию и культуру, зрело сильное неприятие механического начала в понимании жизни, свойственного марксизму. Мейер говорил: «Нужно вдуматься в то противопоставление органического и механического, к которому приходит Андрей Белый» [1 с. 218–219].

Да, только органическое понимание может быть связано с чувством и с введением свободы, – кто стоит в плоскости механического представления жизни, тот совсем свободы не знает, там о свободе нет и помину, там, говоря грубо, не пахнет свободой. Поэтому переход к этой органической жизни от механической есть переход к свободе, есть, пожалуй, высвобождение человеческой свободы [1 с. 219].

Механическое (марксистское) начало в культуре стал обосновывать в своем докладе Н.Н. Пунин. Он утверждал, что новая пролетарская культура будет строиться на «основании механического понимания истории и механического понимания культурного строительства».

Пролетариат существовал всегда, и именно потому, что он существовал всегда, мы и определяем пролетариат как то человеческое, что было подавлено, было поработщено теми условными государственными формами, которые существовали с самых ранних лет исторического развития человечества [1 с. 221].

Пророческим было выступление А. Гизетти. Он увидел величайший «соблазн на пути пролетариата». Обездоленный, лишенный богатств, собственности, он «может в момент получения власти стать новым господином, новым деспотом, четвертым сословием», и «тогда личность ничего не получит в этом новом обществе, а получит только страшное чудовище – государство».

А пролетариат борется за освобождение, так что в будущем ему предстоит или стать новой какой-то буржуазией, если хотите, даже грядущим мещанином, или отдать себя на жертву и на растерзание молоху государственности, будет служакой у целого, а не у отдельного хозяина, только членом громадной механической машины, той механической культуры, которую здесь идеализировал Н.Н. Пунин, образец которой он видит в Германии. Но эта культура будущего, если она наступит, должна нам представляться не высвобождением и не радостью, и на вопрос, должна ли она быть, я бы не колеблясь ответил – если это так, с этим нужно бороться до последних сил (аплодисменты), потому что это картины такого будущего, когда страшное существо с многочисленными щупальцами, у которых ум отнял душу, у которых есть только одна техника, одно умение организации для выращивания будущего человечества, потому что это культура жестокая, бездушная, убивающая личность [1 с. 232–233].

Модернистская мысль⁶ искала гармонию между неповторимым Я и Мы пролетарского коллективизма, и находила ее в разных

⁶ 18 января 1920 г. в Вольфиле состоялось заседание, посвященное памяти А.И. Герцена (к 50-летию со дня его смерти). Наибольший интерес вызвали доклады С.А. Венгерова и А.А. Гизетти. Последний сказал, что

функциях того и другого, – «цивилизация есть тело человечества, культура – душа цивилизации» [1 с. 237] (Из доклада В.Г. Черткова). Эту мысль поддержала и Гурлянд-Ильяшева: «Цивилизация есть внешние формы, в которых проявляются внешние условия нашей жизни. Культура же – внутреннее свободное достижение, а там, где царит свобода, там возможно полное понимание и там возможно шествие вперед к вечному царству отдельных личностей и широких масс» [1 с. 245].

В сентябре 1921 г. открылось отделение Вольной философской ассоциации в Москве (в составе Совета: Г.Г. Шпет, М.П. Столяров, С.Д. Мстиславский, Я.М. Новомирский; в составе действительных членов: Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, Б.П. Вышеславцев и др.). В числе кандидатов в действительные члены Ассоциации был Сергей Есенин. Первое заседание московской Вольфилы состоялось 15 октября 1921 г., на котором был заслушан доклад Андрея Белого «Достоевский и кризис культуры».

«Ассоциация Вольнодумцев» в Москве

В московском отделении так же, как и в питерской Ассоциации, сталкивались две основные силы – модернистские, выступавшие за внутреннюю свободу культуры, и лево-футуристические, утверждавшие необходимость не духовного, но «материального творчества». Один из таких противников модернизма, Н.А. Полянский, утверждал, что «знание хочет стать творчеством, имея религию – без Бога, философию – без “духа”, науку – без “природы” и себя – без “истории”» [4 с. 223–224].

«Ассоциация Вольнодумцев» в Москве была частью общего процесса адаптации модернистов в условиях новой России⁷.

Герцен сделал главное в своей жизни – провозгласил возвышенную идею «верховой ценности реальной человеческой личности». Гармонию, по мнению Гизетти, Герцен видел через ответственность личности перед обществом, но все же личность обязательно в центре мироздания, обязательно вне диктата общества: «Герцен никогда не разочаровывался в социализме окончательно, он только боялся за него и предостерегал от превращения “общества” в идол, заслоняющий живую личность» [1 с. 145].

⁷ В ее планы деятельности, начиная с 1919 г., входило участие Сергея Есенина, а в 1921 г. поэт уехал в Берлин с удостоверением члена-сотрудника московского отделения Вольной Философской Ассоциации.

Документ о ее законном существовании был подписан А.В. Луначарским 24 сентября 1919 г.

Устав «Ассоциации Вольнодумцев» подписали так и в таком порядке: С. Есенин, Д. Марьянов, Як. Блюмкин, А. Мариенгоф, А. Сахаров, И. Старцев, М. Герасимов, Марк Криницкий, А. Силин, Колобов, В. Шершеневич, М. Ройзман.

В Уставе утверждалось, что Ассоциация «есть культурно-просветительское учреждение, ставящее себе целью духовное и экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции» [6 л. 18]. А.В. Луначарский заверил документ гербовой печатью Наркомпроса и сделал помету (24.09.1919 г.): «Подобные общества в Советской России в утверждениях не нуждаются. Во всяком случае, целям Ассоциации я сочувствую и отдельную печать разрешаю иметь»⁸.

По воспоминаниям М. Ройзмана, Есенин предложил ему написать Устав «Ассоциации Вольнодумцев», оговаривая практическую надобность организации⁹:

– Я задумал учредить литературное общество, – сказал Есенин, – и хочу привлечь тебя. Он дал мне напечатанную бумагу. Читай!

Это был устав «Ассоциации вольнодумцев в Москве». Там было сказано: «Ассоциация» ставит целью духовно-экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции и ведущих самое широкое распространение искусства путем устного и печатного слова». Действительными членами «Ассоциации» могли быть мыслители, художники, как-то: поэты, беллетристы, композиторы, режиссеры театра, живописцы и скульпторы...

– Прочитай и подписывай! – заявил Есенин.

– Сергей Александрович! – заколебался я. – Я же только-только начинаю!

⁸ Подлинник хранится в личном фонде М. Ройзмана [6 л. 23]. В документах полное название Ассоциации звучало так: «Промысловое Кооперативное Товарищество под названием «Ассоциация Вольнодумцев»» [6 л. 18].

⁹ «...Т-во имеет целью: издательскую и клубную деятельность. Т-во пользуется всеми правами юридического лица, в частности, можно с соблюдением узаконений приобретать, закладывать и отчуждать движимое имущество и строения, арендовать помещения и предприятия, составлять капиталы, устраивать мастерские, заводы, склады, приобретать орудия производства и материалы» – говорилось в *типовом* Уставе промышленной кооперации, согласно которому можно было заниматься настоящей предпринимательской деятельностью [6. Л. 18].

– Подписывай! – Он наклонился и, понизив голос, добавил: – Вопрос идет об издательстве, журнале, литературном кафе... [7 с. 31–32].

В распоряжении имажинистов находилось несколько издательств, две книжные лавки, кафе «Стойло Пегаса» (на Тверской, дом 37).

20 февраля 1920 г. состоялось первое заседание «Ассоциации вольнодумцев»: Есенин был выбран председателем, Ройзман – секретарем¹⁰. Ассоциация вольнодумцев планировала выпускать сугубо литературный альманах («Гостиница для путешественников в прекрасном») и толстый журнал «Вольнодумец».

Вопрос о типографии для журналов, о бумаге, о гонорарах для сотрудников решили обсудить на ближайшем заседании. Тут же были утверждены членами «Ассоциации», по предложению Есенина, скульптор С.Т. Коненков, режиссер В.Э. Мейерхольд; по предложению Мариенгофа – режиссер А. Таиров; Шершеневич пытался провести в члены «Ассоциации» артиста Камерного театра О., читавшего стихи имажинистов, но его кандидатуру отклонили... «Ассоциация Вольнодумцев в Москве» поквартально отчитывалась перед культотделом Московского Совета и перед Мосфинотделом. Под маркой «Ассоциации» в столице и в провинциальных городах проводились литературные вечера, главным образом, поэтов, а также лекции (В. Шершеневич, Марк Криницкий и др.). В 1920–1921 гг. «Ассоциация» устроила несколько вечеров в пользу комиссии помощи голодающим [7 с. 38].

¹⁰ Немногочисленные хозяйственные документы Ассоциации отложились в личном фонде М. Ройзмана [6 л. 21–25]. Сохранился документ, свидетельствующий о том, что Ассоциация занималась и благотворительностью. 7 октября 1924 г. из административного отдела Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов было направлено письмо тов. Кудряшову (МК РКП(б)), в котором говорилось, в частности: «Ассоциация вольнодумцев, гр. Ройзман, обратился ко мне с просьбой указать ему, каким образом они могут давать до 100 обедов в день по дешевым ценам для нуждающихся. Мне кажется, что наши студенты нуждаются в этом и поэтому я посылаю его для переговоров к Вам» [6 л. 25]. Здесь же сохранилась рекомендация А.В. Луначарского (от 2 января 1924 г.) на отдельном листке (но без печати): «Ассоциация Вольнодумцев, членами которой состоят поэты и художники, руководимые Ивневым, Мариенгофом, Коненковым и др., мне известна как организация ведущая культурно-просветительскую общественно-полезную работу; поэтому прошу оказывать в ее деятельности возможную поддержку и содействие» [6 л. 20].

Если альманах «Гостиница для путешественников в прекрасном» (под общим руководством А. Мариенгофа) увидел свет в четырех номерах, то журнал «Вольнодумец», который взялся курировать Есенин, так и не был отпечатан.

Альманах «Вольнодумец» и Сергей Есенин

«Вольнодумец» стал для поэта и тяжелой ношей, и знаком судьбы. Известным всей стране и одновременно одиноким, желавшим собрать лучшие литературные силы и не умевшим толком ничего организовать, – таким вольнодумцем был сам поэт. Технически издать журнал было нетрудно, но сделать этого он уже не мог...

Зимой 1924 г. М. Ройзман встретил поэта на углу Брюсовского переулка: «...он был в своей знаменитой шубе с бобровым воротником, в шапке с черной плюшевой тульей, опоясанной полоской такого же меха с сединой. Он уже хлопотал об издании журнала “Вольнодумец” и рассказал о своих хождениях по мукам» [7 с. 211].

В апреле 1924 г. между ними состоялся разговор на эту тему.

– Хорошие стихи, а напечатаны в подборку, – произнес с досадой Есенин, захлопывая сборник. Такого безобразия в «Вольнодумце» не будет! Я спросил, дано ли разрешение на издание «Вольнодумца». Он ответил, что теперь это его меньше всего волнует. Он подбирает основных сотрудников журнала, для чего встречается с многими писателями и поэтами. По его планам, в «Вольнодумце» будут участвовать *не связанные ни с какими группами литераторы. Они должны вольно думать!* (курсив мой. – А. Ю.) Он хотел печатать в «Вольнодумце» прозу и поэзию самого высокого мастерства, чтобы журнал поднялся на три головы выше «Красной нови» и стал образцом для толстых журналов. Конечно, в «Вольнодумце» обязательно будут помещаться произведения молодых авторов, только с большим отбором и с условием, если у них есть что-нибудь за душой. Он говорил о журнале, то вскакивая с кресла, то снова опускаясь на него. Он распределял в «Вольнодумце» материал, сдавал его в типографию, корректировал, беседовал с директором Госиздата, договаривался о распространении издания. Иванов напомнил ему об отделе «Вольные думы», где должны помещаться статьи и письма критиков, читателей, авторов. Есенин привел воображаемый пример: вот на страницах журнала напечатана вещь, вот вокруг нее в отделе поднялась драка: одни хвалят, другие ругают, третьи – ни то ни се! Но перья скрипят, интерес подогревается. Редакция, автор, критик читают и на ус наматывают. Я спросил, кто

намечен в сотрудники «Вольнодумца». Сергей сказал, что для прозы у него есть три кита: Иванов, Пильняк, Леонов. Для поэзии старая гвардия: Брюсов, Белый, Блок – посмертно. Еще Городецкий, Клюев.

– А новая гвардия?

– Будет! Надо договориться впрок!

Есенин хотел издавать журнал, который бы собирал вокруг себя литераторов. Однако писатели и поэты уже насколько разошлись в своем понимании задач художественной литературы, что объединить всех, и попутчиков, и не попутчиков, уже было невозможно...

При издании своих воспоминаний о Есенине М.Д. Ройзман некоторые свои суждения не обнародовал. То ли это был результат внешней цензуры, то ли он сам так решил – неизвестно. Сравнение текстов, опубликованного и рукописного, показывает, что были опущены его объяснения того, почему «Вольнодумец» не состоялся. Не были опубликованы и другие детали, которые, скорее всего, показались ему не слишком уж важными, а между тем они привлекают наше внимание.

В рукописи книги, в главе, посвященной «Вольнодумцу», читаем: «Захаживал Сергей и к Либединскому, но мне не пришлось поговорить с Юрием Николаевичем на интересующую меня тему, *не удалось* (зачеркнуто в тексте. – А. Ю.)» [8 л. 36]. Обращение к одному из самых ярких деятелей пролеткультовского направления в литературе было связано, скорее всего, с идеей поэта об объединении литературных сил, пусть и очень разных¹¹.

О причине провала «Вольнодумца» Ройзман написал с откровенной характеристикой «болезненного состояния» Сергея Есенина (возможно, по этой причине фрагмент и не был опубликован):

После слов в книге – «Ради того чтобы работать в полную силу, он подолгу жил вне Москвы и, естественно, не мог заниматься подготовкой журнала!» – следовал такой, не вошедший в книгу, текст:

Поэтому он не сумел подготовить нужных ему литераторов к разговору об их участии в «Вольнодумце». Да и сами они усомнились бы в начинании Есенина, потому что его болезненное состояние значительно ухудшилось: если в 1919 году он хотел вести за собой

¹¹ Сергею Есенину принадлежат такие слова (1919): «...все эти пролеткульты есть те же самые по старому образцу розги человеческого творчества» [2 с. 207].

советскую литературу, то теперь понимал *чувствовал* (зачеркнуто в тексте. – А. Ю.), что не в состоянии это сделать [8 л. 36].

Возможно, этот фрагмент не был опубликован еще и потому, что чуть выше говорилось о том, что в 1924–1925 гг. у Есенина было «время самой плодотворной творческой работы», и сам поэт заявлял: «Наступила моя пора Болдинской осени!»

Неизвестное науке свидетельство Ройзмана подтверждает, что Есенин мог покончить с собой из-за психологической депрессии, колебания его настроений могли сыграть роковую роль в его судьбе.

Ройзман писал:

Не будь ссоры между Есениным и Мариенгофом, «Вольнодумец» давно бы выходил под весьма подходящей для него маркой «Ассоциации вольнодумцев». А если бы Сергей и редактировал этот журнал, он бы, как не раз говорил, «делал большую литературу». Естественно, эта неосуществленная мечта заставила бы его резко изменить образ своей жизни. Конечно, руководя любимым «Вольнодумцем», никогда бы он не поехал в Ленинград, чтобы редактировать другой журнал, никогда не попал бы в проклятый «Англетер» [7 с. 250].

В конце 1923 г., когда Сергей Есенин собирался организовать группу крестьянских поэтов, состоялся разговор в «Стойле Пегаса» между Есениным и Михаилом Герасимовым, основателем литературного объединения «Кузница». Третьим в разговоре был М. Ройзман.

...Герасимов сказал:

– Зря ты все это затеял. Сам говорил, что ты не крестьянский поэт. А теперь, после «Москвы кабацкой», стал крестьянином? Да и грешки твои помнят.

– Это какие же?

– Писал стихи о царе.

– Я писал о царевнах. Они были попечительницами лазарета в Царском Селе. Я написал о раненых, а о царевнах две строчки. Начальник лазарета полковник Ломан велел о царевнах написать, как следует. А то пообещал отправить меня в дисциплинарный батальон. Прямо под немецкие пули. Вот и пришлось! А о царе – вот! – и Сергей выразительно показал кукиш.

– Тебе же за эти стихи поднесли золотые часы с цепочкой!

– Улыбнулись они мне. Так и остались в лазарете. Хотел загнать – деньги позарез нужны были...

Этот разговор был прерван приходом писателя Марка Криницкого: он должен был читать лекцию, а ее запретили. Он просил Есенина помочь. Сергей стал читать план лекции. Герасимов попросался, ушел. Мне пришлось спуститься вниз, напечатать письмо в Накромпрос и заявление на имя начальника Главлита с просьбой разрешить лекцию члену «Ассоциации» Криницкому. Есенин подписал это заявление, и Криницкий, поблагодарив его, покинул «Стойло» [7 с. 239].

Чтение лекций не было, как видно, простым и будничным. Запрещение публичной лекции в конце 1923 г. – примета времени, и такой же приметой были записочки, письма, личные связи, при помощи которых улаживались трудные ситуации со свободой слова.

Никогда бы пролетарский писатель или поэт, близкий идеям Пролеткульта, не назвал себя «вольнодумцем». Как ни относиться к радикальности (или умеренности) либеральных суждений русской интеллигенции, в недрах самого слова (вольная дума / мысль) залегало обособление Я как свободной личности от мыслей всех прочих, от всякой растворяемости личности в массе. Нередко конфликт завершался трагически, ломал человеческие судьбы. Вольнодумство в советской культуре не могло остановить процесс изъятия у личности права быть творцом в своей художественной или философской реальности. Оно было обречено на поражение, но оставило мощные следы духовного сопротивления.

Литература

1. Белоус В.Г. Вольфила [Петроградская Вольная философская ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. Кн. 1: Предыстория. Заседания. 842 с.
2. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография. М.: АСТ, 2015. 608 с.
3. Иванов-Разумник Р.В. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глаголь, 1996. 151 с.
4. Белоус В.Г. Вольфила [Петроградская Вольная философская ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров «Три квадрата», 2005. Кн. 2: Хроника. Портреты. 800 с.
5. Скифы: [Литературный сборник / Ред. Андрей Белый, Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский]: [Сб. 1–2]. Пг.: Скифы, 1917–1918. Сб. 1. 309 с.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2809. Оп. 1. Д. 161.
7. Ройзман М. Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973. 269 с.
8. РГАЛИ. Ф. 2809. Оп. 1. Д. 70.

References

1. Belous VG. Volfila [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924. M.: Modest Kolerov i “Tri kvadrata” Publ.; 2005. Book 1: Prehistory. Meetings. 842 p. (In Russ.)
2. Lekmanov O., Sverdlov M. Sergei Yesenin. Biography. Moscow: AST Publ.; 2015. 608 p. (In Russ.)
3. Ivanov-Razumnik RV. Personality. Creation. Role in culture. Sankt-Peterburg: Glagol’ Publ.; 1996. 151 p. (In Russ.)
4. Belous VG. Volfila. [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924. Vol. 2. Moscow: Modest Kolerov i “Tri kvadrata” Publ.; 2005. Book 2: Chronicle. Portraits. 800 p. (In Russ.)
5. Scythians: [Bely Andrei, Ivanov-Razumnik RV, Mstislavsky SD., editors. Literary collection.] [Coll. 1–2]. Petrograd: Skify Publ.; 1917–1918. Coll. 1. 309 p. (In Russ.)
6. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fond 2809. Opy’s 1. Delo 161. (In Russ.)
7. Roizman M. Everything that i remember about Yesenin. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.; 1973. 269 p. (In Russ.)
8. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fond 2809. Opy’s 1. Delo 70. (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrey L. Iurganov, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Iurganov@yandex.ru.

УДК 378.4(470)(091)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг.

Вадим С. Парсамов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия, vparsamov@hse.ru*

Аннотация. В центре внимания автора настоящей статьи – две проблемы: поиски большевистскими лидерами оптимальной для них модели управления российскими университетами в 1917–1921 гг. и противостояние университетских людей вмешательству большевистского правительства в жизнь высшей школы.

Ключевые слова: большевики, университет, профессора, студенты

Для цитирования: Парсамов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 121–146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

The struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921

Vadim S. Parsamov

*National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, vparsamov@hse.ru*

Abstract. In the center of the article there are two problems: the search for the Bolshevik leaders of the optimal model for the management of Russian universities in 1917–1921 and the opposition of university people to the intervention of the Bolshevik government in the life of higher education.

Keywords: Bolsheviks, university, professors, students

For citation: Parsamov VS. The struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;6(39):121-46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

Хронологически рамки исследования определяются созданием Наркомпроса в ноябре 1917 г. и принятием нового университетского устава 1921 г. Этот период может быть описан как борьба за университет между профессурой и большевистским правительством. Внешняя сторона этой борьбы с точки зрения большевиков неоднократно была описана в отечественной и зарубежной историографии, что избавляет нас от выстраивания хронологической последовательности правительственных указов и мероприятий (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7). Нас же интересует в первую очередь темпоральный аспект, выразившийся в резком размежевании «старого» и «нового» внутри университетской корпорации, когда отношения между этими категориями, утратив характер преемственности, обернулись неразрешимыми противоречиями.

Представляя свою государственную политику как нечто принципиально новое, претендующее на радикальное изменение всего человечества, большевистские лидеры вынуждены были конструировать образы «старого мира» как подлежащего отмене или уничтожению. Поскольку «новое» общество мыслилось как бесклассовое и свободное от эксплуатации человека человеком, то «старое» представлялось как «мир насилия» и лжи. Насилие объявлялось естественным результатом классового деления общества, а ложью назывались буржуазные лозунги свободы и равенства.

С точки зрения большевистских идеологов университеты в условиях классовых противоречий, с одной стороны, испытывали постоянную потребность в реформировании, а с другой, в принципе не могли быть реформированы «в сторону приближения школы к народу, в сторону превращения ее в подлинное орудие просвещения масс» (8 с. 1). Эти слова высокопоставленного чиновника Наркомпроса П.Н. Лепешинского, высказанные на Первом Всероссийском съезде по просвещению, отражают общий для нового правительства взгляд на образовательные реформы как царского, так и Временного правительства. По словам того же Лепешинского, «говорить серьезно о преобразовании школы в дореволюционное время, о постепенном улучшении школьного дела в эпоху ли так называемых “великих реформ” или в какие-нибудь иные прошлые

периоды русской истории – было бы достойно разве лишь того или иного современного Дон-Кихота русской мысли» (8 с. 2).

Таким образом «новая» университетская реформа, предпринимаемая большевиками, мыслилась ими не как продолжение реформирования высшей школы, а как ее *полное обновление*, не имеющее прецедентов в предшествующих эпохах.

Между тем за такого рода заявлениями, являющимися не более, чем идеологическими конструкциями, летом 1918 г. скрывалось всего лишь стремление большевиков взять университеты под свой контроль. Но поскольку новоявленные чиновники Наркомпроса не имели в этом вопросе соответствующего опыта, им невольно приходилось опираться на уже имеющиеся наработки Временного правительства в образовательной сфере. Весной 1918 г. была создана комиссия реформы высшего образования. В нее вошли профессора П.К. Штейнберг, М.Н. Покровский, В.А. Артемьев, М.А. Рейснер, Федоровский, Магировский (9, 10). Рейснер написал «Проект положения о российских университетах», одобренный комиссией.

Проект предусматривал самую широкую автономию и децентрализацию. Новый университет был задуман как совокупность трех свободных ассоциаций: основной, ученой и просветительской, целью которых является «разработка и распространение теоретических и прикладных наук» (11 л. 22). Университет в целом представляет собой полностью автономное учреждение. И хотя он входит в ведомство Наркомпроса, его подчиненность комиссариату ограничивается представлением ежегодных отчетов. Комиссариат со своей стороны финансирует деятельность университетских ассоциаций по представленным ими сметам, но дальнейшее распределение средств осуществляется самими университетами.

Университет имеет коллегиальное управление. Должность ректора «Положением» не предусмотрена. Вместо нее «общее управление и руководство деятельностью университета осуществляется Советом университета (или Советом университетских ассоциаций)» (11 л. 31). Этим «Проектом положения о российских университетах» группа лояльных по отношению к большевикам профессоров стремилась провести в жизнь те тенденции университетской автономии, которые были намечены еще в начале XX в. и утверждены реформами Временного правительства. Но и Временное правительство не шло так далеко в плане университетской автономии, как авторы данного положения. Разрабатывая идеи нового университетского устава летом 1917 г., академик В.И. Вернадский исходил из положения, «что университеты управляются на основах полной академической автономности и прекращают

всякое отношение к ним попечителей учебных округов». В итоге «каждый университет подчинён министру народного просвещения, но управляется на началах полной академической автономии» (12 л. 1–2).

В самом проекте «Общего устава российских государственных университетов», подготовленном в августе 1917 г., прямо говорилось, что «непосредственное управление университетов принадлежит ректору при участии в подлежащих случаях: 1) Совета; 2) правления; 3) собраний и деканов факультетов и 4) проректора» (13 л. 2). Иными словами, университет, по замыслу Временного правительства, сохранял структурное единство и принцип единоначалия, в отличие от первоначального большевистского проекта, превращавшего университет в совокупность свободных ассоциаций с коллегиальным принципом управления.

Однако революционная ситуация в стране обернула университетскую автономию против самих же университетов, обнаружив в их среде острый конфликт поколений, имеющий политическую окраску. Российские университеты, наверное, никогда не находились в таком бедственном положении, как в период своей фактической автономии в 1917–1921 гг. (6 р. 106–142, 7 р. 243–259). Дело было, разумеется, не в автономии как таковой, а в открытости университетов для политической и партийной борьбы. Лидеры кадетской партии, многие из которых были университетскими профессорами, оказавшимися у власти в марте 1917 г., и профессура, сочувствующая кадетам, добившаяся юридической автономии университетов, считали революцию для себя законченной. Однако студенчество и университетская молодежь, настроенные более радикально и сочувствующие левым партиям (эсерам и меньшевикам), продолжали вносить в университеты дух политической борьбы, вылившейся в конфликт поколений между профессорами, с одной стороны, и студенчеством и младшими преподавателями с другой. На момент захвата власти большевиками деятельность университетов фактически была парализована.

Идеи университетской автономии отчасти были скомпрометированы подобного рода поляризацией университета. Но тем не менее в глазах большинства университетских людей они сохраняли свою привлекательность особенно в сравнении с Уставом 1884 г.

Большевики сначала не покушались на университетскую автономию, но не потому, что были с ней согласны, а потому что у них не было готовой схемы управления университетами. Созданный в ноябре 1917 г. Наркомпрос рассматривал ряд альтернативных проектов университетской реформы от их закрытия до сохранения

автономии. Закрытие требовал, в частности, председатель Наркомпроса А.В. Луначарский, а на полной автономии настаивал ректор Московского университета М.А. Мензбир. Однако вопрос был не только в том, что делать с университетами, но и в том, что делать с профессорами и студентами, не признавшими в своем большинстве новую власть. Закрытие университетов автоматически ставило эти социальные группы в положение врагов и фактически парализовало всю образовательную систему в стране. Сохранение автономии открывало возможность для диалога большевистского правительства с университетскими людьми. Поэтому если идея закрытия университетов была оставлена, то вопросы их реформирования могли быть решены только при сотрудничестве большевистского правительства с лояльной по отношению к ней профессуре. Для самой же этой профессуры актуальным оставался дореволюционный опыт противопоставления университетского устава 1884 г. как старого подхода к проблеме взаимоотношения университета и государства, требовавшего подчинения первого последнему, и новой политики Временного правительства, предоставившего университетам широкую автономию. В этой перспективе противопоставления *старого* (царистского) и *нового* (революционного) подходов лояльные к большевикам профессора пытались осуществить реформу высшей школы.

Автономия не была единственной целью университетской реформы. Вторым не менее важным требованием была демократизация университетов и превращение их в открытые для всех учебные заведения. Это в свою очередь ставило вопрос о демократическом контроле за университетской деятельностью. Поэтому «Проект положения», составленный М.А. Рейсером, в целом одобренный комиссией еще до его обнародования, был дополнен в части, посвященной управлению университетом, «народным советом», осуществляющим внешний контроль над деятельностью университетских ассоциаций. В таком виде проект был разослан для предварительного обсуждения заинтересованным лицам.

Одним из первых откликнулся на этот проект К.А. Тимирязев. Его мнение было особенно важным не только в силу его авторитета как выдающегося ученого и профессора, но и как человека, принявшего Октябрьский переворот и поддержавшего большевиков. Кроме того, авторитетность его суждений подкреплялась богатым университетским опытом. Семидесятипятилетний Тимирязев за свою долгую университетскую жизнь испытал на себе действие трех университетских уставов. Он стал студентом, когда действовал еще устав 1835 г. В 1861 г. он был исключен из университета

за участие в студенческих волнениях и отказ от сотрудничества с университетской полицией, предусмотренной этим уставом. Новый либеральный устав 1863 г. не только вернул Тимирязева в университет, но и открыл перед ним возможности плодотворной научной и педагогической деятельности. Аристократ по происхождению, Тимирязев в революционную эпоху начала XX в., как и всегда, занимал крайне демократические позиции, был солидарен со студентами, протестовал, подвергался гонениям и т. д. В 1905 г. он выступал за полную университетскую автономию. В одном из ноябрьских номеров «Русских ведомостей» за 1905 г. появилась его статья «Академические свободы (Мысли вслух старого профессора)», в которой он доказывал и исторически обосновывал благотворность университетской автономии. Ссылаясь на опыт Германии и Англии, Тимирязев утверждал, что «нормальное функционирование» университетов «не мыслимо без применения широкой свободы» (5 с. 17). Пересаженные на русскую почву университеты испытали на себе все трансформации правительственной политики. В относительно либеральные периоды российские университеты, по мнению Тимирязева, еще могли выполнять свои цивилизационные задачи, «но в мрачные периоды торжества каких-нибудь Магницких или Руничей да в смутные эпохи 1848 и 1884 гг. забывались вековые предания и университеты, сохраняя свою внешнюю оболочку, утрачивали свой жизненный нерв – самоуправление» (5 с. 18). При этом автор подчеркивает, что университетское самоуправление не является «самодовлеющей целью». Оно всего лишь средство для «обеспечения одного из коренных и первичных источников свободной мысли – свободы преподавания» (5 с. 18).

Итак, если в 1905 г. Тимирязев видел основную проблему российских университетов в отсутствии самоуправления, то в 1918 г., встав на сторону большевистского правительства, на первый план выдвигает проблему демократизации высшего образования. «Проекту положения», о котором шла речь выше, Тимирязев посвятил отдельную брошюру под названием «Демократическая реформа высшей школы», увидевшую свет незадолго до июльского совещания, на котором этот проект должен был быть принят или отвергнут. «Нашему поколению, – пишет Тимирязев, – выдавшему всякие уставы – хорошие (1863 г.) и скверные (1884 г.), любопытно ознакомиться с основами первого демократического университета» (5 с. 415). Однако уже в следующей фразе автор отмежевывается от своего поколения, точнее от той «известной части нашей “интеллигенции”», в которой «один слух о демократизации университета возбудил, по-видимому, заботу о возможном ее ограничении»

(5 с. 415). К заковыченному слову «интеллигенция» Тимирязев сделал характерное примечание, в котором особый интерес представляет противопоставление этого слова слову «товарищ»: «Должен сознаться, что никогда не произносил я этого фарисейски хвастливого слова иначе как в ироническом смысле, точно так же, как никогда не произносил я слова “товарищ” в том зубоскальском, злопыхательном смысле, как это считается признаком хорошего тона в тех же “интеллигентских” кругах» (5 с. 415). Новый университет ассоциируется для Тимирязева не с его поколением старых интеллигентов, хранящих университетские традиции, а с новым социопсихологическим феноменом «товарищ», окрашенном в тона революционного бандитизма. Для самого Тимирязева речь, разумеется, идет не о признании «бандитизма» и «погромов», которые уже обрушились на университеты и все прочие учреждения старого режима, а об «интеллигентской» самокритике и стремлении увидеть в новых веяниях благотворные признаки демократизации культуры. Поэтому, если нужно, он готов пожертвовать университетским самоуправлением ради университетской демократии. Если раньше в качестве примера университетской автономии, которому должны следовать российские университеты, Тимирязев приводил Германию и Англию, то теперь европейский прообраз «Народного совета» он склонен усматривать в швейцарских университетах, «где кантональные депутаты могут, например, присутствовать на экзаменах», и «самые демократические члены кантональных советов (крестьяне) ревниво охраняют свое право контроля (особенно бюджетной части) своих университетов» (5 с. 420).

Позиция Тимирязева интересна прежде всего своей нетипичностью, которая не в последнюю очередь объясняется его многолетним жизненным опытом. Глубоко демократическая идея всеобщей доступности образования, на которой воспитывалось не одно поколение российской интеллигенции, предстала перед ним как обретение смысла всей его предшествующей жизни в науке и в университете. Всю жизнь он боролся против всевозможных ограничений, накладываемых на высшее образование и профессиональную деятельность университетских людей. При этом он никогда не обвинял только лишь власти в ущемлении и ограничении университетских прав и свобод. С себя и со своего поколения он не снимал ответственности за происходящее в университетах, которые к концу жизни называл «кучей мусора». Когда он увидел, что «товарищи» в плане демократизации образования готовы идти дальше, чем его университетские коллеги («интеллигенты») для него уже не было вопроса, чем все это обернется на практике. Он

приветствовал Ленина и большевиков в надежде на воплощение идеалов всей своей жизни. Это была оптимистическая позиция человека, лишённого будущего.

Среднее поколение профессоров было настроено гораздо менее оптимистично. Оно разделилось на три группы. Одни из них пошли на службу новой власти, заняли места в Наркомпросе и других официальных ведомствах. Эти люди хорошо были осведомлены в происходящем и свою профессиональную карьеру строили по правилам новой власти. В тот короткий период с конца 1817 до середины 1818 г., когда большевистское правительство еще не выработало окончательно свою политику относительно университетов, они пытались сформулировать ее сами и предложить властям в качестве официальной программы. Когда же большевики нашли «единственно правильное» решение, эта группа профессоров без возражений стала воплощать данное решение в жизнь.

При активном содействии этих профессоров Наркомпросу не только удалось разработать «Проект положения о российских университетах», но и провести в 1918 г. ряд совещаний по вопросам высшего образования. В апреле состоялся съезд по образованию комиссаров Московской области. Выступая на нем, Луначарский заявил, что снисхождения к университетам не будет, мотивируя это тем, что «университет, каким он был до сих пор, как учёное учреждение не существует, университет – это “фабрика дипломов”, необходимых для карьеры воспитывающихся в них будущих государственных чиновников». Новому государству нужны не люди с университетским образованием, а «техники, педагоги, доктора и др. специалисты». Если университеты и будут сохранены, то они прежде всего будут учеными учреждениями, доступными пролетариату, в которых лица будут отдавать науке все свои силы и работать для развития ее» (14 с. 12). Из этой речи ясно было только то, что никакой определенной программы, касающейся университетов, у большевиков в то время еще не было. Скорее всего, именно после этого съезда и была образована комиссия по реформе высшего образования. Подготовленный ею «Проект положения о российских университетах» обсуждался на совещании по реформе высшей школы, проходившем в Москве с 8 по 18 июля 1918 г. (11 л. 2). На совещании присутствовало около 400 профессоров, преподавателей и студентов. Сама идея автономии университетов еще не отвергалась окончательно. Вопрос заключался в последовательности этапов: сначала автономия, а затем уже реформа, или же наоборот, реформа должна предшествовать автономии. Позиция Наркомпроса, сформулированная народным

комиссаром Луначарским, была вполне определенной: «Нам говорят: предоставьте школе самой себя реформировать. На это мы отвечаем вполне сознательно и определенно: нет, мы вам этого не предоставим, так как старая школа не может сама переродиться в новые формы» (15 с. 127).

О том, как именно должны быть реформированы университеты, депутаты услышали от заместителя наркома профессора М.Н. Покровского. Среди двенадцати тезисов, содержащихся в его докладе, последнее место было отведено автономии, которая в связи с предыдущими одиннадцатью воспринималась как насмешка. «Автономные» в будущем университеты были лишены права вводить плату за обучение, обязаны были замещать кафедры исключительно на конкурсной основе, при этом профессора могли быть избраны только на краткий срок, студенты *обязательно* должны участвовать в управлении университетом, во всех вузах вводились факультеты общественных наук вместо юридического и филологического. Даже учебные планы должны были быть пересмотрены «в связи с происшедшими политическими переменами». Естественным образом напрашивался вопрос, причем здесь автономия, провозглашенная в 12-м пункте? Покровский не скрыл от участников совещания, что выдвигаемые им тезисы заимствованы «почти целиком» из университетского устава 1863 г. Это была прямая отсылка к только что вышедшей брошюре Тимирязева, где, как уже было отмечено, противопоставлялись «хорошие» уставы 1863 г. «скверным» уставам 1884 г. Апеллируя к старейшему университетскому уставу как источнику современной реформы, Покровский намеренно вычеркивал весь опыт реформирования университетов Временным правительством. В противном случае ему пришлось бы ставить университетскую автономию не на последнее место, а исходить из нее и передать дело реформы в сами университеты. Случайно ли проговорился большевистский историк, или же это было тактическим приемом? Покровский понимал, что большая часть его слушателей – профессора среднего возраста. Годы их учебы и начало преподавательской деятельности пришлись на период наибольшего ущемления университетских прав, определенное «скверным» уставом. Поэтому они естественным образом идеализировали устав периода Великих реформ. Что касается преобразований в этой сфере Временного правительства, то сопровождающая их разруха, вызванная войной и революцией, не давала возможности осознать в полной мере степень эффективности университетской автономии. Иными словами, если на признании прогрессивности устава 1863 г. сходились почти все, то университетская политика

Временного правительства, не успевшего ввести в действие новый университетский устав, получала противоречивые оценки. Поэтому апелляция Покровского к либеральному уставу 1863 г. должна была произвести в либеральной и умеренно консервативной профессорской аудитории положительный эффект, что и случилось, по воспоминаниям участника совещания А.М. Залесского. Первым Покровского поддержал профессор Н.Я. Марр, заявив, что «основные тезисы реформы... давно уже сформулированы почти в таком же виде лучшими представителями высшей школы» (15 с. 130). Его речь, по воспоминаниям очевидца, «прерывалась аплодисментами всего собрания, не исключая и членов президиума» (15 с. 130). Тем не менее вопрос об автономии продолжал обсуждаться и далее, причем активное участие в нем приняло студенчество, которое более последовательно, чем старшее поколение, отстаивало университетские свободы и требовало «передать дело реформы высшей школы в руки самой школы» (15 с. 130). Луначарский, пытаясь столкнуть между собой два университетских поколения, ответил на студенческие требования самоуправления следующей репликой: «Вы говорите, что мы хотим отнять у вас автономию, а затем дать ее снова, а мы говорим, что мы хотим отнять привилегии у профессорской корпорации, которая хочет *одна* (курсив мой. – В. П.) реформировать высшую школу» (15 с. 130).

Но и само студенчество не было единым. Наиболее политизированные московские студенты, состоящие в партиях эсеров и меньшевиков, подозревая большевиков в политическом мошенничестве, устроили на совещании «политическую демонстрацию, заявив, что реформа должна быть проведена через Учредительное собрание» (15 с. 127). Другая, менее радикальная часть, настаивала на сохранении за университетами принципов самоуправления, говорила о «недопустимости вмешательства власти в жизнь высшей школы и настаивала на необходимости сохранения в высшей школе существующего порядка» (15 с. 127). Фактически речь шла о сохранении принципов самоуправления, провозглашенных Временным правительством. Третья группа, представленная петроградским студенчеством и поддержанная представителями региональных вузов, была настроена на поиск компромисса между оппозиционным студенчеством и президиумом. «В результате было принято решение заявить от имени студенчества, что оно поддерживает необходимость реформы, которая должна быть произведена с участием представителей высшей школы, считает необходимой автономию высшей школы и признает за государственной властью право требовать от высшей школы только отчета в расходовании денежных средств» (15 с. 127).

Залесский отмечает важную деталь: «Между представителями студенчества и профессурой на совещании не образовалось живой связи. Хотя профессура приглашала представителей студенчества на свои совещания, но последние чувствовали, что их интересы в настоящий момент достаточно далеки профессуре, в значительной части занятой собственными интересами и боявшейся, что реформа может их затронуть» (15 с. 127). Принципы университетской автономии на совещании наиболее последовательно отстаивались младшим поколением, студенчеством, которое готово было ради них даже отказаться от бесплатного обучения. Профессура же заняла менее бескорыстную позицию, поставив во главу угла обсуждение сроков избрания по конкурсу. Пятилетний срок, предусмотренный Положением, казался слишком мал. Были предложения увеличить его до 10–20 лет. Луначарский прекратил эти разговоры, указав «на то, что, протестуя против краткого срока выборности профессуры, последняя защищает науку от самой себя» (15 с. 131).

Профессора столичных вузов оспаривали необходимость профессиональной мобильности, предполагающую обязательность «обмена профессурой между столицей и провинцией». Эти были поддержано и студентами, предложившими заменить профессорскую мобильность студенческой, т. е. речь шла о «предоставлении студентам права слушать лекции и работать в любом университете, как это практикуется в Германии» (15 с. 131).

Профессура настаивала не только на увеличении сроков избрания по конкурсу, но и на ограничении студенческого участия в коллегиальном управлении. Они готовы были предоставить студентам право решающего голоса «по всем вопросам, за исключением вопросов о выборе профессоров и присуждении ученых степеней». Радикально настроенная социалистическая часть студенчества требовала для себя права «отвода профессоров, которых они считают не отвечающими своему назначению». Но более лояльная правая часть студентов «совершенно отказалась от всякого участия в органах управления и от права отвода профессоров». В итоге победили левые студенты: «В принятой резолюции за студентами было признано право участия в органах управления университетами с решающим голосом по всем вопросам, кроме выбора профессоров и присуждения ученых степеней, но с правом отвода профессоров» (15 с. 131).

Ни к каким конкретным результатам Совещание не привело. Главный вопрос об автономии остался в том виде, в каком он был предложен для обсуждения: сначала реформы, потом автономия. Полностью это не устраивало никого: ни профессоров, которые не

получили никаких гарантий своего профессионального статуса, ни студентов, радеющих за будущее российских вузов, ни большевистских лидеров, не желающих в принципе иметь в стране автономные вузы.

«Проект положения» не был ни принят, ни отвергнут. Решено было его доработать и провести новое совещание в более узком составе. Однако оптимистическая перспектива диалога Наркомпроса с профессурой, о которой Луначарский говорил в конце совещания, оказалась иллюзией. Известие о екатеринбургском расстреле Николая II, восстание ижевских и воткинских рабочих, падение советской власти во многих городах восточного и юго-восточного региона в результате действий чехословацкого корпуса, наступление Деникина и т. д. – все это создавало очередную иллюзию о близком падении большевистского режима. В этих условиях профессора не спешили продолжать наметившееся в выступлении Марра сотрудничество с Наркомпросом. Новое совещание собрано не было. Вместо него с 25 августа по 4 сентября 1918 г. в Москве проходил съезд по просвещению. Вопрос о высшей школе был одним из основных. Доклады по нему делали первые лица большевистского правительства, включая Ленина. Луначарский свою речь начал с упрека профессоров в нежелании реформировать университеты: «Они заявляют, что университет есть то, чем он был, и никаких реформ быть не должно». В этом нежелании оратор увидел политическую неблагонадежность, проявление которой он связал «с некоторыми нашими неудачами на восточном фронте и с некоторыми перспективами относительно Николая Романова» (14 с. 12). От обвинений нарком перешел непосредственно к угрозам: «Это объявление войны будет принято нами, и если профессора думают, что забаррикадовавшись в своей автономии, они властны приказать – “стой, не трогай наш круг, русская революция!” , то они ошибаются» (14 с. 12).

В выступлении Ленина по широкому кругу вопросов, связанных с общим положением в стране и в области образования, в частности, были окончательно расставлены все точки. Пролетарский вождь, по словам Покровского, «не выносил и мысли о каких бы то ни было буржуазных автономиях» (16 с. 5). Громя «саботажную интеллигенцию», под которой понимались профессора и учителя, пытающиеся отстоять свое профессиональное достоинство, Ленин заявил: «...чем более культурно было буржуазное господство, тем более утонченно оно глало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом. На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржу-

азии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих. ...Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии, мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики – это ложь и лицемерие» (17 с. 40–42).

На этом вопрос об автономии российских университетов был закрыт окончательно. Непосредственно о новом подходе к реформированию университетов говорил М.Н. Покровский. Как и Луначарский, Покровский всю вину за промедление с университетской реформой переложил на профессоров, на их нежелание сотрудничать с новой властью. Он обрушился на бюрократизм российских университетов («Университеты царской России были чисто бюрократическими учреждениями. Профессора – чиновники с титулами, лентами, орденами» (18 с. 17), их оторванность от «народной массы» и т. д. Одним из принципиальных вопросов, поднятых в выступлении Покровского, была смена поколений в университетской корпорации: «Университетская карьера была чиновнической карьерой. Она зависела от произвола начальства. Профессора имели право оставлять при университете “для приготовления к профессорскому званию”. Затем будущего профессора засаживали за учебу. Я не знаю ни одного талантливого студента, который, занимаясь подготовкой к магистерскому экзамену, временно не оступел бы. При этой подготовке работала только одна память. Человек, у которого есть стремление к творчеству, не находя пищи для удовлетворения этой потребности, прямо изнемогал, поглощая сотни книг, затем профессором давалась тема диссертации. Но это не всегда встречалось одобрительно профессорами. После написания диссертации и присуждения степени магистрат становился аспирантом на кафедру, кандидатом в преподаватели. Для того чтобы получить кафедру, ему необходимо было начать хождение по профессорам, чтобы заручиться их согласием. После всех этих мытарств в достаточной степени измученный, потрепанный жизнью, всходил на кафедру *сорокалетний* (курсив мой. – В. П.) “молодой” ученый. Конечно, при этих условиях способствовать развитию науки он не мог. Самое лучшее время для профессорской деятельности от 30–45 лет – но это время уходило на делание академической карьеры» (18, с. 17).

Вся критическая часть выступления Покровского не была оригинальной. Он лишь воспроизводил ту критику, которую постоянно высказывали дореволюционные профессора в адрес собственной корпорации. Но если они были кровно заинтересованы в позитивном изменении ситуации, то высокопоставленный

чиновник Наркомпроса демагогической риторикой стремился подменить современные проблемы высшей школы, порожденные революционной разрухой, проблемами вчерашнего дня, во многом уже утратившими актуальность.

Русский профессор 1918 года – это не чиновник, украшенный «титулами, лентами, орденами», важно принимающий магистерский экзамен, а человек, влачащий полуголодное существование, не имеющий возможности прокормить свою семью, стоящий в очередях за скудным профессорским пайком без всякой уверенности его получить, одетый в поношенные вещи, зимой мерзнувший дома и в университетской аудитории, находящийся под подозрением у новой власти и постоянно ожидающий ареста. Вопросы академической жизни были отодвинуты на задний план вопросами физического выживания. В условиях голода, разрухи и террора смерть университетских преподавателей, как, впрочем, и представителей других профессий, в результате болезней, убийств и самоубийств стала почти бытовым явлением (19 с. 131–132).

Даже в этих тяжелых условиях профессора пытались отстаивать университетскую автономию. Они писали письма в Наркомпрос, в которых доказывали, что «привнесение классовых интересов может иметь пагубное влияние на общий ход университетской жизни» (20 л. 1). Луначарский назвал эти письма «объявлением войны», хотя речь шла как раз об обратном – о недопустимости политической борьбы в университетских стенах. Наиболее последовательно эту позицию отстаивали профессора Московского Высшего технического училища (МВТУ) (3 с. 3–39). Это училище испытывало на себе большее давление со стороны власти, чем другие вузы, в силу того, что большевики больше всего нуждались в инженерных профессиях и уделяли первоочередное внимание именно техническому образованию.

Записав профессоров в число саботажников и контрреволюционеров, большевики начали революционную перестройку вузов. Главным лозунгом стала демократизация высшего образования, понимаемого как формальное равенство. Отмена специальным указом всех ученых степеней и званий проблемы не решала, так как фактическая иерархия, отражающая опыт, знания и профессиональные навыки преподавателей, сохранилась. Более весомым стал указ, открывший двери в вуз для всех желающих в буквальном смысле этого слова. Единственным ограничением стала нижняя возрастная граница – 16 лет. Декрет Совета Народных Комиссаров о правилах приема в высшие учебные заведения от 6 августа 1918 г. гласил: «Каждое лицо, независимо от гражданства и пола,

достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». При этом специально оговаривалось, что «воспрещается требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения об их личности и возрасте» (21 с. 56–57). О том, какие последствия имел этот декрет, хорошо известно из мемуарных свидетельств. Например, В.Д. Зёрнов вспоминал: «В 1918 г. было объявлено, что двери университета открыты для всех трудящихся. Когда я вышел на первую лекцию, аудитория была переполнена самой разнообразной публикой, которая, конечно, и не могла, и не думала всерьез учиться в университете. Мне буквально в громадной аудитории негде было повернуться. Были заняты не только все места и все хоры, но все проходы были забиты народом. Слушатели стояли прямо перед лекционным столом и едва ли не сидели на самом столе. Об лекционных экспериментах в такой обстановке нельзя было и думать. Но наплыв публики быстро таял, и к зиме, как я уже писал, университет замерз, и лекции читались двум-трем десяткам настоящих студентов в кабинете» (22).

В университет, вероятно, из любопытства шли люди, порой не умеющие читать и писать. Разумеется, подобный контингент не мог там задержаться надолго. Но для большевиков необходимо было, сохранив высшую школу, наполнить ее лояльным себе элементом. Поскольку профессура достаточно сплоченно решила отстаивать свою независимость, и перипетии гражданской войны позволяли питать некоторые надежды, то единственным способом подчинить себе университеты было изменение студенческого корпуса (23, 24, 25, 26).

Студенчество – наиболее мобильный и быстро сменяющийся элемент университетской жизни. Смена поколений здесь происходит значительно быстрее, чем в профессорском корпусе. В условиях политической стабильности внутри студенческих корпораций складываются традиции и существует преемственность. Еще в XIX в. сложился треугольник: студенчество – профессура – государство. Когда мы говорим о взаимоотношениях государства и университета, необходимо учитывать, что здесь подразумевается два разных вида отношений: «профессора – государство» и «студенчество – государство». Разумеется, эти отношения не существуют и не могут существовать изолированно. Они неизбежно предполагают еще и отношение «профессора – студенты». Последний вид отношений имеет во многом, хотя и не исчерпывается этим, поколенческий характер. Студенты относятся к профессорам

как взрослеющие дети к своим родителям. Здесь присутствует и юношеский негативизм, и самоуверенность. Профессорам нередко даются смешные прозвища, их считают отсталыми от жизни. Рассеянный профессор, плохо ориентирующийся в современном мире, – типичная фигура студенческого фольклора. Конфликты, разъедающие университетскую корпорацию изнутри, нередко протекают на политической почве. Студенческая среда чаще всего оппозиционна и готова обвинять своих профессоров в политической реакционности и сотрудничестве с властями. С другой стороны, политический радикализм студентов, особенно в переломные эпохи, может внушать опасения профессорам. Однако эти конфликты имеют, как правило, внутренний характер и проявляются, с одной стороны, в бойкотировании лекций «одиозных» профессоров, с другой – в досрочной эксматрикуляции студентов по негативным основаниям. Но ни одна из конфликтующих сторон не заинтересована во вмешательстве государства в их конфликт.

Вместе с тем студенты очень тесно связаны с профессорами в учебной, научной и нередко повседневной жизни. Они во многом зависят от своих наставников и испытывают к ним чувства любви и благодарности. Рядом с нелюбимыми профессорами всегда существует фигура любимейшего профессора, отца, являющегося для своих питомцев демиургом науки, эталоном личной порядочности и предметом для подражания. Такие отношения между поколениями нередко выходят за пределы университетских аудиторий, и пред студентами открываются двери профессорского дома, они становятся частью повседневного быта своего наставника, и в этом случае понятие «университетская семья» перестает быть метафорой. Именно этот тип отношений лучше всего обеспечивает преемственность поколений и сохранение университетских традиций.

В революционный период между февралем и ноябрем 1917 г. внутри университета студенчество и профессора нередко были разделены политическими убеждениями. Поскольку кадетская партия (фактически партия профессоров) уже в феврале оказалась у власти, и университеты получили полную автономию плюс перспективный план развития в виде открытия множества новых высших учебных заведений, то позиция профессорского корпуса окрасилась в тона консерватизма. Радикальное студенчество не довольствовалось уже достигнутой автономией и превращало университеты в арену политической борьбы. Объединяло университетские поколения, пожалуй, только отсутствие сочувствия большевикам и уже после октябрьского переворота надежды на Учредительное собрание, которое подтвердит университетские права и свободы,

сочетая их с политическими правами и свободами в стране. Разгон Учредительного собрания и узурпация власти большевистскими лидерами естественным образом сплотили университетскую корпорацию. Студенты, которые вплоть до Октябрьского переворота образовывали наиболее радикальную среду, уже в 1918 г. оказались «справа» от большевистской власти и были отнесены ею к старому, разрушаемому ими до основания, «миру насилия». Отказ от признания «новой морали» повернул студенчество в сторону консервации традиционных для российских университетов ценностей. На этой почве студенты и профессора (за исключением тех, кто уже с первых дней перешел на службу к большевикам) объединились.

Большевики способствовали этому не только в негативном, но и в позитивном плане. В надежде привлечь на свою сторону студенчество ими и был выпущен декрет от 6 августа 1918 г., о котором шла речь выше. Следующим шагом стал декрет от 18 ноября 1918 г., вводивший студентов в состав правления университетом. Но поскольку проект заполнить университетские аудитории лояльными невеждами провалился, то в правлении университета оказались не те «студенты», которых хотели бы видеть большевики, а те, кому действительно были небезразличны судьбы университетов. Поэтому, пишет бывший студент С.П. Жаба, «большинство профессуры искренно приветствовало студенческих представителей в органах В. У. З., видя в них союзников по отстаиванию В. Школы» (24 с. 12). Дальнейшее противостояние большевикам еще больше сплотило студенчество и профессуру: «Отношения между петроградскими профессурой и студенчеством, сложившиеся на основах равноправного сотрудничества, достигли такой степени теплоты, дружественности и взаимного понимания, о каких прежде не приходилось и мечтать» (24 с. 54). Причем студенты в вопросе об автономии университета нередко занимали более последовательную позицию, чем профессора, и их голоса в университетском правлении нередко имели решающее значение.

Гражданская война, отвлекая внимание большевиков, не давала возможности им вплотную заняться университетами (27 р. 12). Поэтому фактически университеты, влачившие жалкое существование, но все-таки продолжающие занятия, пользовались автономией. Но как только военная напряженность начала спадать, большевики вновь взялись за высшую школу. Потерпев неудачу с проектом «открытого» для всех желающих университета, они придумали идею рабочих факультетов, где за два года пролетарий, не получивший никакого образования, мог бы пройти необходимую для обучения в университете подготовку.

17 сентября 1920 г. был обнародован Декрет Совнаркома о рабочих факультетах, первая статья которого заявляла: «Основной задачей рабочих факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы» (28 с. 576). В первоначальной редакции декрета эта статья имела продолжение: «...и коренное перерождение последней в полном соответствии с потребностями пролетарского государства» (20 л. 73). Как именно совершится «коренное перерождение» высшей школы, пояснил Покровский, открыв заседание временного президиума Московского государственного университета 13 ноября 1920 г. Вдохновленный победой в Гражданской войне, глава Государственного ученого совета заявил о «необходимости коренным образом реформировать университет по примеру Красной армии, т. е. используя все, что есть лучшего в старой высшей школе, построить новую». И при этом добавил: «И прежде всего покончить с так называемой автономией университета, которая представляет собою не что иное, как идеологический пережиток средневековья с его цеховым строем» (20 л. 218).

Если положение о ликвидации автономии не нуждается в комментариях, то что имел в виду Покровский под «лучшим в старой школе», необходимо пояснить. Еще два года назад, громя дореволюционные университеты, Покровский и словом не обмолвился, что в них было что-то «лучшее». С Красной армией, в общем, было все понятно. Создавая ее, Троцкий использовал опыт и знания профессиональных военных (военспецов). Оставаясь классово чуждыми пролетарскому государству, они добровольно или вынуждено воевали за его интересы. Покровский явно подразумевал аналогию между военными специалистами, мобилизованными в Красную армию, и профессорами, которых необходимо было заставить служить новому правительству. Аналогия эта будет еще очевиднее, если учесть, что Наркомпрос 21 сентября 1918 г. принял постановление «О направлении правительственных комиссаров в высшие учебные заведения» (28 с. 79). Университетский комиссар при профессуре должен был выполнять функции, аналогичные функциям комиссара Красной армии. Он имел право блокировать любые распоряжения ректоров и деканов как противоречащие политике большевистского правительства. Комиссарский надзор вызывал возмущение не только университетского руководства, но и студенчества. По воспоминаниям С.П. Жабы, «борьба с вмешательством комиссаров в дела В. Школы то и дело сопровождалась резкими конфликтами, на шумных сходках молодежь заглушала речи коммунистов бурными криками, возмещая, по мере сил, отсутствие старых ораторов» (15 с. 39).

Борьба против политики Наркомпроса не только объединяла студенчество с профессурой, но и формировала ощущение кровной связи с национальной историей. Жаба отмечал, что «горячая любовь к В. Школе и верность демократическим идеалам поддерживали петроградское студенчество в этой борьбе. Чувство глубокой привязанности к своей *Almae Matri* неизменно его воодушевляло. Никогда, в дореволюционные годы, студенчество не ощущало с такой силой свою связь с очагами русской культуры, свою ответственность за их судьбы» (24 с. 54–55). По решению Центрального общестуденческого комитета «отмечены были: день смерти Льва Толстого, Н.К. Михайловского, день восстания декабристов, 5-го и 9-го января, 1 марта и т. д.» (24 с. 26). Эти мероприятия были открытым вызовом большевикам и одновременно подчеркиванием собственной преемственности от старшего поколения революционного студенчества.

В июне 1919 г. делегация петроградского студенчества была принята в Москве Покровским, который вполне откровенно заявил, что правительство не заинтересовано в сохранении самостоятельно мыслящего и организованного студенчества. «На возражение делегатов, что приспособляются к советской власти лишь те круги студенчества, которые и в дореволюционные годы подлаживались к правительству, последовал классический ответ: “Мы знаем и приветствуем это явление. Наш главный враг – студенчество революционно-демократическое”» (24 с. 20).

Большевики начинали с чистого листа. Историческое время должно было быть запущено заново. Если их оппоненты искали себе опоры и черпали аргументы в опыте предшествующих поколений, то взоры большевистских лидеров были обращены в будущее. Им нужны были студенты, лишённые исторической памяти и ощущения собственной солидарности с предшествующими поколениями. Эту задачу и должны были выполнить рабфаки. Случайным образом анаграммированное в этой аббревиатуре слово «фабрика» не только отсылало к фабричному происхождению рабфаковца, но и как бы намекало на *фабрикацию* нового типа студента, не имеющего связей со старшим и враждебно настроенного к современному поколению студентов.

Видимо, с целью расчистить место для «нового студенчества» в начале 1920/21 уч. г. в университетах были произведены массовые аресты студентов (24 с. 36). И почти сразу начался наплыв «новых студентов» в вузы (24 с. 42–43). На студенческие скамьи в основном садились уже зрелые люди, за плечами которых были Первая мировая и Гражданская войны. Возникло противопоставление

«новое студенчество» – «старое студенчество». При этом «новое», оно же «красное» или «пролетарское», студенчество по возрасту, как правило, было старше «старого», поступавшего сразу по окончании средних учебных заведений. Различие было не только возрастным и социальным, но и культурным, что прежде всего бросалось в глаза. М.Б. Рабинович, поступивший на факультет общественных наук в 1923 г., вспоминал: «Толпа очень разная и по возрасту и по одежде. Еще встречаются студенческие тужурки, фуражки, но уже все больше косовороток, толстовок и другой “партикулярной” одежды. Постепенно, с начала 20-х годов, меняется облик студенчества. Все чаще поступают в университет новые студенты, у которых социальное положение преобладало над знаниями, образованием, культурой. Новое “пролетарское студенчество” становилось силой, оно оттесняло и вытесняло старое, меняло прежние традиции и нравы...» (29).

С одной стороны, рабфаковцы воспринимались как чужеродный элемент в университетской среде, едва ли не как вандалы, разрушающие принципы и традиции университетской жизни. Но с другой стороны, они отнюдь не представляли собой однородную массу, безусловно преданную советской власти. Последнее обстоятельство способствовало попыткам наиболее активной части «старого» студенчества привлечь рабфаковцев на свою сторону.

«Отрицательные стороны рабфакистов били в глаза, – вспоминает С.П. Жаба. – Но в то же время, было известно, что в среде их, беспартийной в своем большинстве, назревает сильное недовольство навязанной им ролью. Связанные крутой дисциплиной, слушатели рабфаков не решались протестовать открыто, и духовное освобождение их могло произойти лишь постепенно, при большем сближении со студенчеством основных факультетов, под его постоянным воздействием» (24).

Борьба за рабфаки была проиграна «старым» студенчеством. Причин здесь было несколько. Во-первых, стремительное сокращение количества «старого» студенчества, которого оказалось просто недостаточно для ассимиляции все возрастающего потока рабфаковцев. Во-вторых, если недовольство последних советской властью объяснялось в основном тяжелым материальным положением и строгой «учебной повинностью», то между пролетарским студенчеством и старой профессурой лежала культурная пропасть, препятствующая взаимопониманию. Уже к 1921 г. профессура, продолжавшая борьбу за университетские свободы, потеряла поддержку в лице «нового студенчества», для которого сами идеи университетской автономии мало что значили, если вообще были приемлемы. Самим фактом своего существования они были обя-

заны советской власти и стали одним из важнейших путей ее проникновения в университеты. Это хорошо показала борьба вокруг нового университетского устава, развернувшаяся в 1921/22 учебном году. Профессура ряда крупнейших вузов Москвы, Петрограда и Казани объявила забастовку, в которой смешивались требования политического и экономического характера. Экономический аспект должен был, по мнению профессоров, привлечь на их сторону рабфаковцев, которые не имели политических разногласий с властью. Однако студенчество, уже почти наполовину ставшее рабоче-крестьянским, отказалось участвовать в забастовках и потребовало возобновления занятий (30 с. 173–176). Внутри самой профессуры не было единства взглядов и на университетскую автономию. Идеи в автономии в новых политических условиях столкнулись с идеологией науки (31), т. е. с представлением о том, что автономия имеет подчиненный по отношению к научной деятельности характер. Ее отсутствие не должно и не может служить поводом для прекращения научной деятельности. С первых лет существования советской власти стал формироваться тип ученого, не разделяющего большевистскую идеологию, но стремящегося продолжать свою деятельность в интересах общества.

Противопоставление «старого» и «нового» в образовательной политике большевиков носило в первую очередь идеологический характер и не затрагивало проблему возрастов. Это, собственно говоря, и было одним из новшеств, внесенных большевиками в университетскую жизнь. Большевики взорвали естественный процесс возрастной смены, сопровождающей университетского человека от студенческой скамьи к профессорской кафедре. Текущий синхронно с возрастным старением процесс интеграции молодежи в университетскую корпорацию был разрушен искусственной дезинтеграцией самой университетской корпорации. В возрастном отношении «обновленный университет» представлял собой хаос, порожденный смешением идеологических и темпоральных категорий. Для замещения административной должности требовались не знания и опыт, а прежде всего лояльность к новой власти. Нередко эти должности замещались молодыми преподавателями или «пролетарскими» студентами. Нередко присылались партийные функционеры, весьма отдаленно представляющие себе, что такое университет. Но университетское пространство оказалось сильнее большевистских экспериментов, и со временем возрастная логика поколений была восстановлена. Уже в 1930-е гг., когда начался процесс реставрации университетского образования, появилась «своя» старая профессура, а студентам, удаленным от управления

университетом, было отведено место подрастающей смены. Восстановление научных степеней и званий и образование ВАК в 1934 г. ввело неофициальные, но тем не менее довольно ощутимые возрастные «нормы» для защит кандидатских и докторских диссертаций и получения званий доцента и профессора. Причем «нормы» постепенно росли вместе с возрастом руководителей государства. Стабильность политической системы требовала плавной смены университетских поколений.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The article was prepared as part of the research under the Program of Fundamental Research of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE) and using subsidies in the framework of state support for the leading universities of the Russian Federation “5-100”.

Литература

1. *Кривоноженко А.Ф.* Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 1961. № 5. С. 51–55.
2. *Оскоков К.В.* Химические факультеты и кафедры университетов России в первые годы советской власти // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 1986. № 2. С. 82–99.
3. *Смирнова Т.М.* История разработки и проведения в жизнь первого устава высшей школы // Государственное руководство высшей школы в дореволюционной России и в СССР: Сб. статей / Под ред. Н.П. Ерощкина. М.: Тип. Главархива СССР, 1979. С. 3–39.
4. *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1973. 472 с.
5. *Тимирязев К.А.* Наука и демократия: Сб. статей 1904–1919 гг. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. 500 с.
6. *David-Fox M.* The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia // East/West Education, 1997. № 2. P. 106–142.
7. *Fitzpatrick Sh.* Professors and Soviet Power // Fitzpatrick Sh. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. New York: Cornell Univ. Press, 1992. XXI, 264 с. (Studies in Soviet history and society).

8. *Лепешинский П.Н., Познер В.М.* Доклады, прочитанные на пленарном заседании 28 августа 1918 г. 1-й Всероссийский съезд по просвещению. Единая трудовая школа. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по Просвещению, 1918. 12 с.
9. Известия ВЦИК. 1918. № 71 (335). 11 апр. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 157.
10. Известия ВЦИК. 1918. № 94 (358). 14 мая.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 18. Д. 678.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 226. Ед. хр. 210.
13. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 3. Д. 242.
14. *Луначарский А.В.* Выступление на 1-м Всероссийском съезде по просвещению // Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Комиссариатом по просвещению в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919. С. 30–47.
15. *Залесский А.М.* Совещание по реформе высшей школы в июле 1918 г. В Москве: Воспоминания делегата // Труды Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина. № 190. Л., 1957. 146 с.
16. *Покровский М.Н.* Ленин и высшая школа. Л.: ГИЗ, 1924. 10 с.
17. *Ленин В.И.* Речь на 1-м Всероссийском съезде по просвещению // Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Комиссариатом по просвещению в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919.
18. *Покровский Н.М.* Речь на 1-м Всероссийском съезде по просвещению // Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Комиссариатом по просвещению в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919.
19. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М.: Московский рабочий; Терра, 1992. 303 с.
20. ГАРФ. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1.
21. Декрет Совета Народных Комиссаров о правилах приема в высшие учебные заведения // Сб. декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М.: Госиздат, 1921. С. 56–57.
22. *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента. М.: Индик, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/366585-zapiski-russkogo-intelligenta.html> (дата обращения 23.05.2018).
23. *Дмитриев А.Н.* Красный студент и политика пролетаризации высшей школы [Электронный ресурс] // НЛЮ. 2008. № 90. С. 45–61. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html> (дата обращения 23.05.2018).
24. *Жаба С.П.* Петроградское студенчество за свободную высшую школу: Доклад студента Петроградского университета, представленный Второму Съезду студенческих организаций. Paris: Русское изд-во J. Povolozki & Co, 1922. 24 с.

25. Марков А.Р. Легко ли быть студентом? Работы 1995–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 255 с.
26. Платова Е.Э., Пшенико К.А. Новое студенчество России: образ жизни: 20-е годы 20-го столетия. СПб.: СПбГТУ, 1999. 136 с.
27. Sorokin P. Leaves from Russian Diary. New York: Dutton, 1924. VI. 310 p.
28. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. [Б.и.], 1943. 818 с.
29. Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни [Электронный ресурс] // <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1377> (дата обращения 23.05.2018).
30. Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного коллоквиума. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 173–184.
31. Кравец А.С. Идеология науки [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/366/174/1217/12-Kravets.pdf> (дата обращения 23.05.2018).

References

1. Krivonozhenko AF. Some problems of the formation of Soviet high school: the experience of Petrograd University. *Vestnik KSU (Kostroma)*. 1961;5:51–5. (In Russ.)
2. Oskokov KV. Chemical faculties and departments of Russian universities in the first years of Soviet power. *Bulletin of MGOU. Series: History and Political Sciences*. 1986;2:82-99. (In Russ.)
3. Smirnova TM. The history of the development and implementation of the first statute of higher education. V: Eroshkin NP., editor. *State leadership of higher education in pre-revolutionary Russia and the USSR*: Collection of articles. Moscow: Tipografiya Glavarkhiva SSSR Publ.; 1979. p. 3-39. (In Russ.)
4. Chanbarisov ShH. Formation of the Soviet university system. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.; 1973. 472 p. (In Russ.)
5. Timiryazev KA. Science and democracy: Collection of articles: 1904–1901. M.: Publishing house of socio-economic literature, 1963. 500 p. (In Russ.)
6. David-Fox M. The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia. *East / West Education*. 1997;2:106-42.
7. Fitzpatrick Sh. Professors and Soviet Power. V: Fitzpatrick Sh. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. New York: Cornell Univ. Press, 1992. XXI, 264 p. (Studies in Soviet history and society)
8. Lepeshinskij PN., Pozner VM. Reports made at the plenary meeting on August 28, 1918. The 1st All-Russian Congress on Education. Unified Labor School. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1918. 12 p. (In Russ.)

9. News of the All-Russian Central Executive Committee. Moscow. 1918 Apr. 11. (In Russ.)
10. News of the All-Russian Central Executive Committee. Moscow. 1918 May 14. (In Russ.)
11. State Archives of the Russian Federation (GARF). Fond 2306. Opis' 18. Delo 678. (In Russ.)
12. Russian State Historical Archiv (RGIA). Fond 733. Opis' 226. Delo 210. (In Russ.)
13. State Archives of the Russian Federation. Fond 2306. Opis' 3. Delo 242. (In Russ.)
14. Lunacharskii AV. Address made at the 1st All-Russian Congress on Education. V: *Minutes of the 1st All-Russian Congress on Education, convened by the Commissariat for Education in Moscow on August 25, 1918*. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1919. p. 30-47. (In Russ.)
15. *Zalesskii AM*. Meeting on the reform of higher education in July 1918 in Moscow (Memoirs of the delegate). V: *Proceedings of the Kalinin Polytechnic Institute* (Leningrad). Vol. 190. Leningrad, 1957. 146 p. (In Russ.)
16. *Pokrovskii MN*. Lenin and the higher school. Leningrad: GIZ Publ.; 1924. 10 p. (In Russ.)
17. Lenin VI. Speech at the 1-st All-Russian Congress on Education // Minutes of the 1st All-Russian Congress on Education, convened by the Commissariat for Education in Moscow on August 25, 1918. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1919. (In Russ.)
18. *Pokrovskii NM*. Speech at the 1st All-Russian Congress on Education // Minutes of the 1st All-Russian Congress on Education, convened by the Commissariat for Education in Moscow on August 25, 1918. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1919. (In Russ.)
19. Sorokin PA. Long road. Moscow: Moskovskii rabochii; Terra, 1992. 303 p. (In Russ.)
20. State Archives of the Russian Federation. Fond 298. Opis' 2. Delo 1. (In Russ.)
21. Decree of the Council of People's Commissars on the rules of admission to higher educational institutions. V: *Sat. decrees and resolutions of the workers 'and peasants' government on public education*. Issue 1. M.: Gosizdat, 1921. S. 56-7. (In Russ.)
22. Zyornov VD. Notes of the Russian intelligentsia [Internet]. Moscow: Indrik Publ.; 2005 (data obrashcheniya 23.05.2018) URL: <http://e-libra.ru/read/366585-zapiski-russkogo-intelligententa.html> (In Russ.)
23. Dmitriev AN. Red student and politics of proletarianization of higher education. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [Internet] 2008. (data obrashcheniya 23.05.2018) 90:45-61. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html> (In Russ.)
24. Zhaba SP. Petrograd students for a free high school. Report of the student at the Petrograd University, presented to the Second Congress of Student Corporations. Paris: Russian publishing house J. Povolozki & Co Publ.; 1922. 24 p. (In Russ.)
25. *Markov AR*. Is it easy to be a student? The works of 1995–2002. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2005. 255 p. (In Russ.)

26. Platova EE., Pshenko KA. New students of Russia: a way of life: 20ies of the 20th century. Sankt-Peterburg: SPbGTU Publ.; 1999. 136 p. (In Russ.)
27. Sorokin P. Leaves from Russian Diary. New York, Dutton Publ.; 1924. VI, 310 p.
28. Collection of legalizations and orders of the government for 1920. Management of affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1943. 818 p. (In Russ.)
29. Rabinovich MB. Memories of a long life [Internet]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii dom Publ.; 1996 (data obrashcheniya 23.05.2018). URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1377> (In Russ.)
30. Finkel St. Organized Professor and University Reform in Soviet Russia (1918–1922). Power and Science, Scientists and Power. 1880s – the beginning of the 1920s: Materials of the International Scientific Colloquium. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 2003. p. 173-84. (In Russ.)
31. Kravets AS. The ideology of science [Internet]. 1992 [data obrashcheniya 23.05.2018]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/366/174/1217/12-Kravets.pdf>

Информация об авторе

Вадим С. Парсамов, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20; vparsamov@hse.ru

Information about the author

Vadim S. Parsamov, Dr. in History, professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101100, Russia; vparsamov@hse.ru

УДК 929.5

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-147-157

Успешные карьеры придворных Екатерины II: Н.Б. Юсупов и И.М. Муравьев-Апостол

Дарья А. Оксамитная

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, aksamitda@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития успешных карьер двух вельмож эпохи правления Екатерины II, а также предпринимается попытка проведения сравнительного анализа с целью выявления общего и частного в некоторых аспектах их биографий. С точки зрения автора, данное исследование призвано под иным углом осветить хорошо изученное правление императрицы, дать дополнительную информацию о механизмах социальной мобильности в среде высшей аристократии второй половины XVIII века, помочь в оценке влияния исходных данных происхождения и образования на становление карьеры, а также выявить роль личных качеств вельмож.

В статье предлагаются также и критерии отнесения карьер вельможи к типу «успешная». Биографии Н.Б. Юсупова и И.М. Муравьева-Апостола были выбраны как предположительно иллюстрирующие дифференциацию внутри группы дворян, пожалованных придворным чином и развивших свой успех в дальнейшем на значимых в государственном управлении должностях. Применяя просопографический метод анализа в качестве ключевого, автор основывает свое исследование на данных источников, содержащих биографическую информацию массового характера, в частности адрес-календарей и месяцесловов Российской империи. При написании статьи были использованы и материалы научных работ, посвященных биографиям Н.Б. Юсупова и И.М. Муравьева-Апостола, а также тем или иным аспектам указанной проблематики.

Ключевые слова: Екатерина II, придворные, императорский двор, XVIII век, Юсупов, Муравьев-Апостол, аристократия, дворянство, просопография

Для цитирования: Оксамитная Д.А. Успешные карьеры придворных Екатерины II: Н.Б. Юсупов и И.М. Муравьев-Апостол // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 147–157. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-147-157

Successful careers of Catherine the Great courtiers: N.B. Yusupov and I.M. Murav'ev-Apostol

Daria A. Oksamitnaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; aksamitda@gmail.com*

Abstract. The article is dedicated to the specialties of courtier's successful career development in the reign of Catherine the Great. As a case study were chosen two courtiers: N.B. Yusupov and I.M. Murav'ev-Apostol. There is also made an attempt of comparative study between these two careers in order to highlight common and particular features of their biographies. From the viewpoint of the author this research could illuminate the well-studied reign of the Empress from another side. Besides, it could give an additional information about the social mobility mechanisms in the aristocratic milieu during the second part of XVIII century and also could help to evaluate the impact of the education, birth rank and personal qualities on the courtier's career development. Criteria of typically successful careers are also offered in the article.

The biographies of N.B. Yusupov and I.M. Murav'ev-Apostol were chosen in order to illustrate the suppositive differentiation in the group of nobles, who were granted with a court ranks and managed to exploit their success by receiving an appointment to the important governmental posts.

The author employed the prosopography as a key method of analysis and used material from the massive biographical data sources, such as mesyatseslovy and adres-kalendari of the Russian Empire. The article is also based on the scholarly works dedicated to the biographies of N.B. Yusupov and I.M. Murav'ev-Apostol or to the different aspects of the issue.

Keywords: Catherine the Great, courtiers, imperial court, XVIII century, Yusupov, Murav'ev-Apostol, aristocracy, nobility, prosopography

For citation: Oksamitnaya DA. Successful careers of Catherine the Great courtiers: N.B. Yusupov and I.M. Murav'ev-Apostol. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;6(39): 147-57. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-147-157

Введение

Развитие Российской империи во второй половине XVIII в. требовало привлечения на государственную службу талантливых и образованных дворян. Императорский двор, помимо иных своих функций, предоставлял выбор для кадровых назначений. Таким образом, успешная придворная карьера подразумевает не только пожалование ко двору, но и последующее назначение на ответственные посты.

Одним из наиболее результативных для целей изучения успешных карьер придворных является просопографический метод, позволяющий создавать обобщенные динамические биографии. Судьба и карьера каждого из вельмож предопределялась такими исходными данными как происхождение, образование, личные дарования. Жизненный путь аристократов состоял из определенных этапов, влияние на содержание которых оказывали современные им нравы, традиции и обычаи эпохи. Через рассмотрение таких этапов для двух выдающихся деятелей своего времени князя Н.Б. Юсупова и И.М. Муравьева-Апостола попытаемся увидеть карьерную канву, характерную и для других придворных второй половины XVIII в. Указанные персоналии были выбраны в качестве объектов исследования, поскольку на примере их биографий можно проследить как общее в успешных карьерах вельмож екатерининского времени, так и особенное, обусловленное происхождением и различными условиями начала деятельности. Н.Б. Юсупов относился к родовой аристократии, из поколения в поколение входившей в ближайшее окружение монарших особ. И.М. Муравьев-Апостол был одним из тех, чье пожалование придворным чином обуславливалось скорее личными заслугами.

Происхождение и образование

Николай Борисович Юсупов (1750(51)–1831) происходил из высших аристократических кругов, и дед и отец его стояли близко к трону российских монархов. Дед князя – Григорий Дмитриевич, пожалованный еще в детском возрасте в стольники царем Федором Алексеевичем, участвовал в детских забавах юного Петра Великого, стал его сподвижником, дослужился до звания генерал-аншефа при Анне Иоанновне. Несмотря на то, что придворного чина он не получил, о степени доверия царя-реформатора к своему сподвижнику говорит назначение князя следователем по особо важным делам,

его подпись среди прочих скрепляла приговор царевичу Алексею. Карьера отца Николая Борисовича, Бориса Григорьевича, наибольшее развитие получила после его пожалования камергером ко двору императрицы Анны Иоанновны в 1730 г., что можно считать милостью его отцу, поддержавшему царицу в ее противостоянии с Верховным тайным советом. Борис Григорьевич занимал впоследствии высокие посты московского губернатора при Анне Иоанновне и петербургского – при Елизавете Петровне. Он же стал сенатором, директором Ладожского канала, главным директором Сухопутного шляхетского корпуса, президентом Коммерц-коллегии. Елизавета Петровна пожаловала ему в вечное и потомственное владение казенную суконную фабрику в селе Ряшки, увеличив и без того немалое семейное состояние [1].

Таким образом, успешное начало карьеры князя было предопределено уже его происхождением. Однако происхождение не всегда обеспечивало достойное дальнейшее развитие карьеры, многое зависело и от личности. К примеру, сын канцлера А.П. Бестужева-Рюмина Андрей Алексеевич также получил придворные чины камер-юнкера и камергера. Однако дурные наклонности Андрея Алексеевича не способствовали его служебной карьере; не имел он веса и при дворе.

Иным образом обстоит дело с родословной Ивана Матвеевича Муравьева. Будущий Муравьев-Апостол родился в семье генерал-майора и военного инженера Матвея Артамоновича Муравьева и Елены Петровны Апостол. И дед, и отец несли действительную военную службу. Но средств к существованию Матвею Артамоновичу часто не хватало, если судить по оставленным им записям. Подводя жизненные итоги, бывший военный инженер констатирует: «Господь бог меня смирил болезнию и многими в делах притеснениями с раззорением» [2 с. 69].

Следующим фактором, оказывавшим влияние на становление личности и карьеру, было образование. Первоначальное образование в большинстве случаев получали дома. К Николаю Борисовичу отец мог приглашать преподавателей Кадетского корпуса, директором которого он являлся. Впоследствии молодой князь отправился в образовательное путешествие в Европу и учился чуть более полутора лет в Лейденском университете. Следует отметить, что многие участники «русской колонии» в Лейдене были связаны родственными узами, формировали тесный кружок, восходящий к братьям Паниным [3]. Среди прочих воспитанников этого учебного заведения – братья Н.П. и С.П. Румянцевы, граф Н.П. Шереметев, князя Г.П. Гагарин и Н.А. Голицын, С.С. Апраксин, друзья

Юсупова – братья Александр Борисович и Алексей Борисович Куракины. В дальнейшей придворной жизни многие из них войдут в ближайшее окружение наследника Павла Петровича, воспитателем которого являлся Никита Иванович Панин, некоторые займут важные государственные посты в правление Павла I.

Иван Матвеевич, как следует из записок его отца, обучался полтора года математике и языкам в немецком пансионе Л. Эйлера, затем был передан на попечение Нарышкиных [2 с. 69]. Вероятно, продолжилось образование в их доме. Заграничное путешествие было довольно затратным предприятием, поэтому свой гран-тур реализовать Иван Матвеевич смог, уже будучи министром-резидентом при дворе Петра Ольденбургского в Эйтине.

Пожалование ко двору

Придворное звание камер-юнкера князь Юсупов получил в возрасте около 20 лет в 1772 г., что было нормой среди сверстников аналогичного положения в обществе. Скорее всего, при дворе князь мог оказаться и в более юном возрасте. А.Р. Воронцов, положение семьи которого при дворе было близко к положению Юсуповых, вспоминал, что императрица Елизавета Петровна часто устраивала праздники для детей дам и кавалеров, а также отмечает, что «благодаря этой привычке видеть двор мы незаметно привыкали к большому свету и к обществу» [4 с. 67]. Велика вероятность, что бывать на таких балах доводилось и маленькому Николаю. Пожалование камер-юнкером, а затем камергером органично проистекало из подобной близости ко двору всей семьи.

В случае Ивана Матвеевича речь идет скорее о заслуженном личными дарованиями придворном чине. О конкретном поводе пожалования ко двору Ивана Матвеевича так вспоминает со слов родных его сын Матвей Иванович: «1793 года отец мой написал Русскую комедию: “Ошибки, или Утро вечера мудренее”. В 1793 году, служа в Измайловском полку, отец получает пригласительный билет в Эрмитажный театр. Комедия его представлялась. По окончании представления, государыня подзывает отца и благодарит за удовольствие, которое его комедия доставила ей. Государыня назначила отца моего кавалером при двух ея старших внуках» [5 с. 369–372]. К этой же версии пожалования ко двору склонялся Н.Я. Эйдельман [6] и, кроме того, отмечал, что Иван Матвеевич был назначен воспитателем великого князя Константина Павловича. Назначение на данную должность свидетельствует

о достаточном образовании и отличительных личных дарованиях. Как известно, Иван Матвеевич переводил греческих и римских авторов, опубликовал ряд работ об эллинской и латинской поэзии, а следовательно, владел древними языками.

Развитие карьеры до и после пожалования ко двору

Если говорить о службе помимо придворной, то оба будущих вельможи были записаны в гвардию еще детьми: Николай Борисович в пятилетнем возрасте был уже пожалован корнетом Конной гвардии, Иван Матвеевич был записан солдатом в Измайловский полк. С подобной военной службы, не выходя из родительского дома, начинало свой путь большинство придворных екатерининского правления. Что, впрочем, отнюдь не предопределяло военную карьеру впоследствии. Переход на гражданскую службу был достаточно распространенным явлением. Так поступил и Николай Борисович в 1772 г., начав действительную службу в Коллегии иностранных дел и прослужив там до своего заграничного путешествия в 1774–1777 гг. Иван Матвеевич, скорее всего, также перешел на гражданскую службу в Коллегию иностранных. Начав действительную службу с 1784 г. в качестве обер-аудитора в штате Санкт-Петербургского генерал-губернатора Я.А. Брюса, позднее стал его флигель-адъютантом, а с 1788 г. числился «канцелярии советником при переводах» в Коллегии иностранных дел [7]. В этом случае состоялось позднее. Матвей Иванович датировал придворное пожалование отца 1793 г. (когда состоялось упомянутое выше представление комедии), однако в адрес-календарях Иван Матвеевич числится камергером только с 1796 г.

Следует отметить, что Коллегия иностранных дел была довольно престижным и распространенным среди камер-юнкеров и камергеров местом службы. Чаще в их послужных списках встречается только Сенат. Сенаторами станут впоследствии и Юсупов, и Муравьев-Апостол.

Дворяне, сделавшие успешную государственную карьеру, часто совмещали несколько постов в различных ведомствах. Вернувшись из первого заграничного путешествия, Юсупов числился в 1781–1794 гг. в Комиссии о коммерции, президентом которой в свое время был его отец. Проявил себя Николай Борисович и на дипломатическом поприще. Будучи назначен после своего второго заграничного путешествия 1782–1783 гг. с четой «графов Северных» полномочным министром при Сардинском дворе, он помог

сгладить обострившиеся отношения неаполитанской королевской семьи с русским посланником А.К. Разумовским в Неаполе, а также ездил с особой миссией в Венецию, встречался в Риме с папой Пием VI. Вернувшись в Россию, Юсупов получил назначение сенатором в первый департамент, с 1791 г. присутствовал в межевой экспедиции Сената. С 1790 г. он осуществлял «главное надзирание» в Императорской шпалерной мануфактуре, в 1791 г. был назначен директором Императорских театров, в 1793 г. – директором Императорского стеклянного завода; в 1795 г. в его ведение отдан Императорский фарфоровый завод. На каждом из направлений деятельности князю удалось добиться определенных успехов [4 с. 202, 261]. Следует отметить, что для правления Екатерины II характерно положение, при котором на способных придворных возлагался целый ряд должностей в определенной сфере деятельности. Так, И.И. Бецкой «был ответственен» за образование и благотворительность, Г.Г. Орлов занимал должности, которые можно отнести к компетенции Военного министра, Юсупов же являлся в некотором роде ответственным за культурную политику.

Деятельность рожденного на десятилетие позднее Ивана Матвеевича подобного размаха не получила, во многом в результате смены монархов и, как следствие, смены кадровой политики. Основное развитие карьеры Ивана Матвеевича отмечено на дипломатическом поприще уже при Павле I.

При преемниках Екатерины II

На жизненном пути обоих вельмож похожим образом сказывается смена высшей власти в стране. И Юсупов, и Муравьев сумели сохранить позиции при дворе и в государственном управлении при Павле I и даже получить новые высокие посты. Николай Борисович умел ладить и с покойной императрицей, ценившей его художественный вкус, и с новым императором, снискав его расположение, возможно, еще во времена путешествия наследника в Европу. Дружил Юсупов с близкими к Павлу братьями Алексеем и Александром Куракиными. Все эти обстоятельства, а также личные заслуги князя сохранили его положение при дворе и в государственном управлении и позволили занять новые посты. 20 ноября 1797 г. Николай Борисович стал главным директором Мануфактур-коллегии, в ноябре 1800 г. министром Департамента уделов. Павел выказал ему особое доверие, сделав Николая Борисовича управляющим именьями членов императорского дома.

Новые назначения получил при Павле и Иван Матвеевич Муравьев. Во многом успешное движение по карьерной лестнице Ивана Матвеевича объясняется расположением ставшего вице-канцлером после смерти А.А. Безбородко графа Н.П. Панина, камергера императорского двора. Иван Матвеевич был пожалован чином тайного советника в 1800 г. в качестве оценки его дипломатической работы министром-резидентом с 1796 г. в Эйтине при дворе Петра Ольденбургского (в 1798 г. совмещал эту службу с аналогичным постом в Гамбурге, а в конце 1799-го и в Копенгагене) и стал вице-президентом Коллегии иностранных дел в 1801 г. Здесь следует отметить некоторую общую особенность карьерных путей Юсупова и Муравьева: оба служили в качестве посланников при иностранных дворах, будучи примерно одинакового возраста около 34–38 лет, чин тайного советника они получили в 37 лет. Юсупов получил его в 1788 г., одновременно с назначением в Сенат, а в 1796 г. одновременно с назначением на должность президента Мануфактур-коллегии стал и действительным тайным советником.

В первые годы царствования Александра I Муравьев успешно продолжал карьеру: в 1802 году он был назначен посланником в Мадрид, где служил до 1805 года. Но затем внезапно отозван в столицу и уволен от службы почти на двадцать лет вплоть до 1824 г. Причины такой немилости императора до конца не ясны. Н.Я. Эйдельман приводит версию [6], согласно которой до Александра I могли дойти слухи об убежденности Муравьева-Апостола в необходимости подписания царем хартии во время событий марта 1801 г. Кроме того, опала постигла и его покровителя – Н.П. Панина, отзыв этой отставки сказался и на положении его подчиненного. Этот момент его биографии перекликается с биографией Николая Борисовича Юсупова. Известны не слишком положительные отзывы императора о руководстве Юсуповым Мануфактур-коллегией и Министерством Уделов [4 с. 261]. Кроме того, в начале своего царствования Александр был настроен на проведение преобразований в стране, в этом его поддерживали молодые друзья, входившие в Негласный комитет. Возможно, либеральные взгляды младореформаторов вступали в противоречие с более консервативными убеждениями опытных сановников, к которым относился Николай Борисович. Почувствовав перемены, князь сам ушел в длительную отставку.

Говоря о продолжении карьеры, следует отметить, что на службу и Юсупов и Муравьев-Апостол через некоторое время вернулись, но Иван Матвеевич на десятилетие дольше был в отставке. В 1814 г. Николай Борисович получил место директора Кремлевской экспедиции строений и Оружейной палаты и продолжал службу на этом

посту вплоть до своей смерти в 1831 г. В марте 1824 г. Александр I вновь призвал на действительную службу и Ивана Матвеевича, определив его в Сенат и в члены Главного управления училищ. Но продолжившаяся карьера Муравьева будет прервана опалой через два года. На этот раз ее причиной стало участие троих сыновей сенатора в декабристском движении, при этом Сергей Муравьев-Апостол оказался в числе пяти казненных организаторов.

Заключение

Так выглядит карьерная канва жизни обоих вельмож, имеющая довольно много похожих отрезков, позволяющих вывести некоторый общий вектор успешной придворной карьеры. Карьеры Юсупова и Муравьева-Апостола можно назвать достаточно успешными. В обоих случаях значительную роль сыграли личные качества и придворные связи. Кроме того, придворная служба вельмож способствовала и продвижению на иных направлениях деятельности. Попадание в поле зрения монаршей особы вкупе с талантом и умелым использованием придворных связей обеспечило карьерный успех.

При этом следует отметить, несмотря на то, что и Николай Борисович, и Иван Матвеевич относились к плеяде высших сановников империи, различие их положений вполне прослеживается. Николай Борисович принадлежал к родовой аристократии, его предки стояли близко к трону в предыдущие царствования, останутся также близки к монаршей семье и все его потомки вплоть до 1917 г. Одно происхождение предопределяло многое, остальное было делом личных дарований, благодаря которым он имел возможность общения с монаршей фамилией на ином уровне [4, 8], чем Иван Матвеевич Муравьев-Апостол.

К Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу монаршая милость была более переменчива, положение не столь прочно. При дворе, куда традиционно жаловались представители примерно одинакового перечня фамилий, «новичку» следовало проявлять особую осмотрительность, поскольку в его поддержку в случае неосторожности не вступал целый клан, в некоторых случаях к тому же состоявший в родстве с монархом. В том числе и этот фактор обусловил длительную опалу Ивана Матвеевича Муравьева при Александре I. Ощущение несправедливости сложившегося положения дел после отставки 1805 г. наверняка отразилось не только на личности самого Ивана Матвеевича, но и могло оказать влияние на мировоз-

зрение его сыновей, чье участие в событиях 1825 г. окончательно лишило отца возможности восполнить упущенные во время опалы возможности послужить Отечеству.

Литература

1. *Кукурузова Н.В.* «Богаче Романовых?..»: О богатстве князей Юсуповых. СПб.: Юсуповский дворец, 2006. 127 с.
2. Записки М.А. Муравьева / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Т.Г. Дмитриевой, М.М. Якушкиной, Г.Р. Якушкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 7–81.
3. *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М.: Знак, 2005. 432 с.
4. *Буторов А.В.* Князь Николай Борисович Юсупов: Вельможа, дипломат, коллекционер. М.: Астрель, 2012. 656 с. (Портретная Московского английского клуба).
5. *Муравьев-Апостол М.И.* Из рассказов Матвея Ивановича Муравьева-Апостола / Сообщ. А.П. Сазанович // Русский архив. 1888. Кн. 3. Вып. 11. С. 369–372.
6. *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 365 с.
7. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова [1772–1804]. СПб.: Имп. Академия наук, 1769–1804. XX, 380, [2], VIII с.
8. Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885. 498 с.

References

1. Kukuruzova NV. "Richer than the Romanovs?.." About the wealth of the Yusupovs. Sankt-Peterburg: Yusupovskii dvorets Publ.; 2006. 127 p. (In Russ.)
2. Dmitrieva TG., Yakushkina MM., Yakushkina GR., publ. Memoirs of M.A. Murav'ev. V: *Russian Archive: the history of fatherland in witnesses and documents of XVIII–XX centuries*: Almanac. Moscow: Studiia TRITE: Rossiiskii Arkhiv Publ.; 1994. p. 7–81. (In Russ.)
3. Andreev AYu. Russian students in German universities in the 18th – first part of 19th centuries. Moscow: Znak Publ.; 2005. 432 p. (In Russ.)
4. Butorov AV. Prince Nikolai Borisovich Yusupov. Nobleman, diplomat, collector. Moscow: Astrel' Publ.; 2012. 656 p. (Portrait gallery of the Moscow English society) (In Russ.)

5. Sazanovich AP, inform. Murav'ev-Apostol MI. From the stories of Matvei Ivanovich Murav'ev-Apostol. *Russkii arkhiv*. 1888; 11: 369-72. (In Russ.)
6. Eidel'man NYa. Apostol Sergei: Novel about Sergei Murav'ev-Apostol. 2-e edition. Moscow: Politizdat Publ.; 1980. 365 p. (In Russ.)
7. Menologium with the list of officials in the state for the dominical years 1772–1804. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ.; 1769–1804. XX, 380, [2], VIII p. (In Russ.)
8. Stories of grandmother. From the memoirs of five generations, which were recorded and collected by her grandson D. Blagovo. Sankt-Peterburg: Tipografiya A.S. Suvorina Publ.; 1885. 498 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Дарья А. Оксамитная, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; aksamitda@gmail.com

Information about the author

Daria A. Oksamitnaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; aksamitda@gmail.com

Художник *В.В. Сурков*

Корректор *Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 13.06.2018

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 228

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
